

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2017 – № 4**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. –
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – № 4. – 143 с. – ISSN 2499–9679.
2017, № 4. – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Жеф Вершурен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривонос**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Белоруссия); **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Рenate Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала Московского государственного лингвистического университета; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ, Ярославль); **Т. Н. Федулeнкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Тел.: (4852) 30–55–96 (научная часть), 72–64–05, 32–98–69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № ФС 77–68454 от 27.01.2017 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2017

© Авторы статей, 2017

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2017. – № 4. – 143 pages. – ISSN 2499–9679.
2017, № 4. – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU; **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University; **Jef Verschuere**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, Moscow City University; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU; **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University; **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee; **G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **T. G. Popova**, Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence, RF (Moscow); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (IUB&NT, Yaroslavl); **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

The magazine is included into the list of the leading reviewed scientific magazines and editions
where the main scientific results of theses to get the academic degree of the Doctor and Candidate of sciences are published.

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108
Tel.: (4852) 30–55–96 (research department), 72–64–05, 32–98–69 (publishing office)
Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Certificate of mass media registration
(Russian Federation Ministry for Press, Broadcasting and Mass Communication)
PI № FS 77–68454, 27.01.2017

© FSBE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State
Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», 2017
© Authors of the articles, 2017

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 4 – 2017

«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Филипповский Г. Ю. Аванти как родина индийского театра	8
Скибинская О. Н. Рукопись Г. С. Лебедева в контексте книжной культуры Ярославского края	15
Котин И. Ю. А. М. Мерварт как биограф Г. С. Лебедева	19
Лукьянчикова Н. В. Ода ярославца В. И. Майкова в контексте литературы Ярославля второй половины XVIII века	28
Мельник В. И. И. А. Гончаров и П. В. Анненков: история отношений писателя и критика	32
Ваняшова М. Г. Пьеро, мечтавший стать Арлекином: ранний Мейерхольд на подмостках театра, поэзии и истории	36
Пeftиев В. И. Право и политика (полузабытое) в наследии И. С. Тургенева	48
Колышева Е. Ю. Система образов «московских» глав в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	53
Иванов Н. Н. Маленький человек А. И. Солженицына в контексте нравственных поисков русской литературы XX столетия	60
Галанова В. А. Фёдор Глинка и современники: влияние на русскую литературу	63

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сенгупта Смиа Книга Г. С. Лебедева «Беспристрастное созерцание...»: трудности перевода на бенгали	70
Суханова И. А. Уроки интертекста от Умберто Эко. Часть 2	74
Иванова О. Е. Неравномерность процесса письменного освоения слов и словарная кодификация	82
Кулаковский М. Н. Вставные конструкции как средство создания комического в художественном тексте	90
Ухова Л. В. Визуальный язык пользователей социальных сетей	97

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Ермолин Е. А.</i> Каузальная атрибуция как элемент «исторического гнозиса» (Г. С. Лебедев, С. И. Плещеев, А. Б. Куракин) _____	101
<i>Землянская Н. С.</i> Поиск сведений о происхождении Г. С. Лебедева _____	106
<i>Марасанова В. М.</i> Ярославль в системе торговых связей России и Индии в XVII веке _____	112
<i>Черновская В. В.</i> Ярославль времени Г. С. Лебедева _____	117
<i>Юрьева Т. В.</i> Сакральный облик Ярославля второй половины XVIII века _____	122
<i>Макарова Е. Ю.</i> Из истории ярославской иконописи XVIII века _____	127
<i>Ерохина Т. И., Логинова Е. Д.</i> Пограничность персонажей аниме Хаяо Миязаки: трансформация идентичности _____	133
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	138
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ _____	142

*"The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought..."*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Filippovsky G. Yu. Avanti as Homeland of the Indian Theater _____	8
Skibinskaya O. N. Gerasim Lebedev's Manuscript in the Context of the Book Culture of the Yaroslavl Region _____	15
Kotin I. Yu. A. M. Mervart as a Biographer of G. S. Lebedev _____	19
Lukyanchikova N. V. The Resident of Yaroslavl V. I. Maykov's Ode in the Context of Literature of Yaroslavl in the Second Half of the 18th century _____	28
Melnik V. I. I. A. Goncharov and P. V. Annenkov: History of Relations of the Writer and the Critic _____	32
Vanyashova M. G. Pierrot Dreaming to Become the Harlequin: Young Meyerhold on a stage of theater, poetry and history _____	36
Peftiev V. I. The Right and Policy (Half-Forgotten) in I. S. Turgenev's Heritage _____	48
Kolysheva E. Yu. The System of Personages of «Moscow» Chapters in M. A. Bulgakov's Novel «The Master and Margaret» _____	53
Ivanov N. N. A. I. Solzhenitsyn's Little Person in the Context of Moral Search of the XX century Russian Literature _____	60
Galanova V. A. Fiodor Glinka and Contemporaries: Influence on Russian Literature _____	63

LINGUISTICS

Sengupta Smita G. S. Lebedev's book «Impartial contemplation ...»: difficulties of translation into Bengali _____	70
Sukhanova I. A. The Lessons of Intertexts from Umberto Eco. Part 2 _____	74
Ivanova O. E. Unevenness of the Process of Written Development of Words and Dictionary Codification _____	82
Kulakovsky M. N. Parentheses as a Means of Creating Comic in the Art Text _____	90
Ukhova L. V. Visual language of Social Network Users _____	97

CULTURAL SCIENCE

Ermolin E. A. Causal Attribution as an Element of «Historical Gnosis» (G. S. Lebedev, S. I. Pleshcheev, A. B. Kurakin) _____	101
Zemlyanskaya N. S. Search of Data on G. S. Lebedev's Origin _____	106
Marasanova V. M. Yaroslavl in the System of Sales Links of Russia and India in the 17th century _____	112
Chernovskaya V. V. Yaroslavl of G. S. Lebedev's Times _____	117
Yurieva T. V. Sacral Image of Yaroslavl in the Second Half of the 18th Century _____	122
Makarova E. Yu. From History of Yaroslavl Iconography of the 18th Century _____	127
Erokhina T. I., Loginova E. D. Frontier of Hayao Miyazaki's Anime Characters: Transformation of Identity _____	133

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS _____	140
--	------------

CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN» AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS _____	143
---	------------

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

Г. Ю. Филипповский

Аванти как родина индийского театра

Статья раскрывает тему истоков древнеиндийской драматургической литературы и театра в связи с древним центром Индии – городом Уджейном, столицей области Аванти (Малава), где были прославлены имена Калидасы, Бхасы и других поэтов-драматургов Древней Индии. Кроме того, в статье речь идет о древней школе искусств в городе Дхаре, где сохранились выбитые на камне тексты древнеиндийской стиховой драмы.

Ключевые слова: индийская поэзия и театр, Калидаса, Уджейн-Аванти, Дхар, Бходжшала, древнеиндийская стиховая драма, «Шакунтала», переводы Н. Карамзина и К. Бальмонта.

LITERARY CRITICISM

G. Yu. Filippovsky

Avanti as Homeland of the Indian Theater

The article reveals a subject of sources of Old Indian dramaturgic literature and theater in connection with the ancient center of India – the city of Udschain – the capital of the Avanti area (Malava), where names of Kalidas, Bkhas and other poet-playwrights of Ancient India were glorified. Besides, the article is about ancient school of arts in the city of Dkhare, where the texts of the Old Indian verse drama, having been beaten out on a stone, have remained.

Keywords: Indian poetry and theater, Kalidas, Udschain-Avanti, Dkhar, Bkhodzshala, Old Indian verse drama, «Shakuntala», N. Karamzin and K. Balmont's translations.

Настоящая статья посвящена истокам древнеиндийской стиховой драматургии и театра – одной из важных ветвей мировой поэзии и литературы. Покровительницей этого рода искусства, поэзии и литературы была в Древней Индии богиня Сарасвати, которая изображалась в виде прекрасной женщины, играющей на древнем музыкальном инструменте под манговым деревом. Скульптурное изображение Сарасвати [10], древнеиндийской богини, покровительницы искусств, в том числе музыки и театрального искусства, танца, наук, богини мудрости и красоты, датированное XI–XII вв., находится в собрании Британского Музея в Лондоне. Некогда оно украшало просторный внутренний двор с колоннадой по периметру Бходжшала в Дхаре (запад Центральной Индии) – училища искусств для девушек, построенного в XI–XII вв. царем по имени Бходжа, который правил в области Малава в центре Индии, где

в древности находилось царство Аванти [15, р. 32–33]. Главным украшением древнего здания Бходжшала до сих пор являются вертикально стоящие большие плиты черного базальта при входе во внутренний двор, от уровня земли покрытые выбитыми на них текстами на пракрите. Это тексты драм великого древнеиндийского драматурга Калидаса (IV–V вв. н. э., правление царя Чандралупты II), в частности, его драмы «Малавика и Агнимитра» [17]. Эти древние тексты, увековеченные на камне, современники Бходжшала, и по названию, и по содержанию связанные с древнеиндийской областью Малава (Аванти), – бесценное культурное достояние Индии, свидетельство расцвета театрального искусства на земле Древней Индии, в своем роде раритет.

Мне посчастливилось посетить прекрасно сохранившийся в его древнем виде Дхар и Бходжшала поздней осенью 1974 года в сопровожде-

нии одного из моих студентов – Прадипа Шуклы (его отец, д-р Шукла, авторитетный администратор, заведующий издательским отделом Викрамского университета в Уджейне, где я тогда работал, специально для меня выхлопотал официальное разрешение на посещение Дхара). Особенность же этой поездки как своеобразного «погружения» в почти нетронутую атмосферу древнеиндийской княжеской столицы с уникальными реалиями древнеиндийской поэтической культуры состояла не только в решимости моей посвятить дальнейшую жизнь исследованию средневековой культуры и литературы (почему я тогда опубликовал в научном журнале Викрамского университета статью на английском языке о связи древнеиндийской и древнерусской культуры [16]), но и в невероятной удаче, выпавшей сразу после приезда в Уджейн летом 1972 года.

Не успев еще освоиться в индийской специфике и начать свой первый учебный год на факультете русского языка и литературы Викрамского университета в Уджейне (штат Мадхья-Прадеш), я оказался свидетелем и даже частично участником проходившего раз в пять лет в разных древних городах Индии фестиваля (мелан) древнеиндийских театров. В сентябре 1972 года этот замечательный фестиваль, всеиндийский, а фактически – общемировой, с приглашением мировых знаменитостей, специалистов в области древнеиндийской культуры (таким гостем был, например, тогда проф. Дж. Бэшем (Basham), автор известной книги «What a Wonder India was» [13]) проходил именно в Уджейне, на базе Викрамского университета, что было для всех нас редким, фантастическим везением. Успеху фестиваля, который на хинди назывался «Калидас Самарох», во многом способствовал ректор Викрамского университета, известный индийский поэт Шив Мангал Сингх «Суман» (по-индийски – «цветок»). Скоро пришлось убедиться, что связь здесь существовала, и не внешняя, а внутренняя, глубинная. Действительно, древнеиндийская поэзия, часто любовная, тесно связанная с природой, благоуханна, тонка, как аромат индийских белых цветочных кустов, посвященных Шиве, каковы, впрочем, и стихи древнеиндийской драмы, например, «Шакунтала» Калидасы («Признанная /по кольцу/ Шакунтала» – «Абхиджняна-Шакунтала») или его же упомянутая выше «Малавика и Агнимитра», а также «Счастье мира», «Урваши» – «Мужеством /обретенная/ Урваши» – «Викраморваши» [5, с. 98–132].

Выяснилось, что Уджейн, древний Удджайни или Авантика (столица древнего царства Аванти, где некогда правили легендарный царь Викрамадитья [15, р. 61, 84–91] или царь-поэт Бхартрихари [8; 5, с. 60–62]) совсем не случайно избран местом проведения «Калидас Самарох» – фестиваля древнеиндийского театра: это город Калидасы [6; 7; 11], одного из великих основоположников древнего театра Индии. И не только его. Авантику связывают с одним из предшественников Калидасы – поэтом и драматургом Бхаса (наиболее известна его лирическая драма «Свапнавасадатта» и другие произведения на сюжеты «Махабхараты»), который жил и писал в III–IV вв. н. э. [3], а также с последователем Калидасы – поэтом и драматургом Шудрака, автором знаменитой драмы «Глиняная повозка» («Мриччхакатика» VI в. н. э.). Уджейн – древняя Авантика – вырастает тем самым до масштаба родины древнеиндийского театра. Именно так воспринимали его съехавшиеся в Уджейн в 1972 году участники фестиваля древнеиндийского театра, как актеры, постановщики и художники-декораторы, так и ученые-исследователи, прибывшие со своими докладами на научную конференцию по вопросам изучения древнеиндийского театра, но и, конечно, простые зрители.

Уже в первый день фестиваля, побывав на большом книжном развале, я купил редкое издание одной из ранних поэм Калидасы «Ритусамхар» – «Времена года» – с переводом на английский язык, статьями и комментариями [18]. Эпическое по форме произведение, как я увидел и почувствовал, отличалось проникновенным лиризмом, особым поэтическим восприятием природы, глубинной всепоглощающей связью человека и природы. Позже, знакомясь с поэтическими текстами драм и поэм Калидасы, я прикоснулся к тонкой лирической составляющей его древних поэтических текстов, где чудесные деревья архаического красивого леса цветут и плодоносят одновременно, где среди усыпанных цветами и плодами деревьев мирно живут спокойные олени и священные коровы, птицы и хищники, где не столько дворцы, сколько скрытые в лесах ашрамы. Созвучны красоте и первородной чистоте природы и чувства героев, их действия и поступки. Так, в первом акте «Шакунталы» (первой из драм Калидасы, ставшей очень популярной в Европе, переведенной Уильямом Джонсом в 1789 г., и с его перевода изданной Геор-

гом Форстером на немецком языке в Германии в 1791 году, и тогда же признанной европейскими основоположниками романтизма Гердером, Жан-Полем и Гете одной из лучших драм мира [5, с. 98–132]) появляются развешенные на деревьях для просушки влажные от воды валкалы (род древней одежды или одежды-обуви); в 6 акте царь-герой Душьянта собирается изобразить на своей картине дерево, на ветвях которого мокрые валкалы, – образ, рожденный ситуацией, соединившей валкалы и омовение около ашрама [1, с. 127]. Исконное единство природы и человека, тоска по изначальной близости природы и человека, чистоте и незамутненности чувства, например, в «Шакунтале» проявляются в сценах романтического прощания героев с садом, цветами, деревьями, холмами, в поэтической магии чудесного, что проявляется в обыденном; прошлого в настоящем; «единого во всем и всего в одном», то есть необыкновенная цельность, естественная прелесть изображения природы и чувств героев – все проникнуто необыкновенно тонким художественным вкусом, особой индийской мудростью (например, образ божественного мудреца Кашьяпы).

Самыми лучшими произведениями, несомненно принадлежащими перу Калидасы, признаны «Шакунтала» (среди драм) и «Мегхадута» – «Облако-вестник» (среди поэм). К тому же стихи из поэмы «Облако-вестник» обнаружили выбитыми на санскрите на стене храма в Мандсоре с датировкой не позднее 473 года н. э. [4, с. 44]. Та же поэма «Мегхадута» признана лучшим образцом лирики Калидасы и, вероятно, всей древнеиндийской лирики в целом. Все же другие его поэмы, включая «Ритусамхара» – «Времена года», а также «Рагхуванша» – «Родословная Рагху» и «Кумарасамбхава» – «Рождение бога войны Кумары», отмечены высоким поэтическим мастерством, оригинальностью, истинным талантом. Вот строки из поэмы «Мегхадута» – «Облако-вестник», обнаруживающие черты высокого поэтического стиля Калидасы и одновременно его опоры на эпизоды четвертой книги «Рамаяны» – великого древнеиндийского эпоса:

*В разлуке исхудав, косою тонкой извивая струйки
И потускнев от листьев, что поблекли и с дерев
упали,
Река тоску жены, в разлуке любящей, тебе пред-
ставит:*

*Твой долг теперь ее утешить и наполнить свежей
влагой [4, с. 44].*

(Перевод П. Риттера)

*Твой взгляд подобен взгляду лани, чело высокое – луне.
Твой стан я узнаю в лиане, изогнутую бровь – в волне,
А локоны – в павлиньих перьях, а щеки – в заревом
огне,*

*Но цельное твое подобье еще не повстречалось
мне...*

*Ты снешься мне, я простираю с надеждой руки, но
едва*

*К тебе приближусь, – обретаю лишь призрак вме-
сто естества,*

*И, мне сочувствуя всем сердцем, лесные плачут
божества, –*

*Вот почему росой жемчужной покрыты ветви и
трава.*

(Перевод С. Липкина)

Упомянутые «Рамаяна» и «Махабхарата» существовали в версиях народного площадного театра в Индии с глубокой древности. И сейчас на самый популярный в народе праздник огней Дешейра-Дивали (Дипавали) вечером при стечении толп сжигают огромное чучело Равана (персонажа Рамаяны), а на ярко освещенных городских площадях для народа разыгрываются театральные инсценировки эпизодов Рамаяны и Махабхараты, пользующиеся неизменным успехом. Театр – древнее народное искусство Индии. Некоторые из текстов пьес прямо упоминают название города Уджейна, древней Авантики [1, с. 157]. В частности, такой драмой является «Мриччхакатика» – «Глиняная повозка» (иногда переводится как «Игрушечная повозка»). Разные исследователи (д-р Г. Вилсон, Вилфор) соотносят персонажи и сюжеты этой драмы то с V в. до н. э., то со II в. н. э., то с I в. до н. э. В любом случае несомненна связь Уджайна-Авантики с древними эпохами истории Индии и с существованием древнеиндийского театра в эти эпохи. Менее очевидна, но также несомненна связь Калидасы с Уджейном по тексту драмы «Малавикагнимитра». Древняя Малава-Аванти – обширный регион центральной Индии, охватывающий и древние столичные города Уджейн-Авантика и Дхар, и другие древние города, но в самой пьесе героя Агнимитра отождествляют с правителем именно Уджейна-Авантики во втором веке до н. э. [15, р.124], в эпоху царствования Пушьямитры (184–148 гг. до н. э.) в Северной и Центральной Индии.

На связь Калидасы именно с Уджейном указывает имя «Калидасы» – «Раб Кали» [15, р. 87], а местные легенды связывают с именем Калидасы храм Махакали на территории древней Авантики, в местности «Гарх» [15, р. 142–143] к северу от современного Уджейна. Здесь же, на берегу Кшипры, древней священной реки Индии, находится пещера, куда, согласно легенде, уединялся в поисках поэтического вдохновения и философского размышления царь-поэт Бхартрихари (7 в. н. э.) [8; 4, с. 60–62]. В пещеру до сих пор ведёт узкий лаз (около 2 м), который непросто преодолеть, но зато потом ты вознаграждён удивительной, как бы неземной атмосферой, удивительным неземным светом, которые царят в этой древней пещере. С Уджейном-Авантикой связывают многочисленные и весьма известные сказания-легенды о царе Викрамадити [9], который правил именно в древней Авантике. Что касается исторических европейских свидетельств о былом величии и славе Уджейна-Авантики, то ими могут служить упоминания этого города в древнегреческих сочинениях географа Птолемея [15, р. 9]. Заслуживает внимания то обстоятельство, что древний Уджейн стоит на тропике Рака (в нем сохранилась древняя обсерватория), как и многие древние центры Египта и Междуречья; в древних текстах его называли «Город Света».

Истоки древнеиндийской поэзии и драмы, как принято считать, уходят к VI–IV вв. до н. э., к временам Вальмики, легендарного автора Рамаяны, который, полагают, бывал в Уджейне-Авантике. Искусство классической древнеиндийской драмы на санскрите (пракрите) опиралось, в частности, на предписания «Натьяшастры» (Искусство драмы) 2 в. н. э. [4, с. 30–31], однако ещё более ранним временем датируют жизнь и творчество Ашвагхоши, автора ряда поэм. Авторство «Натьяшастры» приписывают древнему легендарному мудрецу Бхарате, но признают, что он уже опирался на развитую теоретическую традицию древнеиндийской драмы. Названный санскритский трактат приписывает изобретение искусства драмы верховному богу индуизма Брахме. Как говорит «Натьяшастра», боги попросили Брахму создать что-то, доставляющее удовольствие и уху, и глазу человека и доступное всем кастам, включая и низшие-кшудры. Тогда и была создана драма. Прав Пушкин, когда писал, что драма родилась на площади для всеобщего увеселения. Интересно, что подробные предписания «Натья-

шастры» признают не только условности санскритской драмы, но и необходимость правдоподобия жестов, речей, одежды актёров, устремлённости драмы к гармоническому синтезу. Известный исследователь древнеиндийской драмы П. А. Гринцер, помимо вышесказанного, пишет: «Оговаривается особая языковая дифференциация, специфика: на санскрите в драме говорят цари, брахманы, полководцы; на пракрите – женщины и мужчины средних сословий; на магадхи лица низкого происхождения. В плане сценического действия существовали некие запреты: запрещалось на сцене изображать смерть, убийство, борьбу. В основе лежало правило достижения духовного равновесия. Именно эта идея гармонизации пришла в древнеиндийскую драму из древних буддистских драм Ашвагхоши (фрагменты трёх драм были обнаружены в Китае, в Центральной Азии, Турфане, например, «Шарипутрапракарана») [4, с. 31–35].

В драме Калидасы «Малавикагнимитра», где Уджейн-Авантика упомянут как место действия, особо замечателен пролог. В нём упомянут Бхаса, предшественник Калидасы, живший и творивший в Уджейне-Авантике. Одной из классических и несомненно принадлежащих Бхасе драм была «Свапнавасадатта» [4, с. 35–38]. В 1915 году индийский учёный Т. Ганапати Шастри опубликовал 13 ранее неизвестных пьес Бхасы, причём аргументация учёного во многом была связана с драмой Бхасы «Свапнавасадатта». Драммы Бхасы написаны на сюжеты Рамаяны, Махабхараты, на сказочно-фольклорные сюжеты, на сюжеты о Кришне. Сюжеты о любви, с переодеваниями и интригой, о царе Удайне и его любимой жене Васавадатте, о царевне Падмавати безусловно повлияли на творчество великого поэта и драматурга Калидасы.

С Калидасы, жизнь и творчество которого принято связывать с Уджейном-Авантикой, с его драмы «Шакунтала» начинается европейское открытие древнеиндийской драматургии: в 1789 году в Калькутте появился первый перевод её на английский язык У. Джонса [2, с. 545]. В это же время в той же Калькутте развивал свою театральную деятельность представитель России, ярославец Герасим Лебедев [2, с. 538]. Интерес к Индии в России отразился в это же время, в 1792 году, в переводе Н. М. Карамзина драмы «Шакунтала» [2, с. 537–566]. Эта первая публикация древнеиндийской

драматической поэзии на русском языке появилась в майском и июньском номерах «Московского журнала» за 1792 год. И журнал, и перевод принадлежали Н. М. Карамзину. Были переведены первое и четвёртое действия драмы Калидасы, озаглавленные «Сцены из Саконталы, Индейской драмы». Значение этого события для развития русской литературы эпохи романтизма трудно переоценить. Не случайно в том же году в четвёртом собрании его «Рассеянных листов» (1792) Иоганн Готфрид Гердер, сыгравший важную роль в формировании романтического образа Индии в европейском литературном сознании, назвал «Шакунталу» «цветком среди цветков»: «Простая сказка о роковом кольце предлагает вереницу сцен, в великом разнообразии ведущих нас от нежнейшей прелести идиллии в роще отшельников к самому высокому эпосу парадиза над облаками. Все сцены связаны цветочной гирляндой; каждая произрастает из сути событий естественно, как прекрасное растение. Здесь имеется множество возвышенных и одновременно нежных представлений, которые тщетно было бы искать у греков... Я сомневаюсь, можно ли помыслить более по-человечески нежные и вместе с тем возвышенные идеи в нашем земном мире, чем это царское достоинство, эту природу и любовь – индийские святыни» [2, с. 544, 558].

П. А. Гринцер вслед за Гердером отмечает, что идея всеобщей связи явлений составляет высокий пафос «Шакунталы» и, не ослабляя действия, создаёт особый драматический эффект. Калидаса во всём опирается на чудесное и сверхъестественное; чудесное в сюжете «Шакунталы» не просто зависит от силы воображения, но обусловлено традиционной индийской верой в единство мира, отчего в пьесе совместно живут и воздействуют друг на друга люди и духи, боги и цари; написана она «по-индийски, с тонким и внимательным размышлением, спокойно и тщательно». Кстати, в упомянутом издании 1792 года Гердер опубликовал под названием «Мысли нескольких брахманов» свои переводы дидактических строф из Бхартрихари, известного древнеиндийского царя-поэта и философа из Уджейна-Авантики.

Легенда Калидасы-поэта говорит, что он провёл ночь в храме Кали (сейчас Калика-темпл в старой Авантике) и боги наделили его поэтическим даром [15, с. 143]. Можно вспомнить, что подобная легенда об обретении поэтического дара

существует в Ливане-Сирии V в. н. э. в связи с создателем жанра кондака Романом Сладкопевцем, византийско-греческим поэтом раннего средневековья, а также с другим известным основателем традиции литургической поэмы в Англии VII в. – пастухом Кэдмоном из монастыря Хильды в Витби, который обрёл поэтический дар во сне при чудесном вмешательстве Богородицы. В поэмах и пьесах Калидасы отмечают их перекличку с произведениями, например, Вергилия (Энеида, Георгики и Буколики). В пьесах Калидасы нет острых драматических конфликтов. Нет даже неожиданных поворотов сюжета, наоборот, зритель заранее предупреждён о развитии сюжета, его благополучном исходе; это лирические драмы, где преобладает поэзия любви и поэзия природы [4, с. 48–49]. Так, «Малавикагнимитра» – драма лёгкой придворной интриги: царь и его возлюбленная царевна-пленница красивы, пылки в любви, но и галантны. В «Шакунтале» изложен один из сюжетов Махабхараты: царь Душьянта соблазняет девушку-отшельницу, затем отрекается от неё из боязни кривотолков, но голос с неба заставляет героя признать Шакунталу его женой.

Самый известный перевод «Шакунталы» на русский язык принадлежит поэту Константину Бальмонту [5, с. 104–105]. Хорошо писал о «Шакунтале» Р. Тагор, который увидел здесь воплощение того душевного пути, который прошли герои через очистительный огонь страдания – от случайной, преходящей, чувственной страсти к возвышающей духовной любви, от греховного чувственного начала к благородным и мудрым законам любви и жизни [4, с. 48–49]. Это лирическая драма, здесь нет темы трагической вины – Калидаса сознательно очищает своего героя-царя от корыстных или эгоистических мотивов, в несчастье героев нет их вины, только роковые свойства или законы любви. Как уже отмечалось, тема единства человека и природы проявляется в описании жизни Шакунталы в лесной хижине: «Мне растения как сёстры», – восклицает героиня. В финале происходит очищение жизни героев, углубление её смысла. Гармония бытия в финале звучит в фразе: «Какое благородное очарование в Земле!». Лучше других о «Шакунтале» сказал Гёте:

*Хочешь ли ранний рассвет с плодами позднего года,
Хочешь ли то, что зовёт и чарует и что утоляет,*

*Хочешь ли в слове одном постигнуть и Небо,
и Землю,*

Молвлю «Сакунтала» я, этим всё сказано вдруг.

[4, с. 48] (перевод К. Бальмонта)

Творчество Калидасы получило мировое признание, поэтому неудивительно, что в городе, где он творил, в Уджейне-Авантике, проходили посвящённые ему всемирные конференции по древнеиндийской драме и поэзии.

Библиографический список

1. Алиханова, Ю. М. Литература и театр Древней Индии [Текст] / Ю. М. Алиханова. – М., 2008.
2. Гринцер, П. А. «Сакунтала» Карамзина [Текст] // Политропон. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. – М., 1998. – С. 537–566.
3. Гринцер, П. А. Бхаса [Текст] / П. А. Гринцер. – М., 1979.
4. Гринцер, П. А. Классическая древнеиндийская литература [Текст] // История всемирной литературы. – Т. II. – М., 1984. – С. 26–66.
5. Гринцер, П. А. Образ Индии в немецком романтизме [Текст] // Arbor Mundi. Мировое древо. – Вып. 3. – М., 1994.
6. Захарьин, Б. Калидаса и его творчество [Текст] // Калидаса. Избранное. Драммы и поэмы. – М., 1973;
7. Кальянов, В. И., Эрман, В. Г. Калидаса: очерк творчества [Текст] / В. И. Кальянов, В. Г. Эрман. – М., 1958.
8. Серебряков, И. Д. Бхартрихари [Текст] / И. Д. Серебряков. – М., 1983.
9. Сомалева. Океан сказаний [Текст] / Сомалева. – М., 1982.
10. Топоров, В. Н. Сарасвати [Текст] // Мифы народов мира. – Т. II. – М., 1994. – С. 409.
11. Эрман, В. Г. Калидаса [Текст] / В. Г. Эрман. – М., 1976.
12. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12.
13. Basham, J. What a wonder India was [Текст] / J. Basham. – L., 1965.
14. Bhatt, S. G. Drama in the ancient India [Текст] / S. G. Bhatt. – N.-Delhi, 1961.
15. Dongray, K. B. In touch with Ujjain [Текст] / K. B. Dongray. – Gwalior, 1936.
16. Filippovsky, G. Y. On some common patterns in the early Indian and Russian cultures [Текст] // The Vikram. The journal of the Vikram University. – Ujjain, India. – v. X. – № 2. – 1975. – P. 1–8.
17. Kalidasa [Текст] // The reader's companion to world literature / C. S. Brown (ed.). – N. Y., 1973. – P. 281–282.

18. Ritusamhara of Kalidasa [Текст] / Tr. and articles, comm. by R. S. Pandit. Bombay. – 1947.

Bibliograficheskij spisok

1. Alihanova, Ju. M. Literatura i teatr Drevnej Indii [Текст] / Ju. M. Alihanova. – М., 2008.
2. Grincer, P. A. «Sakontala» Karamzina [Текст] // Politropon. K 70-letiju Vladimira Nikolaevicha Toporova. – М., 1998. – S. 537–566.
3. Grincer, P. A. Bhasa [Текст] / P. A. Grincer. – М., 1979.
4. Grincer, P. A. Klassicheskaja drevneindijskaja literatura [Текст] // Istorija vseмирnoj literatury. – Т. II. – М., 1984. – S. 26–66.
5. Grincer, P. A. Obraz Indii v nemeckom romantizme [Текст] // Arbor Mundi. Mirovoe drevo. – Vyp. 3. – М., 1994.
6. Zahar'in, B. Kalidasa i ego tvorchestvo [Текст] // Kalidasa. Izbrannoe. Dramy i pojemy. – М., 1973;
7. Kal'janov, V. I., Jerman, V. G. Kalidasa: ocherk tvorchestva [Текст] / V. I. Kal'janov, V. G. Jerman. – М., 1958.
8. Serebrjakov, I. D. Bhartrihari [Текст] / I. D. Serebrjakov. – М., 1983.
9. Somadeva. Okean skazaniy [Текст] / Somadeva. – М., 1982.
10. Toporov, V. N. Sarasvati [Текст] // Mify narodov mira. – Т. II. – М., 1994. – S. 409.
11. Jerman, V. G. Kalidasa [Текст] / V. G. Jerman. – М., 1976.
12. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Текст] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 12.
13. Basham, J. What a wonder India was [Текст] / J. Basham. – L., 1965.
14. Bhatt, S. G. Drama in the ancient India [Текст] / S. G. Bhatt. – N.-Delhi, 1961.
15. Dongray, K. B. In touch with Ujjain [Текст] / K. B. Dongray. – Gwalior, 1936.
16. Filippovsky, G. Y. On some common patterns in the early Indian and Russian cultures [Текст] // The Vikram. The journal of the Vikram University. – Ujjain, India. – v. X. – № 2. – 1975. – P. 1–8.
17. Kalidasa [Текст] // The reader's companion to world literature / C. S. Brown (ed.). – N. Y., 1973. – P. 281–282.
18. Ritusamhara of Kalidasa [Текст] / Tr. and articles, comm. by R. S. Pandit. Bombay. – 1947.

Reference List

1. Alikhanova Yu. M. Literature and theater of Ancient India. – М., 2008.
2. Grincer P. A. «Sakontala» by Karamzin // Politropon. To Vladimir Nikolaevich Toporov's 70 anniversary. – М., 1998. – P. 537–566.

3. Grintser P. A. Bkhasa. – M., 1979.
4. Grintser P. A. Classical Old Indian literature // History of the world literature. – V. II. – M., 1984. – P. 26–66.
5. Grintser P. A. Image of India in the German Romanticism // Arbor Mundi. World tree. – Issue 3. – M., 1994.
6. Zakharin B. Kalidasa and his creativity // Kalidasa. Favourites. Dramas and poems. – M., 1973.
7. Kaliyanov V. I., Erman V. G. Kalidasa: essay on creativity / V. G. Erman. – M., 1958.
8. Serebryakov I. D. Bkhartrikhari. – M., 1983.
9. Somadeva. Ocean of legends. – M., 1982.
10. Toporov V. N. Sarasvati // Myths of peoples of the world. – V. II. – M., 1994. – P. 409.
11. Erman V. G. Kalidasa. – M., 1976.
12. Yurieva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» // Culturological magazine. – 2014. – № 1. – P. 12.
13. Basham J. What a wonder India was. – L., 1965.
14. Bhatt S. G. Drama in the ancient India. – N.-Delhi, 1961.
15. Dongray K. B. In touch with Ujjain. – Gwalior, 1936.
16. Filippovsky G. Y. On some common patterns in the early Indian and Russian cultures // The Vikram. The journal of the Vikram University. – Ujjain, India. – v. X. – № 2. – 1975. – P. 1–8.
17. Kalidasa // The reader's companion to world literature / C. S. Brown (ed.). – N. Y., 1973. – P. 281–282.
18. Ritusamhara of Kalidasa / Tr. and articles, comm. by R. S. Pandit. Bombay. – 1947.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.09.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

О. Н. Скибинская

Рукопись Г. С. Лебедева в контексте книжной культуры Ярославского края

В статье рассматриваются издания гражданской печати середины XVIII – начала XIX в. и выявляются особенности бытования книг в пространстве русской провинции. Исследование репертуара частных книжных собраний Ярославского края показывает рост читательского интереса к различным национальным культурам, отраженным в изданиях энциклопедического характера, в жанре путешествий, в художественных произведениях.

Ключевые слова: печатное издание, владельческая помета, книжное собрание, национальная культура, художественное произведение, путешествие как литературный жанр.

O. N. Skibinskaya

Gerasim Lebedev's Manuscript in the Context of the Book Culture of the Yaroslavl Region

The article discusses secular print of the middle of the XVIII – beginning of the XIX century and especially the existence of books in the space of the Russian provinces. Study of book collections repertoire in the Yaroslavl region shows that reader's interest to different national cultures is growing. This shows the relevance of encyclopedic publications, travel genre, works of art.

Keywords: print, possessory inscription, book collection, national culture, work of art, journey as a literary genre.

С середины XVIII в. интерес к светскому чтению со стороны европейски образованной части российского общества заметно возрастает не только в столицах, но и в пространстве русской провинции. Исследование репертуара печатных изданий, входящих в состав как частных книжных собраний, так и библиотек учебных заведений, свидетельствует о востребованности изданий, отражающих те или иные аспекты национальных культур, географически проецируемых на различные части света. Последнее подтверждают репертуар изданий гражданской печати, входящих в коллекцию Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника (ЯМЗ), и особенности бытования отдельных книг, которые можно реконструировать на основании помет, сохранившихся на их страницах [1].

Прежде всего, необходимо отметить активное освоение российским (и ярославским) читателем западноевропейской мысли. Так, на одном из экземпляров «Истории о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления, сочиненной аббатом Вертолом...» (издана в 2-х частях в Петербурге типографией при Императорской академии наук в 1764–1765 гг.) сохранились владельческие пометы: «Леонартеа Савицкаго Кихаг года 1764»; «1877-го ноября 11 лю...»; «сия книга секунд-майора Ивана Квасниковского»; почерком конца XIX в. выполнена запись: «сия книга принадлежит Арсентия Андреева Липина деревни Тарханки господина Колычева Ярославской губернии и уезда того». Последняя по хронологии помета от января 1916 г. принадлежит ярослав-

скому купцу П. В. Мосягину [1, с. 632]. Ярославский читатель приобщился к переводу книги Фридриха Августа Шмидта «Польский летописец с 964 по 1764 год, или Хронологическое изображение происшествий Королевства Польского...» (СПб., 1782). И так далее. Не случайно из 15 книжных изданий, выпущенных в свет первой ярославской «вольной» типографией в 1785–1794 гг., треть составляют переводы с французского религиозно-нравственных и драматургических произведений [2, с. 47–77].

Однако внешнеполитическая активность, расширение границ Российской империи за счет южных (территории ханств, выход к Черному морю, Кавказ) и восточных земель (Сибирь, Дальний Восток) особое внимание требуют уделять в первую очередь народам и народностям, сравнительно недавно включенным в состав России. Вот почему у читателя становятся довольно популярны труды статского советника П. И. Рычкова: «Введение к астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов...» (М., 1774); «Опыт Казанской истории древних и средних времен» (СПб., 1767); вышедшая в 2-х частях «Топография Оренбургская...» (СПб., 1762).

В библиотеках ярославских книголюбов встречаются следующие издания: Абу-л-Гази «Родословная история о татарах..., дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытных о прямом нынешнем состоянии Северных Азии с потребными географическими ланд-

картами» (СПб, 1768); «Перевод двух писем некоего татарского мурзы к знакомому ему россиянину, писанные из полуострова Крымского 1777 года», изданные в том же году (СПб., 1777). В 1786 г. в С.-Петербурге выходят в свет снабженные картами несколько томов «Краткого исторического и географического описания Царства Арменского, из древних писателей сего народа <...>, собранное и на арменском языке в Индии изданное Яковом Шамировым, а ныне с арменского на российский язык переведенное подпорутчиком Варлаамом Вагановым», которые были приобретены Ярославской духовной семинарией (ЯДС). Прослеживается явный интерес ярославского читателя к изданным типографией Академии наук богато иллюстрированным книгам участников академических экспедиций, прежде всего естествоиспытателя, географа и путешественника Петра Палласа [3].

Анализ репертуара книжных собраний подтверждает, что в российском книгоиздании предпринимались активные попытки отразить культурно-историческое пространство тех территорий и стран, от которых исходила реальная или потенциальная угроза западным и южным границам государства. Речь идет прежде всего об Османской империи, ее политико-культурном состоянии и сложных взаимоотношениях двух государств, военные конфликты между которыми насчитывают долгую историю на протяжении XVII–XIX вв. Среди книг по данной тематике в ярославских книжных собраниях встречаются еще в 1722 году изданный в С.-Петербурге труд Д. К. Кантемира «Книга Система, или Состояние мухаммеданския религии»; «Сокращение магометанской веры», изданное Новиковым в 1784 году и др.

На экземплярах двухтомника «Ал Корана», переведенного сначала с арабского на английский, а в 1792 г. изданного на русском, сохранились экспрессивные владельческие комментарии: «Магомеда / Ал Коран / господа абман! / от масульманския держав / магомедов / ежели по ины / дуракам даны / умным неладны». Прежде чем один из экземпляров «Корана» был подарен в библиотеку ЯГУАК, издание сменило не одного владельца: «Александр Рахманов», «Молога», «13/VIII 1903 Я. Неготин» и др. [1, с. 79].

В ярославских библиотеках встречаются академические исследования по истории, географии, юриспруденции, тоже в основном переводные: «украшенное рисунками и чертежами» исследование Д'Оссона «Полная картина Османской империи: В двух частях...» (СПб, 1795); Жан Палере «Сокращенное географическое описание Турецкой империи...» (М, 1790) и т. д. Особенно примечательны оригинальные отечественные из-

дания – выходившие отдельными брошюрами материалы дипломатической переписки и описания опыта военных действий. Среди них брошюра – фрагмент «Копии письма. Отправленного по указу ее императорского величества самодержицы Всероссийской от кабинетного министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везиру апреля 12 дня, 1736 года». Данное издание попало в ярославскую библиотеку, согласно надписи на верхнем переплетном листе, от «города Буя посацкого человека Василья Андреева сына Васютина а ежели кто сию книгу украдет или задержит то да будет анафема сиречь да будет проклят. В том он на страшном судищи Христове ответ даст... 1774 году апреля 14-го дня».

Особое место, на наш взгляд, занимают издания энциклопедического характера: «Краткое руководство к древней географии: с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель», изданное в 1753 г. и переизданное в 1788 г. Перевод исследований Клода Эммануэля Пасторе «Зороастр, Конфуций и Магомет, сравненные как основатели вер, законодатели и нравоучители, с приобщением табелей их догматов, законов и нравственности» в 4-х томах вышел в Москве в 1793 г. Книга Андре де Клостра «История о персидском шахе Тахмас Кулы-хане» впервые была опубликована во Франции в 1741 году и вскоре переведена на 6 языков. Ее первое издание на русском выпущено в С.-Петербурге в 1762 г. На экземпляре этого издания владельческие пометы свидетельствуют о том, что книга принадлежала помещику и библиофилу Платону Лотову (ок. 1754 – не позднее 1835), Василию Голенищеву-Кутузову и Платону Мамонову, «отставному инженерному офицеру», служившему провинциальным секретарем в Романов-Борисоглебском уезде [1, с. 217, 653].

Заметное место в ярославских книжных собраниях занимают издания Н. И. Новикова. Среди них сочинение Прево д'Экзиля «История о странствиях вообще по всем краям земного круга...», изданное в 1782–1787 гг. в 22-х частях. Труды секретаря Коммерц-коллегии М. Д. Чулкова, в частности его «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах ...», изданное Н. И. Новиковым в 1781–1788 гг. в 7 томах, по замыслу ее создателя предназначалось не для печати, а для внутреннего пользования в Коммерц-коллегии в качестве справочного материала. Однако указанное издание имелось не только в библиотеке ЯДС, но и в частных ярославских собраниях, что подтверждают пометы: «принадлежность господина Николая Ма [...] Ярославской Губ», «сему верить Осиф Уханов...», «1824 года

месяца генваря 29 числа сия книга деревни Гузици Михайлы Иванова Сухова», «27/XII 1901 Эрдман» и др.

В ярославских частных собраниях (архиепископа Ростовского и Ярославского Арсения, П. Лотова и др.) мы обнаруживаем немало художественных произведений, в том числе переведенные с французского языка: арабские сказки «Тысяча и одна ночь» в 3-х томах (М., 1763; М., 1768–1771); Дж. Свифт «Путешествий Гулливеровых книга» (М., 1780) и др. На с. 67 книги «Новые восточные сказки» (М., 1789) кто-то из ярославских семинаристов оставил надпись: «Как он мог предположить, что никакой город не будет превосходнее Мекки?» [1, с. 215]. В библиотеке Даниловского предводителя дворянства отставного подполковника И. В. Кругликова хранился 3-томник Матвея Комарова «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе; с присовокуплением к оной истории бывшего турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевны Терезии...» (М., 1799). Примечательно, что данное лубочное произведение о «дивных приключениях», «книга почтенная, хотя и безмысленная!» (В. Г. Белинский), более десяти раз переиздавалась и в XIX–XX вв.

Однако внимание ярославского читателя больше уделяется путешествию как литературному жанру – описаниям очевидцем-путешественником географического, этнографического и социального облика увиденных стран и народов, то есть эмпирическому опыту авторов. Большая часть таких изданий – это описания паломнических поездок, в основном «во Иерусалим, Египет и к Синайской горе». Среди них немало оригинальных книг «на славенском языке». А в дальние края, для поисков Южного моря, отправляются британские и французские эскадры. Один из экземпляров перевода с немецкого «Путешествия около света, которое в 1740... 44 годах совершил лорд Ансон...» (СПб., 1751) не раз менял владельцев: «Сия книга московского купца Казьмы Феоктистова сына Пантелеева», «Принадлежит сия книга... купецкому сыну Гавриле Александровичу Худобину» и др.; другой экземпляр хранился в библиотеке архимандрита Иоилы (Быковского); третий – в библиотеке И. А. Вахромеева. Другой перевод с немецкого, «Путешествия в Южное море французского флота капитана Жана Франсуа Сюрвилля. Предпринятое им в 1769 году...» (СПб., 1797), прежде чем попасть в библиотеку И. А. Вахромеева принадлежала некоему Дмитрию Закутину [1, с. 419–420, 436].

Индия, Китай, Япония всегда представляли перед российским читателем таинственными экзо-

тическими краями. И вновь интерес публики активно используют авторы художественных произведений. Так, в 1792 г. в частной московской типографии выходит переведенный со шведского роман немецкого путешественника и писателя эпохи рококо Шнабеля Иоганна Готфрида (1692–1750) «Жизнь Алберта Юлия, который родясь в низком состоянии и был долгое время игрою щастия, соделался напоследок на необитаемом восточной Индии острове родоначальником знаменитой и многочисленной фамилии...». Примечательно, что издание, экземпляр которого хранился в библиотеке ЯДС, не упоминается в официальной биографии автора.

«Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине», изданные в Париже в 1776–1778 гг., десять лет спустя переведены на русский и изданы Н. И. Новиковым. Экземпляры этого издания хранились как в частных собраниях, так и в библиотеках учебных заведений. Так, на экземпляре 1-го тома владельческие пометы указывают, что книга сначала принадлежала С. П. Саковнину (1747–1817), председателю губернского магистрата, впоследствии директору ярославского Дома призрения ближнего. Другая надпись сообщает, каким образом книга оказалась в библиотеке ЯДС: «...Эта книга... представлена бывшим пр[еподавателем?] Яр[ославской] сем[инарии], ныне собор[ным] прот[оиереем] Иоанном Аристовым взамен утраченного им «Атласа Савинкова – 1807 г.». Отметка, выполненная на 4-м томе, гласит: «из книг Арсения архиепископа Ростовскаго и Ярославскаго»: 2 март: 1793».

Из собрания архиепископа Ростовского и Ярославского Арсения (Верещагина) в духовную семинарию попали и другие издания: «Старинные письма китайского императора к Российскому государю, писанные от нынешнего времени с лишком за 150 лет, найденные между оставшими письмами после покойного графа Никиты Моисеевича Зотова, который <...> был у государя императора Петра Великого учителем» (1787); переведенное с немецкого «Историческое и географическое описание Китайской империи» (М., 1789) и др.

Не меньше интересовал ярославского читателя и далекий американский материк. Так, один из экземпляров переведенной с французского книги Г. Фиектонга «Описание земли, нравов и обычаев одного американского народа, обитающего в нижней части Северной Америки...» (М., 1789) хранился в библиотеке архиепископа Ростовского и Ярославского Арсения, другой – в ЯДС. В последнем собрании имелось переиздание 2-томника книги «Антоня Солиса История о поко-

рении Мексики» (СПб., 1789). Еще раньше, в 1783 г., Н. И. Новиков издал 2-томник Боссю «Новые путешествия в Западную Индию, содержащая в себе описание разных народов, живущих в окрестностях большой реки Сент-Луи, обыкновенно называемой Миссисипи; их законы, правление, нравы, войны и отправления торговли...» (собрание архиепископа Ростовского и Ярославского Арсения).

В одном из ярославских частных собраний хранилась книга «Российского купца именитого рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам, и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Авагнака, до коих не достигал и славный аглинский мореходец капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов...» (М., 1793).

Мы полагаем, что актуализация в российском обществе интереса к культуре других народов двояко отразилась на жизни и деятельности Герасима Лебедева.¹ Во-первых, Лебедев в 1764–1777 гг. проживал в Петербурге, активно осваивал грамоту, музыкальное искусство и т. д., а следовательно, мог быть знаком хотя бы с некоторыми из обозначенных нами изданий, выход в свет каждого из которых, несомненно, являлся ярким событием в культурной жизни общества. Эти книги не могли не сыграть свою роль в выборе им дальнейшего жизненного пути и формировании Лебедева как исследователя.

Во-вторых, геополитические стратегии России, необходимость развития торгово-экономических международных связей, а также активный и устойчивый интерес к диалогу национальных культур со стороны российских властных элит, столичного и провинциального дворянства, духовенства, купечества послужил основой для практической реализации этого интереса. Именно в данном контексте по возвращении Г. Лебедева на родину ему был пожалован чин коллежского асессора, последовали зачисление в штат Коллегии иностранных дел, выдача значительных средств на обустройство специализированной типографии в Петербурге и, в конечном счете, издание результатов его многолетнего исследования.

Библиографический список

1. Гулина, Т. И. Книги гражданской печати 1708–1800 гг. из собрания Ярославского музея-заповедника. Каталог [Текст] / Т. И. Гулина. – Рыбинск, 2003.
2. Столпянский, П. К. истории провинциальных публичных библиотек (окончание) [Текст] / П. Столпянский // Русский библиофил. Иллюстриро-

ванный вестник для собирателей книг и гравюр. – 1912. – № 2. Февраль.

3. Паллас, П. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области [Текст] / П. Паллас. – СПб. : Печ. в Имп. тип., 1795.

Bibliograficheskij spisok

1. Gulina, T. I. Knigi grazhdanskoj pechati 1708–1800 gg. iz sobranija Jaroslavskogo muzeja-zapovednika. Katalog [Tekst] / T. I. Gulina. – Rybinsk, 2003.
2. Stolpjanskij, P. K. istorii provincial'nyh publicnyh bibliotek (okonchanie) [Tekst] / P. Stolpjanskij // Russkij bibliofil. Illjustrirovannyj vestnik dlja sobiratelej knig i gravjur. – 1912. – № 2. Fevral'.
3. Pallas, P. Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoj oblasti [Tekst] / P. Pallas. – SPb. : Pech. v Imp. tip., 1795.

Reference List

1. Gulina T. I. Books of the civil press of 1708–1800 from collection of the Yaroslavl memorial Museum. Catalogue. – Rybinsk, 2003.
2. Stolpyansky P. K. To history of provincial public libraries (the end) // Russky Bibliofil. The illustrated bulletin for collectors of books and engravings. – 1912. – № 2. February.
3. Pallas P. Brief physical and topographical description of the Taurian region. – SPb. : Printed in Imp. Publishing House, 1795.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.09.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

¹ Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) – музыкант, актер, исследователь, основатель первого в Индии национального драматического театра европейского типа, пионер русской индологии. В 2017 году отмечается 200 лет со дня смерти Г. С. Лебедева.

И. Ю. Котин

А. М. Мерварт как биограф Г. С. Лебедева

Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант N 13–01–00168
«Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918: История, Коллекции. Научное наследие»

В данной статье автор впервые публикует материал о первой попытке создания биографии первого российского индолога Г. С. Лебедева, сделанной другим известным российским индологом А. М. Мервартом. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: востоковедение, российская индология, Г. С. Лебедев, А. М. Мерварт, этнография, этнология, антропология.

I. Yu. Kotin

A. M. Mervart as a Biographer of G. S. Lebedev

In this article the author for the first time publishes the material about the first attempt to compose the biography of the first Russian indianist G. S. Lebedev, made by another famous Russian indianist A. M. Mervart. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: oriental studies, Russian Indology, G. S. Lebedev, A. M. Mervart, ethnography, ethnology, anthropology.

Имена первого российского индолога Герасима Степановича Лебедева (1749–1817) и организатора первой экспедиции МАЭ (1914–1918) на Цейлон и в Индию А. М. Мерварта (1884–1931) хорошо известны российским исследователям. Однако то обстоятельство, что Александр Михайлович Мерварт готовил к публикации биографию славного уроженца Ярославля, малоизвестно.

Нет смысла повторять, чем знаменит Герасим Лебедев. Отметим лишь точки пересечения интересов двух индологов. Герасим Лебедев интересовался индийским традиционным театром и сам создал стационарный театр с постановками на бенгальском языке. А. М. Мерварт занимался проблемами изучения индийского театра, был редактором и автором ряда статей в сборнике «Восточный театр». А. М. Мерварт был пионером изучения южноиндийского традиционного театра катхакали. Оба исследователя интересовались живыми индийскими языками. Перу Герасима Лебедева принадлежит очерк грамматики калькуттского варианта хиндустани, таким образом, он бесспорный пионер изучения живых североиндийских языков. Александр Мерварт считается основоположником отечественного тамиловедения. Оба исследователя провели в Индии немало времени: важный этап деятельности обоих связан с югом Индии и, конечно, с Калькуттой. Оба отдали

дань изучению индийских обычаев, культуры, традиционного календаря. Приоритет здесь, конечно, за Герасимом Лебедевым, оказавшимся в Индии раньше, чем Мерварты, на сто лет, но и заслуга последних в изучении Индии велика.

Ганс Христиан (Александр Михайлович) Мерварт (1884–1932) родился в городе Мангейм, столице южнонемецкого княжества Баден-Вюртемберг. Прусская гегемония в Германии не нивелировала национальных особенностей жителей южной Германии, людей открытых, отзывчивых, трудолюбивых. Ганс Христиан Мерварт получил образование в университете Гейдельберга, где изучал философию, историю, филологию и где получил звание доктора философии. В 1911 г. Ганс Христиан Мерварт получил место преподавателя немецкого языка в мужской гимназии Ягдфельдов. В Санкт-Петербурге Ганс Христиан познакомился с Людмилой Александровной Левиной, преподававшей в гимназии Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. В 1912 г. они поженились, причем Ганс Христиан принял православие. Людмила Александровна, вероятно, и заразила Ганса Христиана Мерварта интересом к Индии. Индия – ее детская мечта, сформировавшаяся под впечатлением от рассказов отца, известного эпидемиолога А. М. Левина, доцента Военно-Медицинской академии, который в 1897

году был командирован в Индию для помощи жителям Бомбейской провинции во время страшной эпидемии бубонной чумы.

Историко-филологические штудии в гейдельбергском университете, где учился Ганс Христиан Мерварт, предполагали и изучение санскрита. Людмила Александровна Левина помимо обучения на Бестужевских курсах посещала лекции в Санкт-Петербургском университете. Там она изучала санскрит под руководством С. Ф. Ольденбурга. Таким образом, основы индологических знаний у них были. Однако неожиданно возникшая возможность совершенствоваться в знании Индии возникла для них в связи с амбициозными планами руководства Императорского музея антропологии и этнографии – МАЭ.

В 1894 году директором МАЭ стал известный востоковед-тюрколог В. В. Радлов. Этот ученый немец с мировым именем, ставший российским подданным и российским патриотом, стремился превратить Санкт-Петербург в центр мировой этнографии. Руководимый им музей должен был стать в ряд крупнейших этнографических музеев мира, таких как Лейденский, Берлинский, Мюнхенский музеи народоведения. Руководство музея в лице директора В. В. Радлова и старшего этнографа Л. Я. Штернберга видело необходимость в приобретении коллекций в Индии, Китае, Южной Америке. В эти регионы планировалось отправить научные экспедиции. Видимо, по рекомендации С. Ф. Ольденбурга, знавшего Л. А. Левину (Мерварт) по занятиям с нею санскритом, Ганс Христиан Мерварт мог быть известен В. В. Радлову как земляк. Как бы то ни было, привлечение к подготовке экспедиции двух молодых энтузиастов академической науки оказалось большой удачей Музея антропологии и этнографии.

В 1913 году А. М. Мерварт поступил на добровольных началах в МАЭ. Он приступил к изучению музейного фонда, регистрируя вновь поступившие коллекции. А. М. Мерварт, в частности, составил описание коллекции М. С. Андреева (№ 2055), в которой были изображения божеств, животных, жертвенная утварь (всего 296 предметов). Как отмечала Н. Г. Краснодембская, «А. М. Мерварт фактически составил интереснейший свод материалов по индийской иконографии» [10, с. 318]. Александр Михайлович был также командирован в Берлин, где под руководством профессора Грюнведела готовился к экспедиции, изучал научную литературу в библиотеках и Музее народоведения [12, с. 35]. Побывал А. М. Мерварт и в Мюнхене [16, с. 2], где дирек-

тором Музея народоведения был талантливый индолог Л. М. Шерман, недавно вернувшийся из длительной экспедиции (1910–1911) по Индии, Цейлону и Бирме [20, с. 3]. А. М. Мерварт учел совет немецких этнографов исследовать, прежде всего, материал по малоизученным племенным районам, однако предполагалась и планомерная работа по созданию в целом коллекций, «которые бы в наибольшей полноте характеризовали культуру и быт различных районов Индии и Цейлона» [12, с. 12].

В Санкт-Петербурге для помощи экспедиции была сформирована компетентная комиссия, в которую входили виднейшие российские индологи С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской [12, с. 33]. После долгих ходатайств решением Совета министров (!) для А. М. Мерварта была получена сверхштатная должность [12, с. 37]. Помощь в организации экспедиции оказал МАЭ Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии [14, с. 58]. Руководство и члены Попечительского Совета МАЭ привлекли средства частных спонсоров – почетных членов Попечительского Совета Б. А. Игнатьева и К. К. Шейблера. Однако даже привлечение спонсорских средств не решало всех финансовых проблем. Расходы у участников экспедиции предполагались значительные. Руководство Музея добилося от председателя правления Добровольного флота адмирала М. В. Князева разрешения на бесплатный переезд из Одессы в Коломбо для участников экспедиции – супругов А. М. и Л. А. Мервартов [9, с. 38–39]. В этом опять наблюдается сходство с энтузиастом Г. С. Лебедевым. Тот также получил поддержку многих влиятельных лиц и важное задание, если согласиться с версией Н. В. Гурова и Я. В. Василькова о масонских связях Г. С. Лебедева [11]. Г. С. Лебедев получил высочайшее поручение (Павла I) отправиться в Индию. А. М. и Л. А. Мервартов отправляла в далекий путь Императорская академия Наук, Императорская Кунсткамера – Музей антропологии и этнографии [10, с. 319].

5 апреля 1914 года из Одессы отправился пароход «Екатеринослав» Добровольного флота. Он держал курс на Коломбо и имел на борту двух особенно важных пассажиров – супругов Мерварт, отправлявшихся в долгосрочную этнографическую экспедицию, вооруженных «хронометрическим аппаратом», фотокамерой, многочисленными пластинками к последней, фонографом, а главное, серьезным заданием – изучить население Цейлона и дравидийского юга Цейлона. Исследо-

ватели сразу приступили к изучению коллекций музея Коломбо (теперь Национальный Музей Шри-Ланки). Вскоре исследователи отправили на борту парохода «Кишинева» первые четыре ящика экспонатов – керамику, маски маскарадных представлений «коланатува» и «якканатува» [16, с. 3]. Сразу по прибытии на Цейлон участники экспедиции приступили к изучению местных языков: А. М. Мерварт – тамильского, а Л. А. Мерварт – сингальского. Были предприняты исследовательские поездки в Матару, Галле, Колутару, Негомбо [16, с. 4]. В жаркий период исследователи перебрались в Канди и там получили страшное известие: началась Первая мировая война. Этот факт поставил русских исследователей в очень сложное положение. Немецкая внешность и корни А. М. Мерварта вызывали подозрения английской администрации. Российского ученого, как и Герасима Лебедева, англичане считали шпионом. Обоим исследователям чинились местными властями препятствия, но оба с честью выдержали все испытания. То обстоятельство, что А. М. Мерварта сопровождала умная, знающая и преданная жена, давало ему ряд преимуществ. Вдвоем Александр Михайлович и Людмила Александровна успели очень многое, совершили настоящий научный подвиг. Это дало Н. Г. Краснодембской все основания озаглавить свой очерк о Мервартах «Труженики и романтики этнографической науки» [10]. До января 1915 года Мерварты работали на Цейлоне, затем перебрались в южную Индию [10, с. 319]. Лингвистическая подготовка А. М. Мерварта, изучение им культуры тамилы, проживающих на севере Цейлона, позволили плавно перейти к изучению собственно индийского материала.

На юге Индии А. М. Мерварт, как и Герасим Лебедев, занимался изучением тамильского у ученого брахмана, обращаясь, так сказать, к первоисточнику. Книга тамильских выражений и поговорок из собрания А. М. Мерварта, хранящаяся теперь в библиотеке МАЭ, «испещрена чернильными и карандашными отметками, переводами, транскрипционными значками», свидетельствующими о серьезности занятий А. М. Мерварта, ставшего пионером российского тамилосведения [18, с. 98].

По приезде в Индию А. М. и Л. А. Мерварт отправились сперва в Мадрас, где приступили к изучению коллекций Правительственного Музея [16, с. 7]. Исследователи изучили и сфотографировали этнографические коллекции музея. Впоследствии именно в фондах Мадрасского музея

были помещены на хранение значительные коллекции, к собиранию которых причастны Мерварты. Исследователи приступили к изучению «городского и сельского быта тамилы и малаяли, ... изучени(ю) народных культов, народного театра..., с другой стороны, насколько было возможно (-) ознакомлени(ю) с рядом примитивных племен» [16, с. 8]. Из Мадраса Александр Михайлович и Людмила Александровна «предприняли краткое путешествие в центры дравидийского индуизма – Читамбарам, Кумбаконам, Танжор, Тричинополи, Шрирангам» [16, с. 8]. Позднее исследователи были вынуждены совершить поездку в район Сабарагамува на Цейлоне и вернуться в Индию, где в Каликуте Л. А. Мерварт наблюдала празднование южноиндийского Нового года – Онам, изучала быт парсов, наблюдала вспыхнувшее на Малабаре восстание мопла – местных мусульман [16, с. 10]. В это время А. М. Мерварт преимущественно работал в библиотеке и музее Мадраса, интенсивно занимался изучением тамильского языка. Подобно Г. С. Лебедеву, изучавшему важные тексты под руководством бенгальского брахмана и, кстати, изучавшему и тамильский, А. М. Мерварт «по совету выдающегося тамилиста Махаманападхья Субраманья Айяра, ... занялся переводом на русский язык единственного памятника на классическом тамильском языке – «Манимекалай», каковая работа была закончена уже в Мадуре с помощью тамошнего пандита Гопалакришна Айяра» [16, с. 10]. Затем семья воссоединилась в Мадурай – старинном храмовом городе, центре южноиндийской учености. Побывали Мерварты в ряде соседних деревень и в крае четти – «Четтинаду», области, населенной членами местной предпринимательской касты. Затем в качестве «гостей государства» А. М. и Л. А. Мерварт посетили южноиндийские княжества Падукотта, Кочин и Траванкор. Исследователи изучили краеведческие музеи в Падукотта и Кочине, осмотрели окрестности Тричура и сфотографировали основные экспонаты Тричурского музея. В Эрнауламе-Кочине Мерварты изучали быт и традиции кочинских евреев – почти исчезнувшей в настоящее время этнографической группы. Они также посетили Тривандрам и Квайлон (Куилон – И. К.). В Кочине А. М. Мерварт познакомился с индийским ученым Ганапати Шастри, нашедшим и готовившим к изданию пьесы великого драматурга Бхасы. А. М. Мерварт перевел все 13 пьес на русский язык [16, с. 12]. Затем исследователи вновь разделили область исследования: «А. М. Мерварт после окончания работы в музее (Тривандрама – И. К.)

предпринял поездку в Нагар-Койль – центр культа змей в Сучиндрам и на мыс Коморин. Л. А. Мерварт приняла приглашение главы касты назрани мапилла (назорейские князья) приехать в г. Котаям и поселиться в семье одного из членов касты для изучения ее быта... Л. А. Мерварт объехала большую часть их главных селений» [16, с. 13]. Там же, на юге Индии, Мерваты изучали быт племен и южноиндийский театр катхакали (о нем подробнее ниже).

Как и Герасим Лебедев, Александр Мерварт вскоре по прибытии в Индию был вынужден искать средства для существования, ибо деньги из Академии наук шли с перебоями – сказывались обстоятельства военного времени. На какое-то время он нашел должность товарища директора Отдела труда Союза южноиндийских плантаторов [16, с. 14–15]. Благодаря этой должности А. М. Мерварт сумел осмотреть окрестности города Коимбаттор, Уттакамунд и другие места, но запланированная поездка в Нильгири, так называемые Синие Горы, место проживания представителей многих интересных племен, в частности, тогда, ученым не удалось из-за запрета английских колониальных властей. Тем не менее, Л. А. Мерварт удалось посетить ярмарку в Бангалоре. Побывали ученые и в Майсоре.

К 1916 году российские ученые получили от Академии наук документы, продлевающие срок командировки еще на два года, а также денежные средства, позволившие исследователям отправиться в Северную Индию для продолжения научной и собирательской работы. Как и для Г. С. Лебедева, главной базой в Индии для Мервартов стала Калькутта. Но они не ограничивались пребыванием здесь. В поисках интересных экспонатов, рукописей, с целью описания, фотографирования редких антропологических типов, особенностей быта и культуры А. М. и Л. А. Мерварт предприняли поездки в Лакхнау, Дели, Лахор, Шринагар, Матхуру, Бенарес (Варанаси), Сарнатх, Рамнагар, Ассам. Благодаря сотрудничеству с Индийским музеем А. М. Мерварт, временно возглавивший в этом уважаемом учреждении Отдел этнографии, имел возможность хранить в Калькутте собранные многочисленные коллекции. «К концу января 1918 г. специальные средства на содержание заведующего Этнографическим отделом пришли к концу» [16, с. 22]. Ждать средств из России также не приходилось. В этой ситуации супруги Мерварт приняли смелое решение: они погрузили часть коллекций на пароход «Евгения» и отправились во Владивосток. По

дороге их вместе со всей командой задержали в Рангуне. Как и в случае с Г. С. Лебедевым, формально переезд для путешественников был почти бесплатным (их оформили как членов команды), но на деле у них возникло много проблем. Англичане подозревали в них шпионов и держали 66 дней вместе с другими русскими в рангунской крепости. Путь до Петрограда-Ленинграда оказался очень долгим. Четыре года Мерварты жили и работали во Владивостоке, где А. М. Мерварт принял активное участие в создании Дальневосточного университета. В самое тяжелое время для Дальнего Востока А. М. Мерварт был вынужден с семьей перебраться в Харбин, где он работал в Русско-азиатском банке [10, с. 322]. В 1924 году ученым удалось вернуться в Ленинград. Привезенный учеными из экспедиции фонд состоял «из 5575 этнографических предметов быта и культа, 975 фотографий позитивов, 1500 фотографий негативов, около 800 томов книг» [16, с. 24]. Книжки, фотографии и часть предметов Мерварты привезли с собой. Остальное приходило из Мадраса, Калькутты не без труда, но основную часть коллекций (за исключением удержанного и проданного британцами на таможне в Александрии и поеденного термитами на складе музея в Мадрасе) сотрудникам Академии наук удалось получить и привезти в Кунсткамеру.

Как пишет Н. Г. Краснодембская, «разбор коллекций начали почти сразу по приезде, едва устроившись на казенной квартире (тут же рядом с МАЭ – Университетская наб., д.1). В это время шла подготовка к 200-летию юбилею Академии наук, и в честь этого события в кратчайший срок была создана новая экспозиция индийского отдела: тогда она занимала весь двусветный зал с шестью парами окон на втором этаже. В 79 шкафах, на четырех подиумах и семи щитах были выставлены привезенные коллекции, дополненные предметами и из более ранних собраний. Новая экспозиция широко и разносторонне представляла быт и традиции народов южноазиатского ареала (а также Бирмы и Сиам). К началу 1926 г. уже был составлен насыщенный, детализированный путеводитель по вновь созданной экспозиции, «фактически явившийся сжатым, но очень содержательным очерком материальной и духовной культуры изученного ими региона» [10, с. 322–323]. Так, вслед за книгой Лебедева «Беспристатное созерцание» (См. Лебедев. 2009, первое издание – 1805 г.) через сто двадцать один год и тоже в Санкт-Петербурге появилась новая оригинальная исследовательская работа, попытка «беспристат-

ного созерцания» индийцев в начале двадцатого века.

Долгое пребывание А. М. и Л. А. Мервартов в Индии, вероятно, сказалось на их интересе и к другому россиянину, долгие годы проводшему в этой стране. Однако тот факт, что интерес к жизни и творчеству Лебедева возник у А. М. Мерварта уже после его возвращения в Ленинград, позволяет предположить, что вызван этот интерес был наличием ряда общих исследовательских тем, вероятно, прежде всего – темой традиционного (народного) индийского театра. Тема народных представлений и театра всегда была важна для А. М. и Л. А. Мервартов. Во время путешествия по Цейлону и Индии они не раз были свидетелями народных представлений, старались зафиксировать порядок их исполнения, сфотографировать сцены, по возможности купить театральные костюмы и реквизит. В своем отчете об экспедиции Мерварты пишут о том, как время ... пребывания в Траванкоре они использовали также для изучения совершенно неизвестного в Европе типа театральных представлений религиозного характера, известного под именем «катакали» или «атта-катха»: «На них можно проследить постепенный переход от эпоса к драме. Мы присутствовали на одном представлении, сфотографировали актеров в их своеобразных костюмах и приобрели полный набор одежды и реквизита» [16, с. 13]. Позднее описание театра катхакали А. М. Мерварт дал в большой статье на французском языке (по существу – книге), опубликованной в парижском «Journal Asiatique» (Meerarth, 1926) [21]. Когда А. М. Мерварт и его супруга добрались до Кашмира, то и там они сумели найти материал по театральным действиям. «Средством для ознакомления с крестьянским бытом Кашмира, – писали они, – нам служил театр народной сатиры. Мы присутствовали на представлении кашмирских скоморохов, так называемых «бханда», продолжавшемся около 8 часов, сфотографировали представленные типы и выдающиеся моменты самого представления. [16, с. 17]. В древней Маттре (Матхуре) А. М. и Л. А. Мерварт присутствовали на представлении «Распила». «Около 80 фотографий были сделаны ... во время этого представления» [16, с. 19]. Отдавая дань народному театру, А. М. Мерварт не упускал из вида и информацию о новейших открытиях в области классического театра. Он занимался переводом классических образцов санскритской драмы – «Пратима натакам» и «Абхишека натакам» [16, с. 20]. В 1917 году в Ученых записках Азиатского общества

Бенгалии была опубликована его статья «Пьесы Бхасы. Литературоведческое исследование» [2].

В 1927 году, к 15-му юбилею Российского Института истории искусств, А. М. Мерварт выступил инициатором создания выставки «Театр Востока» [8, с. 390]. Под редакцией А. М. Мерварта, одного из членов выставочного комитета, был подготовлен каталог [8, с. 390]. А в 1926 году А. М. Мерварт подал заявку в издательство «Academia» на книгу «Народный театр Индии» [8, с. 391]. Книга в свет не вышла, но ее материалы были использованы для написания статей коллективного сборника «Восточный театр», вышедшего в том же издательстве «Academia» в Ленинграде в 1929 году под редакцией А. М. Мерварта. Александр Михайлович подготовил в сборник Введение, Предисловие и большую главу «Индийский народный театр» [17, с. 16–111]. В статье об индийском народном театре дается описание религиозных мистерий веддов и сингалов, народных представлений малаяльцев – катхакали, жителей северной Индии – распила, и, наконец, бенгальцев – джатра. Отметим, что именно опыт представлений джатра был учтен Герасимом Лебедевым при создании (переделке английских) пьес на бенгальском языке. Биограф Герасима Лебедева Хаят Мамуд пишет о них так: «До появления театра народные увеселения в Бенгалии имели форму балаганов, спектаклей-джатра, выступлений сказителей, музыкально-песенных представлений по случаю религиозных и прочих праздников, шутовских и пародийных сценок» [15, с. 367]. А. М. Мерварт пишет о джатрах следующее: «В Бенгалии сохранились народные мистерии, посвященные преимущественно разным воплощениям Вишну, так называемые джатра» [17, с. 78]. Далее А. М. Мерварт отмечает, что видел представление джатра в Серампуре [17, с. 78, Сн. 1.]. О Лебедеве и о его попытке создания театра на бенгальском языке в 1917 году А. М. Мерварт, вероятно, не знал. Иначе он бы мог просмотреть подшивки калькутских газет, которые должны были быть в библиотеке Серампурского университета. Но при подготовке выставки у А. М. Мерварта возник уже серьезный интерес к жизни и деятельности Г. С. Лебедева.

С целью получения более подробной информации о деятельности Герасима Лебедева в Калькутте А. М. Мерварт отправил письмо в Азиатское общество Бенгалии, штаб-квартира которого находилась в Калькутте. В Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук хранится черновик письма, отправленного в Калькут-

ту. В письме, адресованном секретарю Азиатского общества Бенгалии, в частности, говорилось следующее:

«Дорогой Сэр и коллега,

как иностранному члену Общества, я был избран в 1917 г., мне, надеюсь, позволено побеспокоить Вас со следующей просьбой. В настоящее время я работаю над биографией Герасима Лебедева, русского путешественника, который жил в Индии, и особенно – в Калькутте, во время своего пребывания (в стране) в 1785–1797 гг. Лебедев написал грамматику хиндустани на английском, описание на русском языке индусских обычаев и традиций, перевел две английские пьесы на бенгальский язык. Он был владельцем театра на улице Бараматолла, где были поставлены эти пьесы в его переводах. Из его писем и автобиографии следует, что он был вовлечен в длительный (судебный) процесс (по поводу дел театра)... Не могли бы Вы сообщить мне, есть ли в (Калькуттских архивах)... или газетах того времени информации об этой интересной личности.

Я уверен, что, создав честного и правдивого изображения пионера индийской лингвистики и этнографии, я внесу, до некоторой степени, вклад в (публикации) Журнала Азиатского Общества» [19, Опись 1, Дело № 8, с. 8.]. Судя по пометкам, письмо можно датировать 1926 годом

Из черновика письма мы видим, что Александр Михайлович Мерварт высоко ценил Герасима Лебедева, называя его «пионером индийской лингвистики и этнографии». Изучение жизни Герасима Лебедева и написание биографии этого интересного человека представлялось ему важной задачей, и публикация очерка жизни Лебедева в журнале Азиатского общества виделась ему как вклад и в мировую индианистику. А. М. Мерварт правильно определил возможный источник необходимой информации – архивы Калькутты и периоду того времени. Между тем работу в архивах Ленинграда начала помощница А. М. Мерварта Т. А. Корвин-Круковская. По поручению А. М. Мерварта Т. А. Корвин-Круковская запросила в архиве следующие документы:

1. Меморандум на английском языке, вкратце описывающий пребывание русского путешественника Герасима Лебедева в Индии, и перевод на бенгальский язык комедии «Притворство», параллельно с английским текстом и русской транскрипцией.

2. Переписку Лебедева по поводу уничтожения его театра в Калькутте. На русском языке: письмо ... Андрею Афанасьевичу Самборскому, письмо к

полномочному посланнику в Лондоне гр. С. Р. Воронцову и письмо к о. Якову Ивановичу Смирнову.

3. Сравнительную грамматику и словарь языков хиндустани, бенгальского, английского и русского. Индийский календарь и изложение арифметических действий.

4. Подстрочный перевод с русской транскрипцией «Бидде Шундор» – сочинения брамина Шри Бгарат Чанда Раи.

5. Афиши и воззвания ...» [19, Опись 1, Дело № 14].

А. М. Мерварт и Т. А. Корвин-Круковская знали о существовании бумаг Герасима Лебедева в астафьевском архиве Вяземских. А. М. Мерварт ссылается на публикацию Ф. И. Булгакова в «Историческом вестнике» за ноябрь 1880 г. (с. 515). Имеется в виду одна из первых биографий Герасима Лебедева [5, с. 515–524].

К сожалению, работу, начатую А. М. Мервартом и Т. А. Корвин-Круковской, завершить не удалось, в противном случае их работа была бы первой научной биографией Герасима Лебедева. Примечательно, что А. М. Мерварт отводил особую роль изучению калькуттской прессы того времени, что позднее действительно оказалось оправданным, эти материалы были позднее изучены Х. Мамутом в его наиболее полном исследовании, посвященном жизни и деятельности Г. С. Лебедева [7, с. 10–11].

Для ленинградских индологов, да и вообще для всех ученых города, для питерской интеллигенции наступили трудные времена. После октябрьского выступления Л. Д. Троцкого и других деятелей оппозиции в 1927 году Сталину и его методам управления страной в СССР наступила пора реакции. Помимо собственно внутрипартийной борьбы, борьбы с оппозицией в профсоюзных, комсомольских организациях, она проявилась в «усилении бдительности» по отношению к «враждебным элементам» в Академии наук СССР, высших учебных заведениях. А. М. Мерварт еще читает лекции и публикует отдельные свои материалы, но уже получил извещение из университета о том, что «оставлен без поручений», в следующем году Мерварт также лишился работы в Ленинградском восточном институте [8, с. 393].

В 1929 году началось печально известное «Академическое дело». Формально оно было спровоцировано провалом на выборах в Академию наук СССР трех кандидатов-коммунистов. Позднее под угрозой реорганизации Академии указанных товарищей приняли в ее состав, но ру-

ководство Академии это не спасло. В августе 1929 года в Ленинград прибыла правительственная «комиссия Фигатнера», занявшаяся разгромом Академии. Многие сотрудники академических институтов были уволены, а в конце 1919 года начались и аресты. Среди арестованных были академик Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов (См.: Академическое Дело). Оказался среди арестованных и А. М. Мерварт – человек с уникальной биографией: немец по национальности, полиглот, знающий несколько европейских и восточных языков, человек, который в 1920-е гг. проживал в Харбине, а в 1929 году только вернулся из поездки с лекциями из Германии. Его можно было объявить резидентом многих разведок, что и было сделано. В 1931 году Александр Михайлович был приговорен к исправительным работам в исправительно-трудовом лагере. В Ухтпечлаге через несколько месяцев после ареста А. М. Мерварт скончался.

Помощница А. М. Мерварта Татьяна Александровна Корвин-Круковская (1900–1938), изучавшая бенгальский и санскрит в Ленинградском институте живых восточных языков, с 1925 года находившаяся на работе в МАЭ, в 1929 году была уволена из МАЭ. В 1930 году ее «подключили» к «делу МАЭ», где ей была уготована «роль» «резидента Мерварта». Татьяна Александровна была осуждена на три года работ в исправительно-трудовом лагере. После отсидки она какое-то время работала преподавателем техникума, а в ноябре 1938 года была снова арестована, осуждена и расстреляна [6]. Талантливый санскритолог и бенгалист не успела подготовить биографию Лебедева. Ее биография, как и биография А. М. Мерварта, оказалась еще трагичнее непростой биографии первого русского индолога.

Итак, в начале двадцатого века была инициирована работа по изучению жизни и деятельности Герасима Степановича Лебедева. Начатая большим знатоком Индии, она многое позволила бы узнать и рассказать о Лебедеве, предвосхитила бы многие публикации на пятьдесят лет. Но, как известно, история не знает сослагательного наклонения.

Библиографический список

1. Meerwarth, A. M. Les Kathakalis du Malabar [Текст] // Journal Asiatique, 1926. – P. 198–284.
2. Meerwarth, A. M. The Dramas of Bhasa: A Literary study [Текст] // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal, 1917. – Vol. XIII. – N 5. – P. 261–280.
3. Академическое дело, 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ [Текст] / ред. колл.: В. П. Леонов, Ж. И. Алферов и др. – СПб.: Библиотека РАН, 1988.
4. Булгаков, Ф. И. Герасим Степанович Лебедев: русский путешественник-музыкант в Индии в конце XVIII века [Текст] // Исторический вестник. – 1880. – Т. 3. – С. 515–524.
5. Васильков, Я. В. Книга Хаята Мамуда о Лебедеве – ответный дар России от Бенгалии [Текст] // Мамут Х. Герасим Степанович Лебедев. – Ярославль: Академия 76. – 2012.
6. Васильков, Я. В., Сорокина, М. Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991) [Электронный ресурс] / Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское Востоковедение. 2003. Интернет-версия. Очерк «Т. А. Корвин-Круковская». – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/korvin.html>
7. Вигасин, А. А., Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии [Текст] // Репрессированные этнографы. – М., 2003. – Т. 2. – С. 375–398.
8. Гуров, Н. В. Почему Герасим Лебедев поехал в Индию: Еще раз к истокам отечественной индологии [Текст] // XXV конференция «Историография и источниковедение стран Азии». – СПб., 2009. – С. 159–160.
9. Краснодембская, Н. Г. Л. Я. Штернберг и индийская экспедиция МАЭ [Текст] // Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения. – СПб, 2012. – С. 32–65.
10. Краснодембская, Н. Г. Петербург-Индия: Об этнографической экспедиции музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) 1914 года [Текст] // Санкт-Петербург-Индия. История и Современность. – СПб.: Европейский Дом, 2009. – С. 241–249.
11. Краснодембская, Н. Г. Трудники и романтики этнографической науки [Текст] // Кунсткамера. Этнографические тетради. – Вып. 1997. – С. 315–325.
12. Лебедев, Г. С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев [Текст] / Г. С. Лебедев. – Ярославль: Академия развития, 2009.
13. Люстерник, Е. Я. Научная экспедиция А. М. и Л. А. Мервартов в Индию в 1914–1918 гг. [Текст] // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – Выпуск IV. – Л.: ЛГУ, 1975. – С. 58–63.
14. Мамут, Х. Герасим Степанович Лебедев [Текст] / Х. Мамут. – Ярославль: Академия 76, 2012.
15. Мерварт, А. и Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. [Текст] / А. и Л. Мерварт. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1927.
16. Мерварт, А. М. Индийский народный театр [Текст] // Восточный театр / под. ред. А. М. Мерварта. – Л.: Академия, 1929. – С. 16–111.
17. Мозоль, Е. В. Книжная коллекция Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мервартов

в библиотеке МАЭ [Текст] // Радловский сборник. – СПб. : Кунсткамера, 2011. – С. 95–100.

18. Соболева, Е. С. Культура Южной Азии в музеях в начале XX века (по письмам Г. Х. Мерварта) [Текст] : Рукопись.

19. СПбФА РАН – Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук. Фонд 142.1926 г. Переписка по научным вопросам.

20. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Гerasим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12.

Bibliograficheskij spisok

1. Meerwarth, A. M. Les Kathakalis du Malabar [Текст] // Journal Asiatique, 1926. – P. 198–284.

2. Meerwarth, A. M. The Dramas of Bhasa: A Literary study [Текст] // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal, 1917. – Vol. XIII. – N 5. – P. 261–280.

3. Akademicheskoe delo, 1929–1931 gg.: dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU [Текст] / red koll.: V. P. Leonov, Zh. I. Alferov i dr. – SPb. : Biblioteka RAN, 1988.

4. Bulgakov, F. I. Gerasim Stepanovich Lebedev: russkij puteshestvennik-muzykant v Indii v konce XVIII veka [Текст] // Istoricheskij vestnik. – 1880. – T. 3. – S. 515–524.

5. Vasil'kov, Ja. V. Kniga Hajata Mamuda o Lebedeve – otvetnyj dar Rossii ot Bengalii [Текст] // Mamut H. Gerasim Stepanovich Lebedev. – Jaroslavl' : Akademija 76. – 2012.

6. Vasil'kov, Ja. V., Sorokina, M. Ju. Ljudi i sud'by. Biobibliograficheskij slovar' vostokovedov-zhertv politicheskogo terrora v sovetskij period (1917–1991) [Elektronnyj resurs] / Ja. V. Vasil'kov, M. Ju. Sorokina. – SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie. 2003. Internet-versija. Oчерк «Т. А. Корвин-Круковская». – Rezhim dostupa: <http://memory.pvost.org/pages/korvin.html>

7. Vigasin, A. A., Aleksandr i Ljudmila Mervart: u istokov otechestvennogo cejlonovedenija i dravidologii [Текст] // Repressirovannye jetnografy. – M., 2003. – T. 2. – S. 375–398.

8. Gurov, N. V. Pochemu Gerasim Lebedev poehal v Indiju: Eshhe raz k istokam otechestvennoj indologii [Текст] // XXVkonferencija «Istoriofografija i istochnikovedenie stran Azii». – SPb., 2009. – S. 159–160.

9. Krasnodembskaja, N. G. L. Ja. Shternberg i indijskaja jekspedicija MAJe [Текст] // Lev Shternberg – grazhdanin, uchenyj, pedagog. K 150-letiju so dnja rozhdenija. – SPb, 2012. – S. 32–65.

10. Krasnodembskaja, N. G. Peterburg-Indija: Ob jetnograficheskoj jekspedicii muzeja antropologii i jetnografii (Kunstkamera) 1914 goda [Текст] // Sankt-Peterburg-Indija. Istorija i Sovremennost'. – SPb. : Evropejskij Dom, 2009. – S. 241–249.

11. Krasnodembskaja, N. G. Truzheniki i romantiki jetnograficheskoj nauki [Текст] // Kunstkamera. Jetnograficheskie tetradi. – Vyp. 1997. – S. 315–325.

12. Lebedev, G. S. Bespristrastnoe sozercanie sistem Vostochnoj Indii bragmenov, svjashhennyh ob-rjadov ih i narodnyh obychaev [Текст] / G. S. Lebedev. – Jaroslavl' : Akademija razvitiya, 2009.

13. Ljusternik, E. Ja. Nauchnaja jekspedicija A. M. i L. A. Mervartov v Indiju v 1914–1918 gg. [Текст] // Istoriofografija i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. – Vypusk IV. – L. : LGU, 1975. – S. 58–63.

14. Mamut, H. Gerasim Stepanovich Lebedev [Текст] / H. Mamut. – Jaroslavl' : Akademija 76, 2012.

15. Mervart, A. i L. Otchet ob jetnograficheskoj jekspedicii v Indiju v 1914–1918 gg. [Текст] / A. i L. Mervart. – L. : Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1927.

16. Mervart, A. M. Indijskij narodnyj teatr [Текст] // Vostochnyj teatr / pod. red. A. M. Mervarta. – L. : Akademija, 1929. – S. 16–111.

17. Mozol', E. V. Knizhnaja kollekcija Aleksandra Mihajlovicha i Ljudmily Aleksandrovny Mervartov v biblioteke MAJe [Текст] // Radlovskij sbornik. – SPb. : Kunstkamera, 2011. – S. 95–100.

18. Soboлева, E. S. Kul'tura Juzhnoj Azii v muzejah v nachale XX veka (po pis'mam G. H. Mervarta) [Текст] : Rukopis'.

19. СПбФА РАН – Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук. Фонд 142.1926 г. Переписка по научным вопросам.

20. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Текст] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 12.

Reference List

1. Meerwarth A. M. The Dramas of Bhasa: A Literary study // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal, 1917. – Vol. XIII. – N 5. – P. 261–280.

2. Meerwarth A. M. Les Kathakalis du Malabar // Journal Asiatique, 1926. – P. 198–284.

3. Academic business, 1929–1931: documents and materials of the investigative case, the framed-up OGPU / editorial board: V. P. Leonov, Zh.I. Alferov, etc. – SPb. : RAS library, 1988.

4. Bulgakov F.I. Gerasim Stepanovich Lebedev: the Russian traveler-musician in India at the end of the 18th century // the Historical bulletin. – 1880. – V. 3. – P. 515–524.

5. Gurov N. V. Why Gerasim Lebedev went to India: Once again to sources of Russian Indology //XXV conference «Historiography and Source Study of the Countries of Asia». – SPb., 2009. – P. 159–160.

6. Krasnodembskaja N. G. Peterburg-India: About an ethnographic expedition of the Museum of Anthropology and Ethnography (Cabinet of curiosities) in 1914 // St. Petersburg-India. History and Present. – SPb. : Evropejsky Dom, 2009. – P. 241–249.

7. Krasnodembskaja N. G. Toilers and romantics of ethnographic science // Cabinet of curiosities. Ethnographic notebooks. – Issue of 1997. – P. 315–325.

8. Krasnodembskaja N. G. L. Ya. Shternberg and the Indian expedition of MAE // Lev Shternberg is the citizen,

scientist, teacher. To the 150 anniversary since birth. – SPb, 2012. – P. 32–65.

9. Lebedev G. S. Impartial contemplation of East systems India of bragmen, their solemn rites and folk customs. – Yaroslavl : Akademiya razvitiya, 2009.

10. Lyusternik E. Ya. A scientific expedition of A. M. and L. A. Mervart to India in 1914–1918 // the Historiography and a source study of history of the countries of Asia and Africa. – Issue IV. – L. : LSU, 1975. – P. 58–63.

11. Mamut Kh. Gerasim Stepanovich Lebedev. – Yaroslavl : Akademiya 76, 2012.

12. Mervart A. and L. The report on an ethnographic expedition to India in 1914–1918 / A. and L. Mervart. – L. : Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1927.

13. Mervart A. M. The Indian folk theater // East theater / under edition of A. M. Mervart. – L. : Akademiya, 1929. – P. 16–111.

14. Mozol E. V. Aleksandr Mikhaylovich and Lyudmila Aleksandrovna Mervart's book collection in MAE library // Radlovsky collection. – SPb. : Cabinet of curiosities, 2011. – P. 95–100.

15. Soboleva E. S. Culture of the Southern Asia in the museums at the beginning of the 20th century (according to G. Kh. Mervart's letters): Manuscript.

16. SPtSA RAS –St. Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund of 142.1926 g. Correspondence on scientific questions.

17. Vasilkov Ya. V. Book of Khayat Mamud about Lebedev – a reciprocal gift of Russia from Bengal // Mamut Kh. Gerasim Stepanovich Lebedev. – Yaroslavl : Akademiya 76. – 2012.

18. Vasilkov Ya. V., Sorokin, M. Yu. People and destinies. The biobibliographic dictionary of orientalist-victims of political terror during the Soviet period (1917–1991) [An electronic resource] / Ya. V. Vasilkov, M. Yu. Sorokina. – SPb. : St. Petersburgskoe Vostokovedenie. 2003. Internet version. Essay «T. A. Korvin-Krukovskaya». – Access mode: <http://memory.pvost.org/pages/korvin.html>

19. Vigasin A. A., Aleksandr and Lyudmila Mervart: at sources of Russian Science of Ceylon and Dravidology // Repressed ethnographers. – M., 2003. – V. 2. – P. 375–398.

20. Yurieva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» // Culturological magazine. – 2014. – № 1. – P. 12.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

Н. В. Лукьянчикова

Ода ярославца В. И. Майкова в контексте литературы Ярославля второй половины XVIII века

В статье рассматривается одно из литературных произведений В. И. Майкова «Ода на прибытие ее величества из Москвы в Ярославль 1763 года», написанное в честь остановки Екатерины II в Ярославле. На основе анализа этого произведения автор делает вывод, что ярославский писатель XVIII века (Василий Иванович Майков) может быть назван связующим звеном между литературной и культурной средой Ярославля и обеих столиц, вводит провинциальный город в общероссийский литературный контекст. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: В. И. Майков, литература Ярославля, культура XVIII века, жанры литературы XVIII века, ода.

N. V. Lukyanchikova

The Resident of Yaroslavl V. I. Maykov's Ode in the Context of Literature of Yaroslavl in the Second Half of the 18th century

In the article is considered one of literary works by V. I. Maykov «The Ode on Arrival of Her Majesty from Moscow to Yaroslavl in 1763», written in honour of Catherine II's stay in Yaroslavl. On the basis of the analysis of this work the author draws a conclusion that the Yaroslavl writer of the 18th century (Vasily Ivanovich Maykov) can be called as a link between the literary and cultural environment of Yaroslavl and both capitals, and enters a country town into the all-Russian literary context. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: V. I. Maykov, literature of Yaroslavl, culture of the 18th century, genres of literature of the 18th century, ode.

Ярославль XVIII в. – один из крупнейших городов центра России – город во многих отношениях (бытовом, культурном, промышленном) противоречивый. Очерк Леонида Николаевича Трефолева «Ярославль при императрице Елизавете Петровне», написанный на основе изучения многочисленных документов эпохи, свидетельствует, что «Ярославль, когда-то полный самобытной исторической жизни, спускается ... на степень весьма заурядного провинциального города, засыпает глубоким мертвым сном...» [1, с. 36]. С горечью изображая специфику провинциального быта, Трефолев – истинный ярославец – в своем очерке отмечает значимость тех культурных явлений, которые считаются гордостью не только Ярославля, но и всей России. Так он с восторгом говорит о Федоре Волкове и его таланте: «Прекрасное и великое, по своим последствиям, создание его – русский театр – основалось на ярославской земле». Но не только театр Федора Волкова стал своеобразным культурным чудом города. В Ярославле второй половины XVIII в. секретарем Приказа общественного призрения В. Д. Санковским издается первый русский провинциальный журнал «Уединенный пошехонец». Если рассмотреть спи-

сок русских писателей XVIII в., чье творчество представляет в данный период литературу демократическую, массовую, то в нем найдем не одно ярославское имя. По рождению или каким-либо другим жизненным этапам с Ярославлем связаны такие писатели, как Михаил Иванович Попов (автор комической оперы «Анюта»), Михаил Дмитриевич Чулков (написавший один из первых русских авантюрных романов «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины»), Василий Иванович Майков (перу которого принадлежит ирои-комическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вахх»). Да и Герасим Степанович Лебедев, создатель театра европейского типа в Индии, тоже по праву может быть поставлен в ряд этих удивительных явлений.

Что же представляет собой литературная жизнь Ярославля той эпохи, которая сформировала Герасима Лебедева?

Прежде всего, как великие русские писатели (Н. В. Гоголь, И. С. Аксаков, Н. А. Некрасов), так и современные исследователи (Т. С. Злотникова, Н. Н. Летина, Е. А. Ермолин – в коллективной монографии «Исторический город русской провинции как культурный универсум») отмечали мо-

бильность, характерную для ярославцев: «Важнейший компонент столичного вектора в мирозерцании ярославцев был заложен отходом в столицы. Большие города отсасывают ярославца с его родины» [2, с. 140]. Вероятно, то, что можно назвать практикой «отхода», было свойственно не только для ярославских мастеровых, но и для ярославских писателей, причем данная тенденция прослеживается как в XVIII в., так и в XIX–XX вв. Вспомним, как стремится Н. А. Некрасов в Петербург: даже три голодных, больных года, можно сказать, на грани жизни и смерти, не заставляют его вернуться насовсем. Впоследствии в Ярославской губернии поэт Некрасов бывает наездами. Не возвращается после своего отъезда и уроженка Норского посада Мария Сергеевна Петровых. Наверное, исключения представляют собой Л. Н. Трефолов (живший в Ярославле, печатавшийся в ярославских изданиях, писавший о Ярославле и ярославцах) и привязанная к ярославской земле поэтесса Ю. В. Жадовская, практически все творчество которой связано с родиной, но, по-видимому, это можно объяснить состоянием здоровья и семейной ситуацией Юлии Жадовской.

Возвращаясь к XVIII в. отмечаем, что тогда тенденция «отхода» писателей и деятелей культуры в столицу из Ярославля прослеживалась особенно отчетливо: еще бы, ведь писатель в XVIII в. – фигура штучная, единичная (некоторые явления вообще единственные, театр Волкова, например). Естественно, что и оформляться по-настоящему в профессиональном литературном смысле они, принадлежавшие к различным социальным сообществам (Чулков – из солдатских детей, служивший лакеем, затем камер-лакеем при императорском дворе, впоследствии ставший чиновником; Попов – из купеческой семьи, по некоторым источникам выступавший на сцене в труппе Ф. Волкова), могли только в литературной среде. Так, Василий Иванович Майков (1728–1778) родился в семье капитана лейб-гвардии Семеновского полка, ярославского помещика. Иван Степанович Майков – отец будущего писателя – «одним из первых оценил сценическое дарование Ф. Г. Волкова, бывал на спектаклях, которые тот устраивал в кожаном амбаре своего отчима купца Полушкина в 1748 г. Когда Волков приступил к созданию в Ярославле театра, воевода Мусин-Пушкин и помещик Майков деятельно способствовали к осуществлению намерений Волкова, для чего сами употребляли значительные суммы и уговорили ярославских дворян и купече-

ство... способствовать» [3, с. 115]. Но несмотря на любовь отца к театру и очевидную склонность семьи к культуре, серьезного образования в детстве Василий Майков не получил, не знал ни одного иностранного языка. В 14-летнем возрасте был определен в Академическую гимназию в Санкт-Петербурге, почти одновременно записан в полк, где ранее служил его отец. Будучи отпущен домой для изучения наук, необходимых военному, пробыл в Ярославле до 18 лет, однако, как свидетельствуют современники, больших знаний не приобрел (об этом пишет литературовед А. Западов во вступительной статье к изданию избранных произведений В. И. Майкова «Творчество В. И. Майкова» [4]). Ни жизнь в родительском доме в Ярославле, ни служба в Семеновском полку, ни более поздняя гражданская служба, видимо, не способствовали бы формированию Майкова как писателя – к писательству его обратили, очевидно, знакомство и тесное общение со столичными литераторами: А. П. Сумароковым, И. П. Елагиным (1750 г.), кружком М. М. Хераскова (после отставки в 1761 г.). Именно в журналах, которые издавал М. М. Херасков («Полезное увеселение» (1762 г.) и «Свободные часы» (1763 г.)), Майков публикует свои первые поэтические произведения. Таким образом, ситуация «отхода», характерная для судьбы русского писателя-ярославца XVIII в., способствовала его писательскому становлению. В то же время очевидно, что и определенные впечатления детства и юности, полученные на родине, не могли не повлиять на творческий путь Майкова.

Как покажет будущее, В. И. Майков станет достаточно плодовитым писателем, работавшим в разных литературных жанрах: трагедии, драмы, басни, сатиры, духовных стихов, оды, – как и А. П. Сумароков, которого Майков считал своим учителем. Наибольшую известность автору принесла ирои-комическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вакх». По мнению выдающейся исследовательницы литературной жизни Ярославского края Н. А. Астафьевой, в основу истории ямщика Елисея лег реальный случай из ярославской жизни. Но наш интерес сегодня привлекает текст, совершенно точно связанный с ярославскими реалиями XVIII в., – «Ода на прибытие ее величества из Москвы в Ярославль 1763 года» (Текст цитируется по изданию «Ярославль и ярославцы в литературе» [1, с. 49–50]). Эта ода была написана Майковым в честь остановки Екатерины II в Ярославле во время ее поездки по многим волжским городам. Поэт не только создает хва-

лебное произведение, но и лично вручает оду Екатерине по поручению ярославского дворянства. Оды Майкова неоднократно становились предметом литературоведческого изучения (А. Западов в упоминавшейся выше работе анализирует такие произведения, как «Ода по восшествии ее величества на всероссийский престол, на день тезоименитства ее 1762 года», «Ода на новый 1763 год», «Ода о вкусе» и некоторые другие), «ярославскую» оду упоминает в своей статье «Майков» исследователь А. М. Кукулевич [5, с. 201–225], указывая, что «в оде 1763 г. имеются строфы, говорящие об идейной близости в ту пору Майкова с панинско-сумароковской группой, участвовавшей в известной мере в подготовке переворота 23 июня 1762 года» [5, с. 205].

Очевидно, речь идет о тех строках, где Майков говорит о ликовании всего «счастливого града», приветствующего императрицу, недавно вступившую на престол при, мягко говоря, непростых обстоятельствах:

*«Я зрю в объятиях моих
Монархиню, от всех любезну,
Прервавши жизнь россиян слезну,
От бед избавившую их»*

В одной из строф автор, не прикрываясь «счастливым градом», открыто говорит о своей радости и радости подданных по поводу воцарения Екатерины:

*«Давно усердием пылали,
Давно на трон тебя желали,
Все верные твои рабы;
Давно колена преклоняли,
Давно на небо воссылали
О сем к творцу свои мольбы»*

Надо сказать, что, хотя Майков считал себя учеником Сумарокова, который «выступает против витийственного начала», «борется против метафоризма оды», «достоинством поэтического слова» объявляет его «скупость», «краткость» и «точность» [6, с. 227–252]. В жанре оды поэт скорее следовал традициям Ломоносова, строившего оду по канонам риторики, насыщавшего ее риторическими фигурами, максимально использовавшего перифразы (см. у Майкова: «*Прекрасное светило мира...*»), метафоры («*сопряжение далековатых идей*»), сравнения («*Не тако после бурной ночи / Пловец ждет солнечных лучей, / Как мы желали видеть очи / Давно монархини своей...*»). Майков активно использует ломоносовский прием «заимословия», доверяя слово то «ликующему граду»: «*Не сон ли сладкий мя прельща-*

ет?...», то бегущей в «Каспийскую пучину» Волге: «*Почто мне не дано судьбою / Свой бег сдержать и быть с тобою...*», то «*ликующим людям*»: «*Гряди по ним, о, счастье наше! / Ты нам всего на свете краше...*».

Характерно для оды XVIII в. противопоставление «темного» времени – до воцарения монарха на престоле – «свету», пришедшему с его воцарением: у Майкова читаем: «*Настал день светлый после тьмы, / Настало время нам златое, / Мы все в возлюбленном покое, / Исчезла мгла грозящих туч*». Кроме того, В. И. Майков сопоставляет благоденствие, в котором Ярославль существует в годы царствования Екатерины, с теми «блаженными» временами, когда Россией правил Петр I: «*Таков ты был в прошедши годы / Благополучен, как и днесь, / Как, на целебные шед воды, / Великий Петр починул здесь. / Блажен и ныне ты, как прежде, / Блажен и будь в такой надежде...*».

Нам кажется особенно важным отметить, что в данной оде В. И. Майков изображает Ярославль не просто как провинциальный город, встречающий императрицу, – Ярославль изображен как неотъемлемая часть России, город, переживавший «бурную ночь» вместе со всей Россией, а теперь радующийся «солнечным лучам» вместе со всем государством. Поэт показывает, как «мы» – ярославцы трансформируются в «мы» – россияне, а Ярославль, который зрит «свою императрицу, / Как зришь всходящую денницу, / Которой ныне озарен» неотделим от России: «*Блаженна та страна святая, / Блажен тот скиптр, блажен тот трон, / Где сам царь, церкви подражая, / Хранит божественный закон. / Россия, так и ты блаженна, / В твоей монархии возжженна / Любовь к бессмертному царю...*».

Считаем необходимым сделать вывод, что ярославский писатель XVIII в. (Василий Иванович Майков является одним из наиболее ярких представителей ярославских писателей, в том числе, и в качестве создателя «Оды на прибытие ее величества из Москвы в Ярославль 1763 года») может быть назван связующим звеном между литературной и культурной средой Ярославля и обеих столиц, вводит провинциальный город в общероссийский литературный контекст.

Библиографический список

1. Ярославль и ярославцы в литературе [Текст] / сост. Н. А. Астафьева. – Ярославль, 1997.
2. Исторический город русской провинции как культурный универсум [Текст] / под ред. Т. С. Злотниковой. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010.

3. Серебренников С. Федор Григорьевич Волков, первый основатель народного русского театра в Ярославле [Текст] / С. Серебренников. – Ярославский литературный сборник, 1850. – Ярославль, 1851.

4. Майков, В. И. Избранные произведения [Текст] / В. И. Майков. – М., Л., 1966.

5. Кукулевич, А. М. Майков [Текст] / А. М. Кукулевич // История русской литературы. Т. 4, ч. 2, – М.-Л., 1947. – С. 201–225.

6. Тынянов, Ю. Н. Ода как ораторский жанр [Текст] / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 227–252.

Bibliograficheskij spisok

1. Jaroslavl' i jaroslavcy v literature [Tekst] / sost. N. A. Astaf'eva. – Jaroslavl', 1997.

2. Istoricheskij gorod russkoj provincii kak kul'turnyj universum [Tekst] / pod red. T. S. Zlotnikovoj. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010.

3. Serebrennikov S. Fedor Grigor'evich Volkov, pervyj osnovatel' narodnogo russkogo teatra v Jaroslavle [Tekst] / S. Serebrennikov. – Jaroslavskij literaturnyj sbornik, 1850. – Jaroslavl', 1851.

4. Majkov, V. I. Izbrannye proizvedeniya [Tekst] / V. I. Majkov. – М., Л., 1966.

5. Kukulevich, A. M. Majkov [Tekst] / A. M. Kukulevich // Istorija russkoj literatury. T. 4, ch. 2, – М.-Л., 1947. – С. 201–225.

6. Tynjanov, Ju. N. Oda kak oratorskij zhanr [Tekst] / Ju. N. Tynjanov // Pojetika. Istorija literatury. Ki№ – М., 1977. – С. 227–252.

Reference List

1. Jaroslavl and residents of Jaroslavl in literature / author N. A. Astafieva. – Jaroslavl, 1997.

2. The historical city of the Russian province as a cultural universum / under the editorship of T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl : YSPU Publishing House, 2010.

3. Serebrennikov S. Fedor Grigorievich Volkov, the first founder of folk Russian theater in Jaroslavl. – Jaroslavl literary collection, 1850. – Jaroslavl, 1851.

4. Maykov V. I. Selected works. – М., Л., 1966.

5. Kukulevich A. M. Maykov // History of the Russian literature. V. 4, p. 2, – М.-Л., 1947. – P. 201–225.

6. Tynyanov Yu. N. Ode as oratorical genre // Poetics. History of literature. Cinema. – М., 1977. – P. 227–252.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.09.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

В. И. Мельник

И. А. Гончаров и П. В. Анненков: история отношений писателя и критика

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(Проект № 17–04–50064: «Научная биография И. А. Гончарова»)

В статье впервые рассматривается история взаимоотношений И. А. Гончарова с критиком П. В. Анненковым в 1840–1880-е гг. Гончаров ценил тонкий критический талант Анненкова и выражал желание, чтобы тот написал критические статьи о его творчестве. Анненков в 1849 г. дал негативную рецензию на очерк Гончарова «Иван Савич Поджабрин», впоследствии уклоняясь от критических выступлений о Гончарове. В статье подробно рассмотрен эпизод обращения Гончарова с просьбой написать критическую статью о недавно опубликованном романе «Обломов». Анализируются причины фактического отказа Анненкова, имевшего тесные связи с И. С. Тургеневым. Характер напряженных отношений с Анненковым определялся во многом тем, что Гончаров обвинял Тургенева в плагиате. Исследуется эволюция отношений Гончарова и Анненкова, давшего чрезвычайно высокую оценку роману «Обрыв» в неопубликованной статье и принимавшему деятельное участие в работе Гончарова над предисловием к последнему роману.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, П. В. Анненков, И. С. Тургенев, критика, биография, эволюция взаимоотношений, литературный суд, плагиат, «Необыкновенная история».

V. I. Melnik

**I. A. Goncharov and P. V. Annenkov:
History of Relations of the Writer and the Critic**

The paper first examines the history of the relationships of I. A. Goncharov with critic P. V. Annenkov in 1840–1880's. I. A. Goncharov appreciates fine critical talent of Annenkov and expressed a desire to write critical articles about his work. In 1849 Annenkov gave a negative review of Goncharov's essay «Ivan Savich Podzhabrin», subsequently avoiding critical statements about Goncharov. The paper discusses in detail the episode, when Goncharov requested to write a critical article on recently published novel «Obломov». Are analyzed the causes of the actual refuse of Annenkov, who had close ties with I. S. Turgenyev. The nature of strained relations with Annenkov was defined largely by the fact that Goncharov accused Turgenyev in plagiarism. The evolution of the relationship between Annenkov and Goncharov, who gave an extremely high evaluation to the novel «The Precipice» in an unpublished article, and took an active part in the work of Goncharov on the Preface to the latter novel.

Keywords: I. A. Goncharov, P. V. Annenkov, I. S. Turgenyev, criticism, biography, evolution of relationships, the literary court, plagiarism, «An Extraordinary story».

И. А. Гончаров и П. В. Анненков тяготели к пушкинскому направлению в литературе, часто встречались в Петербурге и за границей в 1840–1870-х гг., а также состояли в переписке, хотя отношения их были непростыми. Все высказывания и замечания Анненкова о произведениях Гончарова, к сожалению, не имеют систематического характера. И восстанавливать общую логику восприятия Анненковым творчества Гончарова приходится по отдельным фрагментам.

Несомненно, эта логика присутствовала: отношения писателей продолжались более сорока лет. Анненков внимательно следил за творчеством романиста. Автор «Обломова» всегда доверял вкусу и литературному суду Анненкова. Они оба страстно любили литературу, чем и объясняется длительность их почти всегда напряженного знакомства, пережившего немало сложных моментов. Один из таких моментов – немаловажный эпизод в жизни Гончарова, а именно, его затянувшийся

спор с Тургеневым, из-за которого человеческое доверие со стороны Гончарова было если не утрачено, то в значительной степени нарушено. Тургенев сделался своего рода «болезнью» или «страстью» автора «Обломова».

Гончаров сошелся с Анненковым в кружке Белинского в середине 1840-х гг. Всем известно, насколько высоко встал в литературе Гончаров после выхода в свет своего первого романа «Обыкновенная история» (1847). Роман получил высокую оценку Белинского и всего его кружка. Белинский писал: «... у г. Гончарова нет ничего, кроме таланта; он больше, чем кто-нибудь теперь, поэт-художник... роман г. Гончарова остается одним из замечательных произведений русской литературы». После таких оценок нельзя было сомневаться в таланте Гончарова. Между тем в своих воспоминаниях А. Я. Панаева писала: «Тургенев объявил, что он со всех сторон «штудировал» Гончарова и пришел к заключению, что он в душе

чиновник, что его кругозор ограничивается мелкими интересами... Такой человек далеко не пойдет... он застрянет на первом своем произведении» [3, с. 48; Ср. реакцию Ф. М. Достоевского: 6, с. 244]. Друг и советчик Тургенева Анненков печатно назвал роман Гончарова «превосходным», однако не прибавил ни слова более. Возможно, он также считал, что автор «Обыкновенной истории», скорее всего, «застрянет на первом своем произведении» и потому недоброжелательно откликнулся на второе опубликованное произведение Гончарова – очерк «Иван Савич Поджабрин» (1842). Не вникнув в глубокую тему «донжуанизма», «искания красоты» и уродливого искажения этого искания, которую Гончаров продолжал вплоть до воплощения ее в образе Райского, Анненков признает произведение Гончарова неудачным опытом, «сбором смешного без значения, публичной выставкой нелепостей»: «Мы преследовали этот род везде, где он ни являлся, и тем более должны осудить его в г. Гончарове» [1, с. 16]. Следует признать, что Анненков-критик, несмотря на свое превосходное чутье и тонкость, ошибся, и ошибся глубоко, что дает даже основание подозревать его в какой-то мере в субъективности подхода.

После одновременного выхода романов «Обломов» и «Дворянское гнездо», натолкнувшего Гончарова на мысль о том, что Тургенев откровенно пользуется еще не опубликованным «Обрывом», в преддверии третейского суда романист пишет Анненкову письмо, в котором выражает желание, чтобы тот написал критическую статью о новом романе. Сам факт такой просьбы со стороны автора «Обломова» – явление исключительное и даже, кажется, единственное в практике писателя. Очевидно одно: эта просьба так или иначе связана с той атмосферой напряженности между Гончаровым и Тургеневым, которая сложилась накануне «третейского суда». Эта попытка «выдавить» из Анненкова признание в шедевральности «Обломова» (объективный литературный судья Анненков не мог бы исказить истину и не признать серьезных художественных достоинств романа, в этом смысле его отзыв на «Поджабрину» явился печальным исключением) диктовалась тем, что Гончаров постоянно – и на этот раз особенно упорно! – пытался «перетянуть» Анненкова на свою сторону в споре (или даже в отношениях) с Тургеневым (см. письмо Гончарова к Анненкову от 20 мая 1859 года).

Гончаров постоянно ощущает некоторую недоброжелательность со стороны Анненкова, и тем более он хочет, чтобы Анненков хотя бы од-

нажды высказался о его творчестве печатно: ведь писал же он о творчестве столь близкого ему по занимаемой литературной нише Тургенева! И писал тонко, вдумчиво, глубоко. Писал об А. Ф. Писемском [9]. Почему же замолчал «Обыкновенную историю»? «Фрегат “Палладу”»? Действительно, создавалась странная ситуация: Анненков «пропускает мимо ушей» фундаментальные и получившие всеобщее признание произведения Гончарова, но зато «выстреливает» по малозначительной вещице, которая кажется ему неудачной. Не пора ли высказаться и прекратить это искусственное положение?

Гончарову к этому времени, очевидно, уже становится ясным положение Анненкова при Тургеневе. В «Необыкновенной истории» он напишет об этом: «У него завелась своего рода *clientele*, род маленькой дружины, которая все готова была делать для него и за него. Съездить куда-нибудь, достать что-нибудь, попросить, похлопотать. Сейчас бежали послушные друзья: Н. Н. Тютчев, И. И. Маслов, более всех П. В. Анненков. Последний был то, что в старых комедиях и трагедиях называлось наперсником... Тургенев, лаская этих своих слуг, мастер был извлекать из них ежеминутную пользу...» [4, с. 205].

Анненков, соблюдая внешние приличия, тем не менее порою позволял себе публичные «выходки» против Гончарова, на что указывает письмо романиста к Анненкову от 8 декабря 1858 года: «Третьего дня, за ужином у Писемского... это сказано было желчно, с озлоблением... В другой раз, с месяц тому назад, Вы пошутили за обедом у Некрасова уже прямо надо мной, что было тоже замечено другими» [5, с. 303–304]. Гончарову, таким образом, было уже ясно, что за спиной Анненкова маячит его литературный соперник Тургенев. Переписка Тургенева и Анненкова показывает, сколь справедливы были опасения Гончарова: в этой переписке он часто предстает как объект насмешки. Его успехи вызывают раздражение. Так, 26 ноября 1856 г. Анненков пишет Тургеневу: «Гончаров летает с брюшком от Норова к Щербатову, суетится, подчинил товарищей своему влиянию, хитрит с нашим братом и в этих занятиях расцвел так, даже румянец начинает играть у него на щеках» [11, с. 61]. Неприятности у Гончарова вызывают злорадное удовольствие. Из письма Анненкова к Тургеневу: «И. А. Гончаров отказался от общества Лит<ературного> фонда за приглашение его в учредители, почему имя его и вычеркнуто мною из вашего списка. Строгий человек, но небо справедливо! Он тотчас же после того попался как цензор, пропустив окончание статьи

Бабста против книжки сенатора Семенова... Ждет головомытия...» [11, с. 87]. Надо сказать, что этот саркастический стиль резко отличается от того тона объективности и беспристрастности, которым проникнуты «Литературные воспоминания» Анненкова, в частности когда он пишет о «третьем суде» [2, с. 407].

Гончаров впервые просит Анненкова печатно высказаться о своем произведении [5, с. 323–324]. В отношениях с Гончаровым alter ego Анненкова — это Тургенев. Именно с ним критик и обсуждает поступившее от Гончарова предложение, и обсуждает весьма критично и откровенно, как обсуждают общего неприятеля в узком кругу единомышленников. В письме к Тургеневу от 1 октября 1859 г. Анненков пишет: «Я получил от Гончарова милейшую цидулу» и т. п. [11, с. 85]. Предложение романиста можно назвать провоцирующим: любая (одобрительная или «ругательная») статья Анненкова как единомышленника Тургенева, так же, как и его отказ, являлись в этой ситуации для Гончарова безошибочным тестом и дополнительным психологическим аргументом в оценке ситуации. Но Анненков отказался писать и о втором романе Гончарова, хотя, вероятно, его эстетическое чувство было задето шедевральной романом и требовало выхода.

Однако отношения Гончарова и Анненкова получают неожиданное продолжение после выхода в свет романа «Обрыв». Имеется в виду его неопубликованная и, возможно, утраченная статья о романе «Обрыв», которую Анненков предложил после выхода романа в журнал «Заря». Трудно судить о конкретном содержании посланной в «Зарю» статьи, но судя по всему она могла бы стать едва ли не единственным позитивным отзывом об «Обрыве» в русской журнальной критике того времени. Косвенно об этом свидетельствует ответ Анненкову редактора журнала В. В. Кашпирева от 21 октября 1869 г.: «Милостивый государь Павел Васильевич. Возвращая Вам рукопись Вашего разбора романа „Обрыв“, прошу позволения выразить Вам крайнее сожаление, что разбор этот не может быть напечатан в „Заре“. Мнение, составленное редакцией об романе г. Гончарова, совершенно не сходится с Вашим мнением; сравнение „Обрыва“ с „Войною и миром“ — сравнение, из которого выходит то, что роман г. Гончарова занимает в русской литературе одинаковое место с романом гр. Толстого, — невозможно печатать в том журнале, который, по своему крайнему убеждению, совершенно искренно поставил „Войну и мир“ как одно из величайших созданий русского

Гения, сравнивать которое можно только с созданиями Пушкина...» [10, с. 98].

Особый интерес положительный отзыв Анненкова имеет в контексте его всегдашнего единомыслия с Тургеневым, который крайне негативно отзывался об «Обрыве», в частности в письме к Анненкову от 9 февраля 1869 г.: «Читаю продолжение „Обрыва“, и волосы у меня вылезают от скуки. Эдаких дьявольски-нестерпимых разговоров я что-то ни в одной литературе не запомню... Устарел, устарел Иван Александрович, и философия его затхлая» [12, с. 247]. Неожиданно Анненков с этим не согласился. Значит, действительно был восхищен широтой замысла Гончарова и впервые намеревался печатно выразить мнение, совершенно несходное с тургеневским. Это была своего рода компенсация за необъективную рецензию на «Ивана Савича Поджабрина», написанную как бы с чужого голоса.

«Обрыв» растапливает лед в отношениях Анненкова и Гончарова. Письмо Гончарова к критику от начала января 1870 г. дает основание предположить, что мнение Анненкова об «Обрыве» было не только высоким, но и искренним. Очевидно, что он выразил это мнение и самому Гончарову, так как тот высылает ему рукопись своего предисловия к роману и сопровождает ее просьбой отметить возможные огрехи: «Может быть, Вам придет на мысль какая-нибудь благая подробность, что-нибудь нужное, благоволиите вставить ее. Ненужное же зачеркнуть бы... Рассудите зрело и беспристрастно. Вы, конечно, даром не заставите меня подставлять лоб, напрашиваясь на напрасную брань в журналах» [5, с. 426]. При этом Гончаров, работая над предисловием, учел мнение Анненкова: «...я, по Вашим верным замечаниям, исключил все, что сказано было о живописи и вообще об искусстве» [5, с. 426]. Рассуждая о том, почему он все-таки издал роман без предисловия, Гончаров дал высокую оценку Анненкову и его литературному авторитету у «нового поколения»: «...еще лучше и убедительнее меня (и тоньше) может сказать Катков с братией, да разве Вы с Галаховым, а затем более нет никого во всей литературе, кого бы выслушали, прочли и кому бы поверили новые люди...» [5, с. 426].

Гончаров медленно, но упорно торил свой путь в литературе. Все мелкое, внешнее, наносное отступало со временем перед силой его таланта и колоссальным художническим трудом. После выхода романа «Обломов» резко переменялось к нему отношение Ф. М. Достоевского, после «Обрыва» он, наконец, «приобрел» Анненкова, которому он признался, что в недрах его души созре-

вает еще один, четвертый, роман: «Я переделывал, колебался, начал было писать новое, но вижу, что, кроме вреда себе и книге, ничего не выйдет. Я даже заболел от тоски и отложил в сторону, как такое дело, в котором я не горазд. Если станет сил, лучше для меня, разделившись с „Обрывом“, подумать хорошенько о чем-нибудь новом, то есть о романе же, если старость не помешает» [5, с. 428].

Библиографический список

1. Анненков, П. В. Заметки о русской литературе прошлого года [Текст] / Без подписи // Современник, 1849. – № 1.
2. Анненков, П. В. Литературные воспоминания [Текст] / П. В. Анненков. – М., 1960.
3. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников [Текст]. Л., 1969.
4. Гончаров, И. А. Необыкновенная история: (Истинные события) [Текст] / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Лит. наследство. – Т. 102. – М., 2000.
5. Гончаров, И. А. Собрание сочинений. В 8-ми томах [Текст] / И. А. Гончаров. – М., 1952–1955. – Т. 8.
6. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти томах [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л., 1972–1988. – Т. 28. – Кн. 1.
7. Мельник, В. И. И. А. Гончаров и Ф. М. Достоевский [Текст] // Вестник славянских культур. – М., 2010. – № 1. – С. 51–63.
8. Мельник, В. И. И. А. Гончаров и православие. Духовный мир писателя [Текст] / В. И. Мельник. – М., 2008.
9. Тимашова, О. В. П. В. Анненков о творчестве А. Ф. Писемского: предмет критики, эволюция оценок, жанровые градации [Текст] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика, 2014. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 76–80.
10. Толстой, Л. Н. К 120-летию со дня рождения (1828–1948). Кн. II. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: Гос. лит. музей, 1948.
11. Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина [Текст]: Т. III. – 1934.
12. Тургенев, И. С. Собр. соч. и писем. В 30 томах. Письма. [Текст]: Т. 9 / И. С. Тургенев. – М.: Наука, 1985.

Bibliograficheskij spisok

1. Annenkov, P. V. Zametki o russkoj literature proshlogo goda [Tekst] / Bez podpisi // Sovremennik, 1849. – № 1.
2. Annenkov, P. V. Literaturnye vospominanija [Tekst] / P. V. Annenkov. – M., 1960.
3. I. A. Goncharov v vospominanijah sovremennikov [Tekst]. L., 1969.
4. Goncharov, I. A. Neobyknovennaja istorija: (Istinnye sobytija) [Tekst] / Vstup. st., podgot. teksta i koment. N. F. Budanovoj // I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniya. Lit. nasledstvo. – T. 102. – M., 2000.

5. Goncharov, I. A. Sobraenie sochinenij. V 8-mi tomah [Tekst] / I. A. Goncharov. – M., 1952–1955. – T. 8.
6. Dostoevskij, F. M. Poln. sobr. soch. V 30-ti tomah [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L., 1972–1988. – T. 28. – Kn. 1.
7. Mel'nik, V. I. I. A. Goncharov i F. M. Dostoevskij [Tekst] // Vestnik slavyanskikh kul'tur. – M., 2010. – № 1. – S. 51–63.
8. Mel'nik, V. I. I. A. Goncharov i pravoslavie. Duhovnyj mir pisatelja [Tekst] / V. I. Mel'nik. – M., 2008.
9. Timashova, O. V. P. V. Annenkov o tvorchestve A. F. Pisemskogo: predmet kritiki, jevoljucija ocenok, zhanrovyje gradacii [Tekst] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika, 2014. – T. 14. – Vyp. 3. – S. 76–80.
10. Tolstoj, L. N. K 120-letiju so dnja rozhdenija (1828–1948). Kn. II. [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M.: Gos. lit. muzej, 1948.
11. Trudy Publichnoj biblioteki SSSR im. V. I. Lenina [Tekst]: T. III. – 1934.
12. Turgenev, I. S. Sobr. soch. i pisem. V 30 to-mah. Pis'ma. [Tekst]: T. 9 / I. S. Turgenev. – M.: Nauka, 1985.

Reference List

1. Annenkov P. V. Notes about the Russian literature of last year / Unsigned//the Contemporary, 1849. – № 1.
2. Annenkov P. V. Literary memoirs. – M., 1960.
3. I. A. Goncharov in memoirs of contemporaries. – L., 1969.
4. Goncharov I. A. Unusual history: (True events) / foreword, text and comments by N. F. Budanova // I. A. Goncharov. New materials and researches. Literary heritage. – V. 102. – M., 2000.
5. Goncharov I. A. Selected works. In 8 volumes. – M., 1952–1955. – V. 8.
6. Dostoevsky F. M. Complete collection of works in 30 volumes. – L., 1972–1988. – V. 28. – Prince 1.
7. Melnik V. I. I. A. Goncharov and F. M. Dostoevsky // the Bulletin of Slavic cultures. – M., 2010. – № 1. – P. 51–63.
8. Melnik V. I. I. A. Goncharov and Orthodoxy. Inner world of the writer. – M., 2008.
9. Timashova O. V. P. V. Annenkov about A. F. Pisemsky's creativity: criticism subject, evolution of estimates, genre gradation // News of Saratov university. New series. Philology series. Journalism, 2014. – V. 14. – Issue 3. – P. 76–80.
10. Tolstoy L. N. To the 120 anniversary since the birth (1828–1948). Book II. – M.: State Literary Museum, 1948.
11. Works of the USSR Public library named after V. I. Lenin: V. III. – 1934.
12. Turgenev I. S. Collection of works and letters. In 30 volumes. Letters.: V. 9 / I. S. Turgenev. – M.: Nauka, 1985.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.09.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

М. Г. Ваняшова

**Пьеро, мечтавший стать Арлекином:
ранний Мейерхольд на подмостках театра, поэзии и истории**

В центре статьи – «Пьеро, мечтавший стать Арлекином» – гипотетический сюжет о «фикошетном» романе молодого актера и режиссера Всеволода Мейерхольда на подмостках театра, поэзии и истории в период его первых лет службы в МХТ, 1900–1902–1904 гг., времени его самоопределения в искусстве. Это начало пути Мейерхольда к его новым творческим прорывам. Именно в этот период Мейерхольд переживает воображаемый им, вымышленный «театральный роман» с той, которая не подозревает о его чувстве, – как самый реальный и самый пронзительный жизненный сюжет. Именно в этот период вызывает его творческий раскол и разрыв с его великими учителями – Станиславским и Немировичем-Данченко. И это время необычайно тесно связывает Мейерхольда и Антона Павловича Чехова, который становится духовным наставником Мейерхольда.

Этот период связан с формированием поэтических интересов Мейерхольда, эволюцией его поэтических приоритетов, сопряжением поэзии и режиссерского творчества, поэзии и театра в его эстетических исканиях, что до сего времени не являлось предметом рассмотрения исследователей. В предлагаемой статье автор предпринимает предварительную постановку этой проблемы, важной для понимания творческой личности Мейерхольда – актера, режиссера, интерпретатора художественных текстов в кризисный период его творчества. От первых «домашних» увлечений поэзией Апухтина, Надсона Мейерхольд движется к пониманию лирики К. Бальмонта, Шарля Бодлера (в переводе Бальмонта), Брюсова, Поля Фора. Новаторскими становятся в начале века пластические изломы не только в живописи, но и в новых театральных формах, в стиле и архитектонике произведений искусства и литературы, в прерывной, ломаной прозе, в практике стиха, в стихотворной строфике. Так заявляла о себе прерывность и дискретность вступающего в силу катастрофического XX века. Впереди – (этим проблемам будет посвящена вторая часть работы) поэтический ренессанс Серебряного века – творческие встречи и преломления Мейерхольда с музыкой Глазунова, Скрябина, Шостаковича, живописью Головина и Судейкина, произведениями Федора Сологуба, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Михаила Кузмина, Николая Гумилева, Бориса Пастернака, Владимира Маяковского, поэтов широкого модернистского круга – символистов, футуристов, акмеистов, театральных живописцев, композиторов, оказавших влияние на театральное творчество Мейерхольда.

Ключевые слова: МХТ, Станиславский, Немирович-Данченко, Чехов, Мейерхольд, Мария Андреева, формирование поэтических интересов, эволюция поэтических приоритетов, сопряжение поэзии и театра, изломы пластических форм, прерывность, самоопределение в искусстве, Бальмонт, Бодлер, Брюсов, значение эпитета «бледный».

M. G. Vanyashova

**Pierrot Dreaming to Become the Harlequin:
Young Meyerhold on a stage of theater, poetry and history**

The heart of the article, «Pierrot dreaming to become the Harlequin», is a hypothetical plot about the «rebounding» novel by young actor and director Vsevolod Meyerhold on a stage of theater, poetry and history during his first years of service in Moscow Art Theatre, 1900–1902–1904, time of his self-determination in art. This was the beginning of Meyerhold's way to his new creative breaks. During this period Meyerhold endures, imagined by himself, the «theatrical affair», with the lady who does not know about his feeling, – as the most real and most shrill vital plot. During this period his creative split and a gap with his great teachers – Stanislavsky and Nemirovich-Danchenko is growing ripe. And this period connects extraordinarily closely Meyerhold and Anton Pavlovich Chekhov who becomes the spiritual mentor of Meyerhold.

This period is connected with formation of Meyerhold's poetic interests, evolution of his poetic priorities, conjugation of poetry and director's creativity, poetry and theater in its aesthetic searches, that was not till this moment a subject of reviewing by researchers. In the offered article the author undertakes preliminary setting of this problem important for understanding of the creative person of Meyerhold – the actor, director, interpreter of artistic texts during the crisis period of his creativity. From the first «house» interest in Apukhtin and Nadson's poetry, Meyerhold moves to understand lyrics of K. Balmont, Charles Baudelaire (in Balmont's translation), Bryusov, Paul Faure. In the beginning of the century plastic fractures are innovative not only in painting, but also in new theatrical forms, in style and architectonics of works of art and literatures, in broken prose, in practice of a verse, in poetic strophics. So discontinuity and discretization of the becoming effective disastrous 20th century declared. Ahead – (to these problems the second part of the work will be devoted) there is the poetic Renaissance of the Silver Age – creative meetings and Meyerhold's refractions with Glazunov, Scriabin, Shostakovich's music, Golovin and Sudeykin's painting, Fiodor Sologub, Andrey Bely, Vyacheslav Ivanov, Mikhail Kuzmin, Nikolai Gumiliov, Boris Pasternak, Vladimir Mayakovsky's works, poets of a wide modernist range – the symbolists, futurists, acmeists, theatrical painters, composers who influenced Meyerhold's theatrical creativity.

Keywords: Moscow Art Theatre, Stanislavsky, Nemirovich-Danchenko, Chekhov, Meyerhold, Maria Andreeva, formation of poetic interests, evolution of poetic priorities, interface of poetry and theater, breaks of plastic forms, discontinuity, self-determination in art, Balmont, Baudelaire, Bryusov, meaning of an epithet «pale».

**«Этот образ – в созвучии странном
с душою моею...»**

«Чутким душам – благодарный актер». Такую надпись сделал Всеволод Мейерхольд 31 марта 1900 года на фотографии, где он запечатлен в роли Константина Треплева в «Чайке». Рядом с Мейерхольдом – Василий Васильевич Лужский, актер, один из основателей Художественного театра, игравший в «Чайке» роль Сорина. По признанию Чехова, Лужский играл роль Сорина сильно, «как крупный артист и художник».

До настоящего времени это фото не являлось предметом рассмотрения исследователей. Снимок сопровождается двумя дарственными надписями Мейерхольда – без упоминания адресатов. Фото находится в личном архиве, в фонде Мейерхольда, в РГАЛИ, и опубликовано без комментариев и расшифровки. Особого внимания заслуживает вторая дарственная надпись – стихотворная. Из-за ограниченного места для надписи она размещена вертикально, с правого края снимка. Мейерхольд вписывает сюда две последние строфы из только что появившегося в печати стихотворения раннего Бальмонта «Отцвели». «Отцвели» – отчетливая отсылка поэта к известному романсу «Отцвели уж давно хризантемы в саду, но любовь все жива в моем сердце больном...»

«...О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смею,

Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю с безупречною нежностью друга и брата,

Как звезду отдаленная любит звезда,

Как цветок, что еще не растратил в душе аромата,

Я с тобой – я люблю – я с тобой – разлучен – навсегда». (Бальмонт)¹

[2, с. 78–79]

Первые строфы стихотворения с сегодняшней точки зрения представляют набор декадентских образов – душа как бездна, в которой развалины дремлют, звуки и отзвуки, сновиденья, мертвенный цвет, немеркнувший лик – все это довольно шаблонно и почти пародийно. Подобные строки и строфы и в те времена стоили не столь дорого, рождая лишь иронию, вызванную мелодраматическими штампами: *безупречная нежность, люблю, как звезду..., как цветок, аромат* – сплошные сантиты.

Однако «нежность брата» отсылает нас к «Гамлету» Шекспира. «Тебя любил я, как сорок тысяч братьев любить не могут...». Приведем стихотворение Бальмонта в его полном виде, выделив курсивом строки, избранные Мейерхольдом.

Отцвели – о, давно! – отцвели орхидеи, мимозы,
Сновиденья нагретых и душиных и влажных теплиц.
И в пространстве, застывшем, как мертвенный
цвет туберозы,

Чуть скользят очертанья поблекших разлюбленных
лиц.

И бледнеют, и тонут в душе, где развалины дрем-
лют,

В этой бездне, где много, где все пробегает на миг,
В переходах, где звукам их отзвуки, вторя, не внем-
лют,

Где один для меня сохранился немеркнувший лик.

Этот образ – в созвучии странном с душою моею,

В этом лике мы оба с тобою узнаем себя,

О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не
смею,

Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю с безупречною нежностью духа и брата,

Я люблю, как звезду отдаленная любит звезда,

Как цветок, что еще не растратил в душе аро-
мата,

Я с тобой – я люблю – я с тобой – разлучен –
навсегда.

[2, с. 78–79]

Особенно резко, выделяясь из всего стихотворения, звучит последняя строка, необычная по ритмическим перебивкам, парадоксально и внезапно меняющая смысл стихотворения всего двумя последними словами. Строка бьет короткими, как выстрелы, тире. Вначале как будто автор не сомневается во взаимности чувства («Я с тобой – я люблю – я с тобой...»), на деле – лирический герой полон отчаяния, перед нами безнадежный образ разлуки. Четыре резких тире – прерывистые, как сбившееся дыхание, обжигают невыразимым отчаянием. Вся надпись на фотографии с Мейерхольдом – Трепловым сделана ради этой последней строки.

Я с тобой – я люблю – я с тобой – разлучен –
навсегда.

Мажорное «Я с тобой! (дважды повторенное) я – люблю – я с тобой!» И тут же, одновременно – следом за ликующими (как будто) восклицаниями, внезапный обрыв, резкое осознание обреченности чувства – «...разлучен – навсегда». Заклинание и молитва во имя любви. Осознание ее безвозвратности. Стихотворение несло близкие Мейерхольду автобиографические отсветы. «Поблекшие», «разлюбленные лица», опустошенная душа, превратившаяся в «развалины». И, вопреки всему, «немеркнувший лик» любви.

Ломанные линии, обрывы, прерывность, нарушение привычной мелодики и графики стиха – свидетельство смены эстетических ориентиров в искусстве. Деформированная пластика в начале XX века становится почти сакральной.

Маяковский: «В мутной передней долго не влезет сломанная дрожью рука в рукав...» «Выбегу, тело в улицу брошу я, Дикий, обезумлюсь, отчаяньем иссечась. Не надо этого, дорогая, хорошая...» («Пиличка!»)

Ахматова: «Как забуду? Он вышел, шатаясь, Искривился мучительно рот...»

Есенин: «Это ничего, что много мук приносят изломанные и лживые жесты...»

Иронико-пародийный, со всеми штампами – образ *синема* того времени, с заламыванием рук и прочими декадентскими изломами, которые высмеивал изящно ядовитый пересмешник Осип Мандельштам, возникнет в его стихотворении «Кинематограф» (1913)

*...Не удержат любви полета:
Она ни в чем не виновата!
Самоотверженно, как брата,
Любила лейтенанта флота.
А он скитается в пустыне —
Седого графа сын побочный.
Так начинается лубочный
Роман красавицы графини.
И в исступленьи, как гитана,
Она заламывает руки.
Разлука. Бешеные звуки
Затравленного фортепьяно...*

Мейерхольду в 1900 году эти строки еще неведомы, и его «роман» – изначально обреченный и безнадежный, сочиненный им в воображении, стороннему взгляду и сегодня может показаться таким же «лубочным», герой – «побочным», как бы серьезны и глубоки, самоубийственны, в прямом смысле слова, ни были чувства любящего.

«Жестикаляция – не совсем подходящее слово для этой молниеносной быстроты движений, сменявших одно другое, как в фильме, искусственно ускоренном перепившимся механиком. Точно демонстрируя на собственном примере возможности новой динамики, Маринетти двоился, выбрасывая в стороны руки, ноги, ударяя головой, сверкая белками, скаля зубы, глотая воду стакан за стаканом, не останавливаясь ни на секунду, чтобы перевести дыхание», – так описывает Бенедикт Лившиц в своей книге «Полутораглазый стреплец» выступление итальянского футуриста Маринетти. [Лившиц 1989: 476]. Если заменить в этом фрагменте фамилию *Маринетти* на *Мейерхольд*, то мы увидим почти точно совпадающее во всем знаменитое портретное изображение Мейерхольда, выполненное художником Борисом Григорьевым².

Портрет Мейерхольда кисти Бориса Григорьева впервые появился на выставке «Мира искусства» в конце 1916 года, менее чем за год до Ок-

тябрьской революции. Современники считали это произведение двойным портретом Мейерхольда. Художник работал над портретом в самый разгар репетиций «Маскарада», спектакля, названного Ахматовой в «Поэме без героя» «кроваво-красным карнавалом» эпохи с его трагической метафорической превратности бытия.

Борис Григорьев написал Мейерхольда в облике уайльдовского героя, вписанного в 1916 год, под впечатлением только что вышедшей на экраны синематографа киноленты «Дориан Грей». На фоне контрастно и траурно сопряженных – красного и черного цветов фона, возникает сочетание, дающее ощущение жертвенности героя. Свидетельством тому – излом красного пылающего фона, образ безудержной стихии. Мейерхольд инстинктивно пытается защититься, обороняется от невидимой угрозы, которую он прозревает своим внутренним зрением. Рядом с фигурой Мейерхольда зеркально возникает его двойник – янычар (профиль-маска которого дана и на рукаве Мейерхольда), целящийся из лука в небеса, а по смыслу – в героя картины. Суть гения Григорьева в провидческом решении полотна – режиссер вскоре станет жертвой революционной стихии, олицетворенной в облике его двойника – сильного, непреклонного Янычара. Художник создает на полотне пронзительную трагедию художника внутри революционной стихии, которую он предвидит.

Борис Григорьев дает поистине фантастические трагедийно-эксцентрические изломы пластики Мейерхольда, свойственные и ему самому, и его сценическим персонажам.

Новаторской становится «изломанность жестов» не только в живописи, но и в новых театральных формах, в прерывной, ломаной прозе, в практике стиха, в стихотворной строфике, с ломаными линиями, рифмами лесенкой, в практике. Так заявляла о себе прерывность и дискретность вступающего в силу катастрофического XX века.

Разрывы ритма внутри строки и строфы стихотворения Бальмонта, приведенные Мейерхольдом в самом начале века, в 1900 году, были свидетельством ломающегося, катастрофического времени. Безжалостные телеграфные тире рвали привычную кантиленность предыдущих строк. Мажорное «Я с тобой! (дважды повторенное) – я – люблю – я с тобой!» И тут же, одновременно – следом за ликующими (как будто) восклицаниями, внезапный обрыв, резкое осознание обреченности чувства – «...разлучен – навсегда». Заклинание и молитва во имя любви. И осознание ее безвозвратности.

Формирование поэтических интересов Мейерхольда, эволюция поэтических приоритетов, со-

пряжение поэзии и режиссерского творчества, поэзии и театра в его эстетике – до сего времени не являлось предметом рассмотрения исследователей. В предлагаемой статье дается попытка обозначить постановку этой проблемы, важной для понимания творческой личности Мейерхольда – актера, режиссера, интерпретатора художественных текстов.

Самым популярным поэтом в семье Мейерхольдов (и юного Всеволода тоже), как и у читателей – конца 90-х гг. был Апухтин (романсы на стихи которого любили исполнять на домашних вечерах). Кроме Апухтина, – Семен Надсон, вслед за Надсоном возникает интерес к творчеству завоевавшего популярность в начале 20 века творчеству Константина Бальмонта. Приоритетными для Мейерхольда в лирике оказываются надсоновские и бальмонтовские поэтические мотивы. Еще не пришло время Блока и мейерхольдовского «Балаганчика» (1906), Брюсова, Сологуба, Андрея Белого, Ахматовой, Михаила Кузмина, Николая Гумилева, Бориса Пастернака, Владимира Маяковского, поэтов широкого модернистского круга – символистов, футуристов, акмеистов.

К 1900 году Мейерхольд уже два года как женат на Ольге Мунт, своей землячке по Пензе, племяннице пензенского предводителя дворянства Панчулидзева. Венчание с Ольгой состоялось весной 1896 года в Пензе. Жизнь окончательно наладилась, когда Мейерхольд получил актерское образование в Филармоническом училище в Москве (руководитель курса Вл. Ив. Немирович-Данченко), когда Станиславский и Немирович открыли Московский Художественный Театр. Мейерхольда взяли в труппу с окладом 115 рублей в месяц, Екатерине, сестре Ольги Мунт, учившейся вместе с Всеволодом, положили 60 рублей. Ольге Мунт предложили работу в «конторе» (администрации) театра, с жалованием в 30 рублей. Жили вчетвером, к этому времени у молодых супругов родилась дочь Мария.

Надпись Мейерхольда на фотографии обращена не к Ольге Мунт. Он всецело находится в тисках нового чувства. Обуреваемый им, актер, поэт, художник – то оставляет семью, то вновь возвращается к ней.... Не было сомнений, что Мейерхольд адресовал эту фотографию той, которую безоглядно полюбил и с которой был разлучен обстоятельствами жизни. Посылая стихи Бальмонта, Мейерхольд ничем не рисковал, не выдавал свои чувства, ведь стихотворные строки целиком и полностью совпадали с судьбой изображенного на фотографии героя чеховской пьесы «Чайка» Константина Треплева. Это ей он надписал: «Чутким душам...», не желая обозначить ее имя,

дабы ненароком не бросить на него тень... Это ей послал портрет своего Треплева и две строфы из стихотворения Константина Бальмонта. И, подобно Треплеву, он, как и чеховский герой, находился на пороге жизни и смерти.

Личные переживания перекликались с образом Треплева, интенциями, обращенными к Нине Заречной. Именно образ Треплева и треплевские смыслы были «в созвучии странном» с душой Мейерхольда. Но кого же полюбил Всеволод Мейерхольд «с безупречною нежностью друга (духа!) и брата» весной 1900 года? Попытаемся высказать гипотетическое предположение и увидеть адресата фотографии.

Почти каждый вечер, «в час назначенный», Мейерхольд появляется с Ней на одной сцене, выходя в ролях Треплева и Тузенбаха в чеховских пьесах, Иоганнеса Фокерата в «Одиноких» Гауптмана, Принца Арагонского в «Венецианском купце», Мальволио в «Двенадцатой ночи» Шекспира и других ролях. Он и в жизни становился Треплевым, Гансом-Иоганнесом, Тузенбахом, отвергнутым, неловким и комически-несуразным Принцем. Треплев стрелялся от отчаяния и пустого пространства безнадежной любви, убитого барона Тузенбаха проносили на носилках вдоль авансцены. В «Одиноких» «роковое» озеро Гауптмана, еще более роковое, нежели в чеховской «Чайке», на берегу которого разыгрываются самые драматические сцены пьесы, уносит Иоганнеса в бездну смерти. Принц Арагонский в «Венецианском купце» – роль, которую Станиславский принял сверхдоброжелательно (Мейерхольд был блистателен в своей буффонаде, играя Принца, пылающего «испанской» страстью).

Нину Заречную в «Чайке» во время крымских гастролей Московского Художественного Общедоступного театра 1901 года (в Севастополе и Ялте), играла Мария Андреева, Ирину – возлюбленную и невесту Тузенбаха в «Трех сестрах» играла Андреева, Кэте, героиню в «Одиноких» Гауптмана, где кончал жизнь самоубийством Иоганнес Фокерат, играла Андреева, насмешливую Порцию в «Венецианском купце» играла Андреева. Из вечера в вечер в жизни актера Мейерхольда повторялся в разных вариантах один и тот же сюжет («Я с тобой – разлучен навсегда»).... Стрелялся Треплев, предчувствовал свою раннюю смерть Тузенбах, погибал в водах озера Иоганнес, изгоняли из окружения Порции Арагонского принца. Его жизнь казалась ему сплошной мукой, нередко он был на грани самоубийства, и все сильнее росло и разгоралось его чувство к ней.....

В начале апреля 1900 года Московский Художественно-общедоступный театр едет в Крым, в

Ялту, показать Антону Павловичу Чехову две его пьесы – «Чайку» и «Дядю Ваню», которые он не видел. В Севастополе, по пути в Ялту, театр дает несколько представлений. Молодая труппа жила атмосферой праздника. Чехов приехал в Севастополь навстречу театру, хотя его уговаривали не рисковать здоровьем и дожидаться приезда театра в Ялту.

«Сердце забилося – батюшки! – вспоминала М. Ф. Андреева. – И Чехов и Горький. Встала навстречу. Вошел Антон Павлович – я его давно знала, еще до того как стала актрисой, – за ним высокая тонкая фигура в летней русской рубашке; волосы длинные, прямые, усы большие и рыжие. Неужели это Горький? <...> Вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза. Губы тронулись нежной детской улыбкой, показалось мне его лицо красивее красивого, и радостью екнуло сердце... Мы почти все, огромное большинство труппы, сразу влюбились в Горького...» [1, с. 154]

Апрель 1900 в Крыму – начало романа Марии Федоровны Андреевой и Горького, романа, который его герои не скрывают. Мейерхольд в своем чувстве признаться не смел никому, его избранница даже не подозревала о его одержимости, он был обречен на безответность. Только однажды, единственный раз, он осмелился написать и послать Андреевой посвященное ей стихотворение, всего несколько строк...

12 мая 1901 года Мейерхольд посылает Андреевой сочиненную им короткую стихотворную зарисовку, проникнутую столь насыщенным и чистым лиризмом, какой не может быть случайным или дежурно-тривиальным, он запечатлевает это стихотворное послание актрисе на страницах своего дневника.

М. Ф. Андреевой (на репетиции)

*Когда кругом нестрят безвкусовые наряды,
Твоя одежда – нежной белизны...
Когда глаза других горят греховным блеском,
В твоих – лазурь морской волны... [11, с. 219]*

Итак, актриса Московского Художественного театра Мария Федоровна Андреева! По Мейерхольду, она воплощала собой ангельское начало жизни. Он видит в ней чистоту, целомудрие и невинность. «Греховного блеска» в глазах Марии Федоровны Мейерхольд не замечает.

«Взбитые сливки» – такой увидел Марию Федоровну Андрееву другой поэт, акварельный, насмешливый, ироничный Саша Черный, посвятивший актрисе свою «Почтительную акварель». В стихотворении Саши Черного, написанного по впечатлениям от пребывания у Горького на Капри (1912). Мария Федоровна Андреева – «насмешливая мадонна», ирония поэта сочетается с нежной

влюбленностью – она сама для него – взбитые нежные сливки, в его «поэтической акварели» все исполнено улыбочивой иронии, и **сонно-благодарные** движения мадонны, и даже зависть к собачкам («**Зачем и я, мол, не с хвостом?**»), которых она гладит «взыскательным перстом».

Марии Федоровне. Почтительная акварель

*Из взбитых сливок нежный шарф...
Движенья сонно-благодарны,
Глаза насмешливой мадонны
И голос мягче эха арф.*

*Когда взыскательным перстом
Она, склонясь, собачек гладит,
Невольно зависть в грудь засядет:
Зачем и я, мол, не с хвостом?*

*Ей-богу, даже вурдалак
Смягчился б сердцем, если б в лодке
Услышал голос кроткий-кроткий:
«Алеша, ты б надел пиджак...»³*

*Имел бы я такую мать,
Сестру, свекровь иль даже тетку,
Я б надевал, влезая в лодку,
Под шубу пиджаков штук с пять! <...>*

*Сей хлопотливейшей из Марф⁴
Поэт заржавленный и тонкий,
Подносит днесь сии стишонки,
Косясь на строгий белый шарф.*

[15, с. 11]

Там, где другие виршеплеты сочинили бы десяток беспощадных и насмешливых эпиграмм, у Мейерхольда – абсолютная нежность интонации, ни грама иронии, ни нотки насмешливости, только белизна, чистота, белое на голубом. Звнящее искренностью чувство. И лазурь, безмятежная и спокойная.

Можно предположить, что Мейерхольд переживает воображаемый им, вымышленный «театральный роман» как самый реальный и самый пронзительный жизненный сюжет. В драме, происходящей с ним самим, в качестве... кого? Явно, не главного героя. Мейерхольд никогда не был героем-любовником, у него было редкое амплуа – неврастеник. Герой страдающий, всегда отброшенный силой обстоятельств в тень кулис.

Это был роман, не замеченный в театре почти никем, кроме разве пронизательного и циничного Леонида Красина (заметившего, между прочим, что некий актер по фамилии Мейерхольд, «врезался в Андрееву по уши», потешался над тем, что актер «накропал глупые стишки» – и не придавший этому ровным счетом никакого значения.

М. Г. Ваняшова

Красина интересовала только Андреева, а не Мейерхольд!

Роман можно назвать рикошетным — наш несчастливец жил лишь отсветами множественных увлечений и пристрастий актрисы. Для Андреевой Мейерхольд был исключительно партнером по сцене, всего лишь начинающим актером, подающим некоторые надежды. Он знал, что Мария Федоровна увлечена совсем не им, с его «топорным лицом» (как она напишет позднее), не им — худым, угловатым неврастеником с изломанными жестами, а другими. Он жил ее сюжетами, лицезрел ее романы, не сценические, но реальные, разыгрывавшиеся прямо на его глазах, переживая приступы ревности и неистовой боли. Его сценические создания зеркально отражались в его судьбе.

Мейерхольд был «филармонист» (окончивший Филармоническое училище), Андреева (это ее сценический псевдоним, фамилия по мужу — Желябужская) принадлежала к группе любителей из «Общества Искусства и Литературы». Процесс слияния в МХТ этих двух достаточно разнородных групп был сложным и трудным, пока не завершился реорганизацией театра в 1902 году, уходом Мейерхольда и части актеров из МХТ в том же году, а в 1904-м — уходом Андреевой.

Рыцари Марии Федоровны находились в лучах либо богатства (Савва Морозов), либо творческой славы (Горький), либо родственных политических взглядов (Красин, смеявшийся над стихотворением Мейерхольда и его «лазурью»). Мейерхольд не обладал ни одним из этих слагаемых. У него не было ни богатства, ни славы, он не был профессиональным революционером. Он продолжал любить, обожать, боготворить. И был, безусловно, потрясен ее поступками. Роман с Морозовым и Горьким возникает на его глазах, не скрытый ни от кого. Андреева разводится с мужем, действительным статским советником Желябужским. Она становится гражданской женой Горького. Но Горький совсем не торопится расставаться с семьей и с маленьким Максимом. Андреева одновременно заигрывает с Саввой Морозовым. Она живет в квартире Горького и интригует Морозова. Это причиняет боль и Горькому, и теневой, рикошетной фигуре — Пьеро-Мейерхольда с его страстью! Он очень хочет одолеть свое чувство, понимая, что, если отдаться страсти, то можно погубить себя безвозвратно.

История в чеховском духе. Сюжет для небольшого рассказа. Молодой человек полюбил девушку... Был нежен, трепетен, очень нервен. Не любил охоты, не подстреливал чаек, никого не губил. Надежда и безнадежность, — невозможное соче-

тание. До своего смертельного выстрела надеялся на ответные чувства Нины Константин Треплев. Жизнь вершилась на его глазах, его возлюбленная создавала роман за романом с другими избранниками. В отношении к нему ничего не менялось, да и вряд ли могло измениться. Его избранница даже не подозревала о его чувствах. И тогда, когда получала от него стихи. Она избалована и стихами, и подарками, и подношениями. Кому он мог излить свое горе? Только своему кумиру, Антону Павловичу Чехову. И только между строчками. Его горе живет только в подтекстах.

Он пишет в этот период Чехову о тяжком бремени внутренних противоречий, которые он больше не в силах выносить: «Мне будущее не страшно, лишь бы скорее конец, какой-нибудь конец...» [10, с. 59].

«Какие-то страшные мысли от тоски, от скуки наполняют мой мозг. Хожу, как угорелый, как будто что-то ищущий. <...> У меня как будто две жизни — одна действительная, другая мечтательная. Последней я, конечно, отдаюсь больше, чем первой, так как в первой, окружающей меня, слишком, слишком мало утешительного, слишком мало того, что нахожу я в жизни мечтательной» [10, с. 89].

«Вчера вечером, когда лёг спать и потушил свечу, чувствовал сильную ноющую боль в голове, сердце замирало, как бывает при катании на качелях, и я боялся, что сойду с ума, боялся, что вскрикну. Если бы я вскрикнул, сошел бы с ума, наверное» [9, с. 176]. Этот склад психики, состояние нервной системы художника похоже на то внутреннее кризисное состояние, которое дал Александр Блок в статье «Ирония». Причины внутреннего кризиса не только невозможности самореализации:

«Я раздражителен, придирчив, подозрителен, и все считают меня неприятным человеком. А я страдаю и думаю о самоубийстве. Пускай меня все презирают. Мне дорог завет Ницше «Wer-de der du bist»⁵. Я открыто говорю все, что думаю. Ненавижу ложь не с точки зрения общепринятой морали (она сама построена на лжи), а как человек, который стремится к очищению своей собственной личности» [8, с. 60].

«... Я часто страдаю, зная, что я не то, чем должен быть. Я часто в разладе со средой, в разладе с самим собой. Постоянно сомневаюсь, люблю жизнь, но бегу от нее. Презираю свое слабование и хочу силы, ищущий труда... Хочется кипеть, бурлить, чтобы создавать, не только разрушать, создавать разрушая. Теперь кризис. Самый опасный момент. И остро развитое сознание, сомнения, колебания, самоанализ, критика окружающего,

увлечения доктринами – все это не должно быть целью, только средством. Все это для чего-то другого» [8, с. 77].

Чехов советовал Мейерхольду не быть неврастеником в роли нервного героя. «Теперь о нервно-ности – пишет Чехов, – не следует подчеркивать нервно-ности, чтобы невропатологическая натура не заслонила, не поработила того, что важнее: одино-кости, той самой одинокости, которую испытыва-ют только высокие, притом здоровые “в высшем значении”, организации».

Чехов хочет создать противовес влиянию Ста-ниславского.

«Я знаю, Константин Сергеевич будет настаи-вать на этой излишней нервно-ности, он отнесется к ней преувеличенно, но вы не уступайте; красота-ми и силою голоса и речи не жертвуйте такой ме-лочью, как акцент, не жертвуйте, ибо раздражение, в самом деле, есть только деталь и мелочь» [12, с. 274–275]. Влияние Станиславского оказалось сильнее. Мейерхольд сыграл роль Иоганнеса Фо-керата с преувеличением невропатологических свойств натуры.

А. П. Чехов – О. Л. Книппер 2 янв. 1900 [Ялта]

«...Я Мейерхольду писал и убеждал в письме не быть резким в изображении нервного человека. Ведь громадное большинство людей нервно, большинство страдает, меньшинство чувствует острую боль, но где – на улицах и в домах – Вы видите мечущихся, скачущих, хватающих себя за голову? Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, то есть не ногами и не ру-ками, а тоном, взглядом; не жестикуляцией, а гра-цией. Тонкие душевные движения, присущие ин-теллигентным людям, и внешним образом нужно выражать тонко. Вы скажете: условия сцены. Ни-какие условия не допускают лжи» [13, с. 137].

«...Хочется кипеть, бурлить, чтобы создавать, не только разрушать, создавать, разрушая. Теперь кризис. Самый опасный момент. И остро развитое сознание, сомнения, колебания... Страдал и стра-даю. Все, на что только намекнул в письме, конеч-но, помогало моему творчеству.

Мое творчество – отпечаток смуты современ-ности. Впереди новое творчество, потому что но-вая жизнь. Меня уже захватила новая волна...» [6, с. 51].

«Как мало прожито, как много пережито!..» – начинает Мейерхольд свое письмо А. Н. Тихоно-ву-Сереброву от 28 ноября 1901 г. [48]. Он цити-рует Надсона, мотивы стихотворения которого совпадают с его мироощущением.

*Завеса сброшена: ни новых увлечений,
Ни тайн заманчивых, ни счастья впереди,
Покой оправданных и сбывшихся сомнений,
Мгла безнадежности в измученной груди...
Как мало прожито – как много пережито!
Надежды светлые, и юность, и любовь...
И все оплакано... осмеяно... забыто,
Погребено – и не воскреснет вновь!* [9, с. 68]

Надсон насквозь риторичен, но близок Мейер-хольду беспощадными диагнозами любви-обмана, мишуры, маски, лживости, румян, любви – не храма истины, о котором он мечтал, а кошмара и похмелья.

«Бледный Мейерхольд». Еще одна надпись на театральной фотографии

Через три года снова гастроли в Крыму, снова Севастополь. Мейерхольд дарит Чехову свою фо-тографию, где он – в любимой им роли Треплева в «Чайке». Надпись на фото: «Бледный Мейерхо-льд – своему богу. Севастополь, знойные дни 1903».

«Молодой актер, сыгравший Треплева в «Чай-ке», постепенно и неотвратно становился Треп-левым в жизни. Он готов был уже воскликнуть: «Нужны новые формы...». «Он их предчувство-вал...», – пронизательно и весьма лаконично, не развивая эту тему, замечает Константин Рудниц-кий [11, с. 24–25]. Мейерхольд даже писал как Треплев. И стиль у него был треплевский и чехов-ский одновременно.

Писать и говорить о личном он мог только с одним человеком – с Антоном Павловичем Чехо-вым. В мае этого же года Мейерхольд пишет Че-хову в Ялту:

«Жизнь моя представляется мне продолжи-тельным мучительным кризисом какой-то страш-ной затяжной болезни. И я только жду и жду, ко-гда этот кризис разрешится, так или иначе... Мне кажется, будто что-то стоит за дверью и ждет сво-его часа, чтобы войти и перевернуть всю мою жизнь. **Я бледнею с каждым днем все больше и больше, и жду, жду, жду...**» (курсив автора ста-тьи) [9, с. 218]. Бледный – это Треплев с его ли-тературными штампами. «Бледное лицо, обрам-ленное темными волосами...». «Афиша на заборе гласила...». Эпитет «Бледный» – уже был общим местом, шаблоном, многократно осмеянным Ва-лерием Брюсовым. Стихотворение «Юному по-эту» (1896) «**Юноша бледный, со взором горя-щим...**» явно было обращено к еще неизвестно-му публике Треплеву и к таким юношам, как Треплев. Строчки были на устах у всех, имеющих хоть какое-то отношение к искусству и поэзии!

*Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.
Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставляю поэта.*

1896 [5, с. 148]

Брюсов намеренно затемнял смыслы своего стихотворения «Юному поэту», который многие читатели наивно приняли за программу, за эстетический манифест символизма. Брюсов надеялся на понимающего читателя. Заветы «никому не сочувствовать», беспредельно полюбить только самого себя, находиться выше презренной и тупой толпы – отрешиться от живой жизни, безусловно, смущают юного поэта, внутренне оспаривающего позицию автора «манифеста». Брюсов не остановился на ироническом «Юноша бледный...» Он вскоре поразил читающую публику своим парадоксальным одностишием. «**О, закрой свои бледные ноги!**» («а то простудишься», – саркастически замечал в ответ на это одностишие Владимир Соловьев). Когда «лицо» заменяют «ногами», приговор декадентской ментальности вынесен и диагноз поставлен.

Отсюда и возник в надписи на фотографии, адресованной Чехову, иронический «бледный Мейерхольд». Всеволод Эмильевич явно соотносил себя с персонажем брюсовского стихотворения, это он был еще совсем недавно – «юношей бледным со взором горящим». Это его афиши на заборе «гласили», это его «бледное лицо, обрамленное темными волосами», не давало ему покоя, будоража вечным вопросом о штампах, рутине в искусстве, необходимости новых форм и новизны художественных образов. Это ему следовало бы закрыть **и бледное лицо, и бледные ноги...**

В дневниках Мейерхольда мы находим попытки заняться литературным творчеством. Как и Треплев, он чувствует себя молодым писателем, пишет прозу, но еще и стихи. Не случайно, вскоре таким близким станет ему «Балаганчик» Блока, где сильный Арлекин украдет у Пьеро его Коломбину. Коломбина окажется **бледной картонной** невестой, однако, **бледной**, как сама Смерть... И Пьеро закричит, обращаясь к публике: «Помогите! Истекаю я клюквенным соком!» – и это будет куда острее и пронзительнее воздействовать на публику, нежели бы герой истекал кровью... «Лицо

дневное Арлекина еще **бледней**, чем лик Пьеро...» (Александр Блок «Балаган»).

Мейерхольд, интересующийся Ростаном, был бы идеальным исполнителем роли Сирано де Бержерака. Но Сирано вряд ли занимал его воображение. Сирано – герой парадокса. Забияка, бретер, дуэлянт, задира в невероятных поединках, и – вариант все того же Пьеро в отношениях с любимой женщиной – невероятно робкий, безвольный, несмелый перед Роксаной, которой не смел сказать ни слова о своем чувстве и жертвенно отдавал свою поэтическую лиру простоватому мужлану, не чувствующему поэзию. Мейерхольд не хотел играть очередного жертвенного героя. Он не был дуэлянтом, но оставался Пьеро. Его очень задела одноактная комедия Ростана «Пьеро плачущий и Пьеро смеющийся» или «Два Пьеро, или Белый ужин», слишком короткая для постановки в театре, написанная «эйфорическими» стихами и переведенная Татьяной Львовной Щепкиной-Куперник. Мейерхольд переписывает эту пьесу в свою тетрадь. Он спрашивает своих друзей об этой пьесе Ростана, находя свое внутреннее соответствие двум разным Пьеро...

Разбитый колокол. «Цветы зла» Бодлера и «Песенки» Поль фора

Новым открытием в поэзии становится для Мейерхольда Шарль Бодлер с его сборником «Цветы зла». Мейерхольд оставляет увлечение Надсоном. В стихотворениях Бодлера не было привычной риторической проповеди, возникало то, что в отечественной лирике, в поэзии доселе не встречалось – бесстыдная чувственность. Герой от обожествления переходил к презрению и отторжению той, которую бесконечно любил, это порождало в нем убеждение в том, что и воплощение зла – может служить почвой для творчества (в своеобразном, «перевернутом» облике). К новым формам в искусстве Мейерхольд шел через преодоление огромной внутренней боли. В парадоксах Бодлера он находил некое исцеление.

Заметим, что Бодлер не пользовался в России конца XIX века ни известностью, ни популярностью. «Цветы зла» были запрещены к печати. Но русские символисты – Вяч. Иванов, Ин. Анненский, Брюсов, Бальмонт открывают Бодлера для отечественного читателя как неизвестную планету. Мейерхольда притягивает к себе запрещенный Бодлер, о котором сочувственно написал Горький в статье «Поль Верлен и декаденты». «Бодлер, – писал Горький, – «жил во зле, добро любя», и, наконец, погиб, оставив Франции свои мрачные, ядовитые, звучащие холодным отчаянием стихи, за которые при жизни его называли безумным, а

по смерти называли поэтом» [6, с. 128]. Официальный запрет в России на сборник Бодлера «Цветы зла» был снят в 1906 году.

Делясь впечатлениями от прочитанного, Мейерхольд спрашивает, читал ли Александр Николаевич Тихонов-Серебров из «Цветов зла» «Падаль», «Осеннюю песню», «Разбитый колокол», «Самообман» и «Неизгладимое»? Бодлер притягивает Мейерхольда новой эстетикой – эстетикой безобразного *ad absurdo*. Парадоксально, но она исцеляет и излечивает его, стоит только обратиться Прекрасное в полную его противоположность. Предшественник символизма, сюрреализма, экзистенциализма, Бодлер остро ощущает разорванность идеала и действительности, отвечая на несовершенство мира нарочитым цинизмом, картинной мироздания, где модель мира опрокинута, но идеалы остались не разрушенными. Он сравнивает свою душу с разбитым колоколом.

Под влиянием Бодлера божественная «одежда – нежной белизны», «лазурь морской волны», которой Мейерхольд восторгался совсем недавно в той, кого любил, превращается в «цветы зла». В бодлеровские «цветы зла...» Бодлер опрокидывает самосознание Мейерхольда. Цинизм иронически эстетизируется. В подтексте этой истории живет убеждение в том, что и зло может служить материалом для творчества, если его вывернуть должным образом наизнанку и театрализовать, как Бодлер.

Было ясное утро. Под музыку нежных речей

Шли тропинкою мы; полной грудью дышалось...

Вдруг вы вскрикнули громко: на ложе из жестких камней

Безобразная падаль валялась...

Как бесстыдная женищина, нагло вперед

Обнаженные ноги она выставляла,

Открывая цинично зеленый живот,

И отравой дышать заставляла... [4]

«Падаль» Бодлера становится одним из эстетических манифестов декадентских кругов России на рубеже XX века. «Ты на постель свою весь мир бы привлекла...», – вот что мог бы сказать Пьеро – Мейерхольд той, которую обожествлял. Иначе в его письмах не возникали бы «необычайные события, мучительнейшие волнения, роковые исходы...» – это не о спектаклях, а о жизни, в которой личные события и катастрофы совпадают с общественными потрясениями. «...Волнения, сходы, резолюции... Вот она, бурлящая жизнь, вот ее приливы и отливы!», – пишет Мейерхольд А. Н. Тихову-Сереброву, отмечая необычайную скорость самого времени.

«...Я страшно жил. И думаю, так страшно живет все современное человечество. Да, именно страшно. Разве не страшно – желать, мечтать, создавать для того, чтобы в один злосчастный день все ваше здание рушилось под ударами Судьбы, единственно всемогущей как смерть. Вы нетерпеливо мнете письмо и говорите: «Ну же, факты, факты!...».

Извольте, извольте.

Аркадий Павлович Зонов⁶ сошел с ума. [Он] в палате для душевнобольных. Я навещаю его. Известил родных, но никого еще нет. Он пока на моем попечении [10, с. 53].

...В то самое время, когда Вы с увлечением читали Бодлера, и я увлекался им. До сих пор зачитываюсь им. Оценили ли Вы «Падаль», «Осеннюю песню», «Разбитый колокол», «Самообман» и «Неизгладимое»?»

Мейерхольд ощущает себя одним из проклятых поэтов, столь стремителен его переход от апухтинско-надсоновских мотивов к Бодлеру, к сокрушительно новой эстетике. Разорванность чувств еще сильнее обнажается в его в душе, где есть и порыв к идеалу, и стремление к бездне. Мейерхольд становится необычным Пьеро, в нем уже просыпается и заявляет о себе новый герой, его – еще не сыгранный им Пьеро – уже жаждет стать Арлекином, в нем уже дает знать о себе будущая твердость, непреклонность и жестокость. В нем проглядывалось лицо будущего властелина, диктатора великого государства-театра под названием ГосТИМ, театра имени Всеволода Мейерхольда.

Почему Мейерхольда привлекли странные «песенки» Поль Фора в переводе Бальмонта?

Мейерхольд покидает Московский Художественный театр в 1902 году и начинает поиски новых театральных форм, желая противопоставить их реалистической доктрине Станиславского, предписывающей абсолютное подчинение правилам «четвертой стены». После чрезвычайно резкого письма К. С. Станиславского Марии Федоровне Андреевой, она принимает решение уйти из театра. Она пишет Станиславскому: «Мой бог в моей душе жив, но я не хочу обманывать, я не хочу быть брамином и показывать, что служу моему богу в его храме, когда сознаю, что служу идолу в капище, только лучше и красивее с виду. Внутри него – пусто. И как мне больно было дойти до этого сознания, каково мне было сделать этот решительный шаг – подумайте хоть немного, и Вам, я хочу верить, стыдно станет своих легкомысленных обвинений» [1, с. 259].

Мейерхольд хоронит свою любовь. Не актрису, а свое чувство. Мейерхольд не только расстается с

образом возлюбленной. Он расстается со своей прежней музой. Он убивает себя, прежнего, для себя, нового. Он хоронит свою любовь к Московскому Художественному театру. Слишком велики разногласия – не только с Немировичем-Данченко, но и со Станиславским. В 1902–1904 гг. свои театры оставляют Мейерхольд, Андреева, Комиссаржевская. Все уходы связаны с разными причинами, но главная только одна – **художественная неудовлетворенность, конфликт эстетических систем**, а не театральные интриги, они лишь следствие основного конфликта. Мейерхольд посылает Чехову стихотворение Поля Фора, в котором прочитывается его душевное состояние, его надежды на новую жизнь.

«Если вы видели «Новый путь», последнюю книжку, то, может быть, заметили стихи Поля Фора в переводе Бальмонта? Хочется вам сообщить их, в случае, если пропустили. Хочется возместить бессодержательность моего письма.

*Она умерла, умерла, умерла, от любви умерла
С рассветом ее унесли, и за гробом немногие шли.
Ее схоронили одну, одну, как она умерла,
Ее схоронили одну, как она перед смертью была.*

И с песней вернулись они: «Кому суждено, так умрет».

*И пели, и пели они: «Для каждого есть свой черед».
Она умерла, умерла, она умерла от любви.
Ее унесли, и опять работать, работать пошли...*

[3, с. 14]

В подтексте «песенки» Поля Фора – и трагические коннотации. Мейерхольд отчетливо видел в постановках МХТ (в том числе, и в постановках чеховских пьес, ту самую рутину, которую так яростно ненавидел его Треплев. Но ведь и мягкий, чрезвычайно деликатный Чехов – многое не принимал в постановках своих пьес в МХТ, и в частности, в «Чайке», в «Дяде Ване», в «Вишневом саде».

«Знаете, кто первым зародил во мне сомнения в том, что все пути Художественного театра верны? Антон Павлович Чехов... Его дружба со Станиславским и Немировичем-Данченко вовсе не была такой идиллической и безоблачной, как об этом пишут в отрывных календарях. Он со многим в театре не соглашался, многое прямо критиковал» [6, с. 320].

Мейерхольд шел к созданию нового театра, он открывал в чеховской драме то, что до него не удавалось увидеть никому. Чехов был впереди времени, и Мейерхольд понимал, что драматург обогнал театр, который не в силах его понастоящему понять и воплотить. МХТ не понимал новаторства Чехова в «Вишневом саде». Он писал

Чехову: «Ваша пьеса абстрактна, как симфония Чайковского. И режиссер должен уловить ее слухом прежде всего. В третьем акте на фоне глупого „топотанья“ – вот это „топотанье“ нужно услышать – незаметно для людей входит Ужас: „Вишневый сад продан“. Танцуют. „Продан“. Танцуют. И так до конца.... Зуд какой-то. Веселье, в котором слышны звуки смерти. В этом акте что-то мерлинковское, страшное.

И в драме Западу придется учиться у Вас.

В Художественном театре от третьего акта не остается такого впечатления. Фон мало сгущен и мало отдален вместе с тем. Впереди: история с кием, фокусы. И отдельно. Все это не составляет цепи „топотанья“. А между тем ведь все это „танцы“; люди беспечны и не чувствуют беды. В Художественном театре замедлен слишком темп этого акта. Хотели изобразить скуку. Ошибка. Надо изобразить беспечность. Разница. Беспечность активнее. Тогда трагизм акта сконцентрируется» [10, с. 63].

Вскоре Мейерхольд уезжает в Италию, дабы избыть свой мучительный кризис, от которого спасала только работа. Он словно бежит от самого себя. Впереди театральный роман с Комиссаржевской, именно театральный, личного в нем, быть может совсем немного, только взвинченное, болезненное, острое эхо чувств к Андреевой, которое все еще живет и будоражит кровь. Мейерхольду нужна актриса его театра, которая разделяла бы его эстетику, принадлежа его театру, целиком, без остатка, готовая подчиняться любому режиссерскому порыву, требованию, взгляду. Мягкая, как пластилин, послушная и гибкая, покорная и верная. На первых порах Комиссаржевская и Мейерхольд полны взаимными симпатиями друг к другу. Именно в это время Комиссаржевская достигает успеха в своих изумительно глубоких лирических ролях. Лиричен и Мейерхольд. В нем еще жив романтик и лирик. Он еще не сжег себя ни огнем иронии, ни бодлеровским ядом «Цветов зла». Отсюда и появление новой Норы (в которой он видит по-прежнему Андрееву с ее отбрасыванием всех условностей и приличий) – уже в постановке Мейерхольда с Комиссаржевской, и пути к «Балаганчику», где он все еще видит и чувствует себя Пьеро, тем самым Пьеро, в котором сконцентрировались все его роли – и Треплева, и Тузенбаха, и Иоганнеса, и царя Ивана...

Покинув МХТ, Мейерхольд затеял новое театральное дело, «Товарищество новой драмы», он едет в провинцию, в Херсон, в своем театре он становится теургом, мастером, создателем и руководителем театра. Мейерхольд, наконец, смог почувствовать себя хозяином положения, еще только

начинающим, но уже свободным от чьего-либо диктата.

Главные эстетические перемены в творчестве Мейерхольда еще впереди. Впереди – Пьеро в «Балаганчике» Впереди – театр Комиссаржевской, эпоха Мейерхольда в Александринском театре, превращение Пьеро в Арлекина. Театр РСФСР Первый, ГосТИМ, Оперно-драматическая студия.

Библиографический список

1. Андреева, М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы [Текст] / М. Ф. Андреева. – М.: Искусство, 1967. – С. 154.
2. Бальмонт, К. Собр. соч. в двух томах: Т. 1 [Текст] / К. Бальмонт. – М.: Можайск-Терра, 1994. – С. 78–79.
3. Бальмонт, К. Переводы. Из французской поэзии. Поль Фор. Песенки [Текст] // Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. – М.: Правда, 1990. – С. 14.
4. Бодлер, Ш. Падаль [Электронный ресурс] // Цветы зла / пер. П. Якубовича. – Режим доступа: http://az.lib.ru/j/jakubowich_p_f/text_0060.shtml
5. Брюсов, В. Я. Юному поэту [Текст] // В. Я. Брюсов. – М.: Московский рабочий, 1979. – С. 146.
6. Гладков, А. К. Мейерхольд: в 2-х т. [Текст] / А. К. Гладков. – М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1990. – Т. 2. – С. 320
7. Горький, М. Собр. соч. в 30 томах: Т. 23. Статьи. 1895–1906 [Текст] / М. Горький. – М.: Художественная литература 1953. – С. 128
8. Мейерхольд, В. Э. Из письма неизвестному лицу. <Конец 1901 – начало 1902> [Текст] // В. Э. Мейерхольд Статьи. Письма. Речи. Беседы. В 2-х тт. Часть первая. 1891–1917. – М.: Искусство, 1968. – С. 59
9. Мейерхольд, В. Э. Письмо А. П. Чехову от 8 мая 1904. Лопатино [Текст] // В. Э. Мейерхольд Статьи. Письма. Речи. Беседы. Часть первая. 1891–1917. – М.: Искусство, 1968. – С. 65.
10. Мейерхольд, В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. В 2-х тт. Часть первая. 1891–1917 [Текст] / В. Э. Мейерхольд. – М.: Искусство, 1968.
11. В. Э. Мейерхольд до октября. Страницы дневников. Записные книжки [Текст] // сб. Встречи с прошлым. Выпуск I. – М.: «Советская Россия», 1983. – С. 218.
12. Надсон, С. Я. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание [Текст] / С. Я. Надсон. – М.-Л.: Советский писатель, 1962. – С. 68.
13. Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: в 2-х тт.: Т. 1. 16 июня 1899 года – 13 апреля 1902 года [Текст]. – М.: Издательский дом «Искусство», 2004. – С. 137.
14. Рудницкий, К. Л. Режиссер Мейерхольд [Текст] / К. Л. Рудницкий. – М.: Наука, 1969. – С. 24–25.
15. Черный, Саша Марии Федоровне. Почтительная акварель [Электронный ресурс] / Саша Черный. – Режим доступа: <http://cherny-sasha.lit-info.ru/cherny-sasha/stihi/marii-fedorovne-pochtitel'naya-akvarel.htm>
16. Чехов, А. П. Письмо Мейерхольду В. Э., начало октября 1899 г. Ялта [Текст] // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983. – Т. 8. – Письма, 1899. – М.: Наука, 1980. – С. 274–275.

Bibliograficheskij spisok

1. Andreeva, M. F. Perepiska. Vospominaniya. Stat'i. Dokumenty [Tekst] / M. F. Andreeva. – M.: Iskustvo, 1967. – S. 154.
2. Bal'mont, K. Sobr. soch. v dvuh tomah: T. 1 [Tekst] / K. Bal'mont. – M.: Mozhajsk-Terra, 1994. – S. 78–79.
3. Bal'mont, K. Perevody. Iz francuzskoj poezii. Pol' For. Pesenki [Tekst] // Bal'mont K. Izbrannoe: Stihotvoreniya. Perevody. Stat'i. – M.: Pravda, 1990. – S. 14.
4. Bodler, Sh. Padal' [Jelektronnyj resurs] // Cveti zla / per. P. Jakubovicha. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/j/jakubowich_p_f/text_0060.shtml
5. Brjusov, V. Ja. Junomu pojetu [Tekst] // V. Ja. Brjusov. – M.: Moskovskij rabochij, 1979. – S. 146.
6. Gladkov, A. K. Mejerhol'd: V 2-h t. [Tekst] / A. K. Gladkov. – M.: Sojuz teatral'nyh dejatelej RSFSR, 1990. – T. 2. – S. 320
7. Gor'kij, M. Sobr. soch. v 30 tomah: T. 23. Stat'i. 1895–1906 [Tekst] / M. Gor'kij. – M.: Hudozhestvennaja literatura 1953. – S. 128
8. Mejerhol'd, V. Je. Iz pis'ma neizvestnomu licu. <Konec 1901 – nachalo 1902> [Tekst] // V. Je. Mejerhol'd Stat'i. Pis'ma. Rechi. Besedy. V 2-h tt. Chast' pervaja. 1891–1917. – M.: Iskustvo, 1968. – S. 59
9. Mejerhol'd, V. Je. Pis'mo A. P. Chehovu ot 8 maja 1904. Lopatino [Tekst] // V. Je. Mejerhol'd Stat'i. Pis'ma. Rechi. Besedy. Chast' pervaja. 1891–1917. – M.: Iskustvo, 1968. – S. 65.
10. Mejerhol'd, V. Je. Stat'i. Pis'ma. Rechi. Be-sedy. V 2-h tt. Chast' pervaja. 1891–1917 [Tekst] / V. Je. Mejerhol'd. – M.: Iskustvo, 1968.
11. V. Je. Mejerhol'd do oktjabrja. Stranicy dnevnikov. Zapisnye knizhki [Tekst] // sb. Vstrechi s proshlym. Vypusk I. – M.: «Sovetskaja Rossija», 1983. – S. 218.
12. Nadson, S. Ja. Polnoe sobranie stihotvorenij. Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija. Vtoroe izdanie [Tekst] / S. Ja. Nadson. – M.-L.: Sovetskij pisatel', 1962. – S. 68.
13. Perepiska A. P. Chehova i O. L. Knipper. V 2-h tt.: T. 1. 16 ijunya 1899 goda – 13 aprelja 1902 goda [Tekst]. – M.: Izdatel'skij dom «Iskusstvo», 2004. – S. 137.
14. Rudnickij, K. L. Rezhisser Mejerhol'd [Tekst] / K. L. Rudnickij. – M.: Nauka, 1969. – S. 24–25.
15. Chernyj, Sasha Marii Fedorovne. Pochtitel'naja akvarel' [Jelektronnyj resurs] / Sasha Chernyj. – Rezhim dostupa: <http://cherny-sasha.lit-info.ru/cherny-sasha/stihi/marii-fedorovne-pochtitel'naya-akvarel.htm>
16. Chehov, A. P. Pis'mo Mejerhol'du V. Je., nachalo oktjabrja 1899 g. Jalta [Tekst] // A. P. Chehov. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. – M.: Nauka, 1974–1983. – T. 8. – Pis'ma, 1899. – M.: Nauka, 1980. – S. 274–275.

Reference List

1. Andreeva M. F. Correspondence. Memoirs. Articles. Documents. – М. : Iskustvo, 1967. – P. 154.
2. Balmont K. Complete collection in two volumes: V. 1. – М. : Mozhaish Terra, 1994. – P. 78–79.
3. Balmont K. Translations. From the French poetry. Paul Faure. Songs. Selected: Poems. Translations. Articles. – М. : Pravda, 1990. – P. 14.
4. Baudelaire Sh. Padal [An electronic resource] // Flowers of P. Yakubovich Evil / Lane. – Access mode: http://az.lib.ru/j/jakubowich_p_f/text_0060.shtml
5. Bryusov V. Ya. To the young poet. – М. : Moskovsky rabochiy, 1979. – P. 146.
6. Gladkov A. K. Meyerhold: In 2 v. – М. : Union of RSFSR theatrical figures, 1990. – V 2. – P. 320
7. Gorky M. Complete collection in 30 volumes: V. 23. Articles. 1895–1906. – М. : Khudozhestvennaya literatura of 1953. – P. 128
8. Meyerhold V. E. From the letter to the unknown person. <The end 1901- beginning 1902> Articles. Letters. Speeches. Conversations. In 2 v. Part one. 1891–1917. – М. : Iskustvo, 1968. – P. 14.
9. Meyerhold V. E. Letter to A. P. Chekhov dated from May 8, 1904. Lopati № Articles. Letters. Speeches. Conversations. Part one. 1891–1917. – М. : Iskustvo, 1968. – P. 65.
10. Meyerhold V. E. Articles. Letters. Speeches. Conversations. In 2 v. Part one. 1891–1917. – М. : Iskustvo, 1968.
11. V. E. Meyerhold till October. Pages of diaries. Notebooks // Meetings with the past. Issue I. – М. : «Sovetskaya Rossiya», 1983. – P. 218.
12. Nadson S. Ya. Complete collection of poems. Library of the poet. Big series. Second edition. – М.-Л. : Sovetsky pisatel, 1962. – P. 68.
13. Correspondence of A. P. Chekhova and O. L. Knipper. In 2 vol.: V. 1. On June 16, 1899 – on April 13, 1902. – М. : «Iskustvo» Publishing House, 2004. – P. 137.
14. Rudnitsky K. L. Director Meyerhold. – М. : Nauka, 1969. – P. 24–25.
15. Cherny, Sasha to Maria Fiodorovna. Respectful watercolour [An electronic resource] / Sasha Cherny. –

Access mode: <http://cherny-sasha.lit-info.ru/cherny-sasha/stihi/marii-fedorovne-pochtitelnyaya-akvarel.htm>

16. Chekhov A. P. Letter to Meyerhold V. E., the beginning of October, 1899 Yalta. Complete works and letters: In 30 v. the USSR Academy of Sciences. Institute of world literature named after A. M. Gorky. – М. : Nauka, 1974–1983. – V. 8. – Letters, 1899. – М. : Nauka, 1980. – P. 274–275.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

¹ Во всех прижизненных и современных изданиях сборников стихотворений Конст. Бальмонта третья строка публиковалась и публикуется так: «Я люблю с безупречною нежностью *духа и брата...*» В автографе Мейерхольда слова *духа и брата* заменены более понятными логически – *друга и брата...* Четвертая строка, в приведенной здесь цитате, начинавшаяся у Бальмонта рефреном «Я люблю...» Мейерхольдом сокращена, Мейерхольд либо интуитивно отредактировал повтор, либо писал запомнившиеся ему стихи по памяти. – М. В.

² Григорьев Борис Дмитриевич (1886, Москва – 1939, Кань-Сюр-Мер, Франция). Представитель неоклассического направления в живописи 1910-х, автор экспрессивных портретов. Член объединения «Мир искусства». Автор цикла «Расея» (1916–1919). Портрет Мейерхольда – самое известное произведение Григорьева.

³ По воспоминаниям, на Капри, у Горького, после обеда ехали на лодках на рыбную ловлю в море. Горький обычно сидел на корме лодки, его продувало, и Мария Федоровна Андреева каждый раз упрашивала его накинуть на себя пиджак» (ИМЛИ, Архив А. М. Горького. МоГ 4-17-1. С. 6).

⁴ *Марфа-Мария* – двойной евангельский женский образ, Марфа – воплощение земного начала, служения Богу на земле, Мария – небесного.

⁵ – «Стань тем, кто ты есть» (нем.). – Ред.

⁶ Зонов Аркадий Павлович, режиссер (1875–1922). Окончил Драматическое отделение Московского филармонического училища (класс В. И. Немировича-Данченко) в 1899 году. Участвовал в спектаклях МХТ (с 1898 года играл под псевдонимом Павлов). С 1902 года Зонов был режиссером в труппе Мейерхольда и Кашеверова в Херсоне, затем работал с Мейерхольдом в Тифлисе и Москве.

В. И. Пефтиев

Право и политика (полузабытое) в наследии И. С. Тургенева

Приближается двухсотлетие со дня рождения И. С. Тургенева (1818–1883), классика русской литературы, неофициально, но признанного общественным мнением Европы посланника русской культуры и цивилизации. Авторский замысел касается рукописей и текстов Тургенева «вне литературы». Эпизоды касаются политико-правовых тем: крестьянского хозяйства (1842), авторского права и литературной собственности (1878), встречи с участником событий 1848 года в Париже, очерка «Александр III» (1881) и др. Отдельные наблюдения И. С. Тургенева актуальны и для XXI в.

Ключевые слова: крепостное право, литературная собственность, война и мир, нигилизм, Александр III, И. С. Тургенев.

V. I. Peftiev

The Right and Policy (Half-Forgotten) in I. S. Turgenev's Heritage

The two-hundredth anniversary of the birth of I. S. Turgenev (1818–1883) is approaching, he is the classic of the Russian literature, the informal one, but recognized by European public opinion, missionary of the Russian culture and civilization. The author's idea concerns manuscripts and Turgenev's texts «out of literature». Episodes concern political and legal subjects: peasant holding (1842), copyright and literary property (1878), a meeting with the participant of events in Paris in 1848, an essay «Alexander III» (1881), etc. Some observations of I. S. Turgenev are relevant for the 21st century.

Keywords: serfdom, literary property, war and peace, nihilism, Alexander III, I. S. Turgenev.

У нас, русских, нет другой жизненной задачи, как опять-таки разработка личности.

И. С. Тургенев¹

Приближается двухсотлетие со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883), классика русской литературы, неофициального, но признанного посланника русской культуры и цивилизации в Европе. Практически ежегодно пишутся и издаются его рассказы, повести, пьесы и романы. Творческое наследие И. С. Тургенева необозримо. В нем российские и зарубежные исследователи находят темы и сюжеты и в XXI в. [1, 4]. Авторский замысел касается рукописей и текстов И. С. Тургенева «вне литературы» (точнее: заметки и наброски «на полях» права и политики). И. С. Тургенев обладал достаточной компетенцией и за пределами своего призвания и жизненной судьбы: кандидат философии (намеревался преподавать в Московском университете); продолжение образования в Германии; длительное пребывание в Европе. Для презентации отобраны тексты, обнаруженные в разные годы и по несхожим поводам. Полагаем, однако, что кое-что из полузабытого наследия И. С. Тургенева может быть востребовано и в наши дни.

Неизвестную статью И. С. Тургенева «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянстве» (написано 23–25 декабря 1842 г., то есть отроду 24 лет) Николай Осипович Лернер (1877–1934) опубликовал в «Русской ста-

рине» (1911, Кн.2, с. 290–300)². Отметим актуальные идеи молодого Тургенева [5, т. 1, с. 419–430].

«Мы народ не только европейский: мы недаром поставлены посредниками между Востоком и Западом». Отклик на дискуссии 30–40-х гг. XIX в. о месте и судьбе России в мировой истории (П. Я. Чаадаев и др.) [5, с. 430].

Иван Сергеевич признается, что не занимался исключительно политэкономией, но «знаком со всем, что принадлежит к науке о хозяйстве, входит в область истории и географии». «Мне известно довольно значительное количество отдельных фактов, собранных мною на опыте и посредством чтения» [5, с. 419].

«Нельзя сказать, чтобы быт наших хлебопашцев был вполне обеспечен» [5, с. 422].

И далее следует систематизация слабостей и недостатков крестьянского хозяйства начала 40-х гг. XIX в. В статье И. С. Тургенева имеется ссылка на факт освобождения крестьян от феодальных повинностей в Мекленбурге (Германия) [5, с. 427]. Отношения землевладельцев с крепостными в России Тургенев называет «составившимися».

Что увидел Иван Сергеевич в крестьянском хозяйстве:

- чересполосицу владений, необходимость размежевания;
- недостаточную законность и положительность в отношениях помещиков и крестьян;

- неудовлетворительное состояние земледельческой науки;
- слабое развитие чувства гражданственности и законности в наших крестьянах;
- устарелые учреждения, «неуместные и отяготительные»;
- недостаточность общественного духа в дворянах. «Замечания...» напоминают о том, что вернейший признак силы – знать свои недостатки, свои слабости [5, с. 430]. Проницательные наблюдения писателя воплотились позднее в знаменитых «Записках охотника» (1847–1852).

Зимой 1857–1858 гг. в Риме соотечественники из России (кн. Львов, гр. Н. Ростовцев, кн. В. А. Черкасский, В. П. Боткин, И. С. Тургенев) часто и горячо обсуждали царские рескрипты о создании комитетов для обсуждения устройства крестьян и земледельческого быта. Итогом споров без конца стала записка И. С. Тургенева об издании журнала «Хозяйственный указатель» [5, соч. т. 12, с. 351–358]. «Записка...» фонтанирует идеями и наблюдениями. Констатация факта: слабое сочувствие дворян к видам правительства [5, с. 351]. Удивляться этому, негодовать на это – не для чего [5, с. 351]. Почему? Ответ по-научному адекватный и четко сформулированный: *«Всякие перемены в быте, уже успевшие укорениться, влекущие за собой хотя бы временные жертвы сопряжены с некоторой неизвестностью насчет конечного исхода дела; неизвестность каждому тягостна»* (курсив – В.П.). Налицо авторская трактовка общесоциологического закона в сфере реформирования. И. С. Тургенев продолжает развивать свою рефлексию: дворяне страшатся за свое будущее, за само существование [5, с. 353]. В письме А. И. Герцену от 7 января (н. с.) 1858 года И. С. Тургенев срывает маски с показной готовности обсуждать положение крепостных крестьян. За нею скрывается тревога неслыханная, тупое упорство, страх, скарденная тупость [5, с. 689]. Дельна и программа издания особого журнала (еженедельных тетрадей) в Москве или Петербурге с такими установками, как искоренять недоразумения, вызываемые невежеством крестьян (народа) и малой образованностью дворянского сословия. Журнал должен оставаться по статусу правительственным, но допускать в нем разноречие. Редактор журнала должен быть известен и во власти, и в науке; быть умеренным и беспристрастным. Предполагалось иметь в журнале 5 рубрик: официальная информация, обозрение фактов и событий, научные статьи (история, политэкономия, статистика, администрация и хозяйство), критика и полемика, корреспонденция.

Подписная цена в год – 5 руб., с пересылкой – 5 руб. 50 коп.

Бизнес-идеями Тургенева воспользовались славынофилы – и на свой лад³.

Яркая, но турбулентная страница в летописи жизни и творчества И. С. Тургенева – участие в Международном литературном конгрессе (Париж, июнь 1878 г.).

Россию представляли писатели, ученые, публицисты и журналисты (И. С. Тургенев, П. Д. Боборыкин, М. М. Ковалевский, Л. А. Полонский (журнал «Вестник Европы»), Б. А. Чивилев (корреспондент одесской газеты «Правда»), В. В. Чуйко. С приветственной речью к Конгрессу обратился вице-президент И. С. Тургенев (после В. Гюго). В трех комиссиях Конгресса обсуждались авторское право, литературная собственность, экономическое положение писателей в различных странах. Каждый член российской делегации оставил свои впечатления, репортажи, воспоминания. Наиболее обстоятельным оказался обзор Л. А. Полонского («Вестник Европы», 1878, № 8, с. 674–716; № 9, с. 354–391). Речь Тургенева сочувственно встретили французы; в России ее восприняли неоднозначно. Камень преткновения – самоидентификация русской литературы и ее классики и – сопряженно – сбалансированность комплиментов в адрес организаторов Конгресса и самоуважения, гордости за Россию⁴. И совершенно в тени оказалась дискуссия вокруг инициативы В. Гюго, поддержанной уклончиво И. С. Тургеневым, – сделать произведения классиков общественным достоянием, то есть не применять к ним жесткие правила авторского права и защиты литературной собственности. Оба титана литературы (В. Гюго и И. С. Тургенев) не скрывали своей озабоченности масштабами плагиата, эгоизма издателей и редакторов, издержками иерархии и клановости. Но они смотрели в будущее с заботой о просвещении через шедевры поэзии и литературы народа, обездоленных, невежественных, лишенных чувства прекрасного. Не получило должной оценки в России и присуждение И. С. Тургеневу почетного доктора частного права в Оксфорде (июнь 1879).

Накануне и в ходе русско-турецкой войны 70-х гг. тягостное настроение всерьез и надолго посещало Тургенева, что не единожды замечалось европейскими собеседниками эмигранта из России. Свои раздумья Иван Сергеевич доверял лишь самым близким, доверенным лицам (Я. П. Полонскому, П. В. Анненкову, Ю. П. Вревской). Сошлемся на переписку той поры и воспоминания иностранцев. В письме Я. П. Полонскому от 9(21) декабря 1876 года Иван

Сергеевич обнаруживает поразительное свойство русского менталитета: «У нас на Руси снова появилась столь часто замечаемая черта: от всех наших болезней, лени, вялости, пустоты, скуки мы ищем излечиться разом, как зуб заговорить! ...Хлоп! И мы совсем стали здоровы. Вот мы теперь за войну ухватились. Все это признак слабого развития умственного – и, говоря прямо, недоразвития» [6, т. 12, с. 30]. И через три недели в письме к тому же адресату продолжение темы: «Душа моя – вся штука в том, как мы смотрим на войну – и чего от нее ожидаем? Вся Германия расхохоталась бы ..., если бы ей сказали, что она ведет войну для собственного нравственного очищения: она воевала с французами, чтобы округляться, объединяться, да отнять у них Эльзас и Лотарингию. А мы хотим войною вылечиться от нашего внутреннего худосочья! Вот где чепуха! Вот где вялость и недомыслие!» [6, т. 12, с. 51]. Юлиан Шмидт (1818–1886) вспоминал: «Во время турецкой кампании, которую он крайне не одобрял ..., он выходил из себя, избегал людей, уверяя, что все будут показывать на него пальцами: до такой степени он считал свою жизнь тесно сплетенной с судьбами России» [6, т. 12, с. 19]. Что беспокоило Тургенева? Привычка в России принимать скороспелые, незрелые и неэффективные решения (чаще всего о войне. – В. П.).

Афишируемая защита славян (сербов, болгар) скрывала экспансионистские планы (контроль над черноморскими проливами). Слабость политической воли после первых же неудач под Плевной: «сверху донизу мы не умеем ничего крепко желать» [6, т. 12, с. 70]. Что же такое русско-турецкая война? Случайность, более или менее тяжелая? Симптом глубокого и коренного недуга? В письме А. В. Головину (осень 1877 года) И. С. Тургенев признается: «чуть не денно и ночью размышлял об этом вопросе, – и ни к какому удовлетворительному результату прийти не могу» [6 т. 12, с. 215]. Полагаем, что Иван Сергеевич склонялся к скрытому пацифизму – позиции, неодобряемой тогдашним общественным мнением. К ней подталкивала душевная травма о сдаче Севастополя в 50-е гг. войскам Европейской коалиции. Очередная война с Турцией могла обрушить обменный курс рубля к валютам Европы, что осложняло бы выполнение И. С. Тургеневым своих денежных обязательств [6, т. 12, с. 506]. Авторская гипотеза нуждается в дополнительной аргументации и тщательной перепроверке.

«Человек в серых очках» – образец историко-политологического этюда в зрелой писательской манере [5, т. 11, с. 98–119]⁵. Подзаголовок («Из воспоминаний 1848 года») может затемнить гори-

зонты видения Тургеневым и истории Франции, и собственные размышления в сумерках жизни. Первый пласт содержания предстает как завуалированное отторжение стиля изображения людей В. Г. Белинским (иллюстрация предвзятых людей) и А. И. Герценом (до исповеди «Былое и думы») – в его окружении случались и недостойные персонажи. И. С. Тургенев описывает встречи и беседы с живым человеком (его реальность подтверждена свидетельствами). Поэтому его предсказания о скором установлении Республики и вхождении во власть Луи Бонапарта нельзя считать подделкой «задним числом». Г-н Франсуа – олицетворение национально-исторического типа (точнее одной из разновидностей) Франции середины XIX в.: провинциал (провансалец или гасконец, не парижанин, в летах и издерганный судьбой; благородные привычки, известная светскость, но в бедности), повидавший мир (Италия, Сибирь, Техас, Мексика), жестокий к себе и другим (даже к близким). Представляет новое поколение и общественно-политическую силу, которые добиваются власти или меняют порядки в эпоху перепутья между революцией и рутинной. Люди с такими амбициями презирают говорунов и незамедлительно действуют в подходящий момент. Они не брезгуют легендами (мифами), рекламой, провокациями. И, наконец, И. С. Тургенев завершает свое повествование образом птицы-буревестника (stormy petrels). Они носятся низко в тусклом воздухе и исчезают, как только настанет ясная погода [5, т. 11, с. 120]. Люди-буревестники обладают уникальной интуицией и безошибочным чутьем. Они в явном меньшинстве, но появляются в надломленном обществе как спасители, а завершают жизнь полным фиаско.

Набросок статьи «Александр III» замыкает авторскую «дорожную карту» по наследию И. С. Тургенева по маршруту «право и политика». [5, т. 10, с. 285–292]. В России и во всей Европе ожидали первых шагов нового государя после террористического акта 1 марта 1881 г.⁶ «На многое надеются. Многого и опасаются» [5, с. 285]. И. С. Тургенев обладал достаточной информацией о наследнике (личность, взгляды, ближайшее окружение) и якобы встречался с ним в Париже (1879 г.). Тургенев незамедлительно высказывает свои политические прогнозы.

Ожидания от царя парламентской конституции – это иллюзия; мы (то есть Тургенев), по крайней мере, убеждены в этом. Необходимо продолжить реформы, давно разрабатываемые и вполне подготовленные (6 позиций):

– значительное уменьшение крестьянских выкупных платежей за землю;

- коренное изменение системы налогов;
- отмена подушной платы;
- облегчение переселений из одной губернии в другую;

- большие облегчения в отношении паспортов;
- учреждение земельных банков [5, с. 288–289]. По отдельным пунктам аграрной программы необходимы пояснения (п. п.1, 4–6). Выполнение замысла растянулось до Великой войны (1914). По внешней политике Тургенев ожидал мира, почти замкнутости и крайней осторожности [5, с. 290], прекращения покушений на Азию, но в общем холодные отношения со всей остальной Европой [5, с. 292]. Расхождение прогноза с фактами в будущем имели место с Германией, Францией и Англией как по альянсам, так и по срокам [5, с. 552–554]. Главное в другом – перед нами политическое обращение писателя к царю, а не верноподданнический адрес.

И последний штрих к личности И. С. Тургенева находим в воспоминаниях Анатолия Федоровича Кони (1844–1927), судебного деятеля, сенатора, члена Гос. Совета, писателя («Вестник Европы», 1908; «Нежизненный путь», 1912–1916, т. 2 [3, с. 301–350]. Первая встреча А. Ф. Кони с И. С. Тургеневым состоялась в 1874 году, в один из его кратковременных приездов в Петербург. И. С. Тургенева вообще интересовали новые суды (с участием присяжных заседателей) и конкретное дело об убийстве. А. Ф. Кони обнаружил в архиве отца и подарил И. С. Тургеневу дагерротипный портрет Полины Виардо-Гарсиа (март 1879 г.). Ответная встреча состоялась летом того же года в Париже. Последний раз А. Ф. Кони видел И. С. Тургенева в Москве, в июне 1880 г., на открытии памятника Пушкину [3, с. 301, 305, 310]. В следующей статье «Памяти Тургенева» (к 25-летию со дня смерти писателя) А. Ф. Кони напомнил предсмертные слова И. Тэна о Тургеневе: «наиболее совершенный между теми, кто писал после греков» [3, с. 316]. И далее мудрое наблюдение о крепостном праве: «Крепостное право отражалось не на одних крестьянах: оно наносило удары и вверх, и в стороны, принижая одних, растлеывая других, оскорбляя третьих <...>. Праведный гнев против злоупотреблений помещичьей властью нашел себе «могучего союзника в великом таланте писателя» [3, с. 320]. После «Записок охотника» читателям сделалось жалко, им стало стыдно» [3, с. 324]. «Любить отечество – не значит страдать патриотической близорукостью». Это второе послание И. С. Тургенева России, ее элите и ее народам [3, с. 328]. И третье напутствие И. С. Тургенева: «Язык каждого народа – его лучшее достояние, его святыня» [3, с. 331].

Резюмируем авторское видение личности и наследия И. С. Тургенева.

Великие поэты и писатели – это, как правило, и выдающиеся мыслители, обществоведы широкого диапазона. Мастера слова умеют образом в поэзии и прозе, заглавием своего творения, новацией в языке (нигилизм для Тургенева) маркировать зарождающиеся общественные феномены и довести свое послание (дискурс) до общественного мнения эпохи и до нации и человечества на века.

Досье (кейс) Тургенева – это подтверждение двойственности артефакта (fiction): смертельный яд и профилактическое лекарство от вторжения политики (в широком определении). Каждый роман И. С. Тургенева вызывал переполох в литературной критике, публицистике, среди писателей и провоцировал конфликты и трения с собратьями по профессии (Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет и др.) Разбирательства продолжаются и поныне. Учет твердую позицию И. С. Тургенева как либерала: любимый девиз – *laissez faire, laissez passer* (1869 г.).

Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, русского европейца, писателя на европейском рандеву, – это поучительный повод для постановки и разрешения дилеммы: где жить и творить (в России или за рубежом), как сочетать патриотизм и критику отчизны (разумеется, по делу)? И. С. Тургенев колебался, искал компромиссы, умер от болезней и ностальгии под Парижем и похоронен в России, на Волковском кладбище в Петербурге. И от себя добавлю: как вести себя с апатридами, внутренними эмигрантами? Автор не имеет готового ответа.

Библиографический список

1. Генералова, Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа [Текст] / Н. П. Генералова. – СПб. : РХГИ, 2003. – 584 с.
2. Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2-е. СПб: Тов. «Прогресс нашей жизни», б. г. – 150 с.
3. Кони, А. Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 6 [Текст] / А. Ф. Кони. – М. : Изд. юрид. лит., 1968. – 695 с.
4. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883) [Текст] / сост. Н. Н. Мостовская. – СПб. : Наука, 2003. – 621 с.
5. Тургенев, И. С. Полн. собр. соч. и писем Соч. в 12 т. Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1978–1986.
6. Тургенев, И. С. Письма [Текст] / И. С. Тургенев. Т. 12. Кн. 1 // М.-Л. : Наука, 1966. – 758 с.

Bibliograficheskijski spisok

1. Generalova, N. P. I. S. Turgenev: Rossija i Evropa [Tekst] / N. P. Generalova. – SPb. : RHGI, 2003. – 584 s.

2. Inostrannaja kritika o Turgeneve. Izd.2-e. SPb: Tov. «Progress nashej zhizni», b.g. – 150 s.

3. Koni, A. F. *Sobr.soch.v 8 t. T.6 [Tekst] / A. F. Koni.* – M. : Izd. jurid. lit., 1968. – 695 s.

4. *Letopis' zhizni i tvorчества I. S. Turgeneva (1876–1883) [Tekst] / sost.N. N. Mostovskaja.* – SPb. : Nauka, 2003. – 621 s.

5. Turgenev, I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem Soch. v 12 t. Izd.2-e, ispr.i dop. [Tekst] / I. S. Turgenev.* – M. : Nauka, 1978–1986.

6. Turgenev, I. S. *Pis'ma [Tekst] / I. S. Turgenev. T.12. Kn. 1 // M.-L. : Nauka, 1966. – 758 s.*

Reference List

1. Generalova N. P. I. S. Turgenev: Russia and Europe. – SPb. : RHSI, 2003. – 584 pages.

2. Foreign criticism about Turgenev. The 2nd edition. SPb. : «Progress nashej zhizni». – 150 p.

3. Koni A. F. Collection of works in 8 v. V.6. – M. : Judicial Literature Publishing House, 1968. – 695 p.

4. Chronicle of life and creativity of I. S. Turgenev (1876–1883) / author N. N. Mostovskaya. – SPb. : Nauka, 2003. – 621 p.

5. Turgenev I. S. Full collection of works and letters. Works in 12 v. The 2nd edition, corrected and added. – M. : Nauka, 1978–1986.

6. Turgenev I. S. Letters. V.12. Book 1 // M.-L. : Nauka, 1966. – 758 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

¹ Иностранная критика о Тургеневе. Изд.2-е. СПб: Тов. «Прогресс нашей жизни», б.г. – С.21/150

² Оригинал статьи – черновик. Личный почерк Ивана Сергеевича. Черновик неразборчив, на трех полуистлевших страницах. Из Фондов рукописного отдела Императорской публичной библиотеки. Обнаружен и беловик (на 19 страницах листового формата) из личного фонда Сергея Васильевича Лазаревского (1817–1890). Из бумаг особой канцелярии МВД. Иван Сергеевич недолго служил в МВД под непосредственным начальством В. И. Даля. Рукопись и беловик, видимо, являются служебной запиской. Н. О. Лернер находил в ней неизбежные реверансы царю и косвенную полемику со славянофилом А. С. Хомяковым (1804–1860). См.: [т. 1, с. 419–430, 564–569].

³ Инициатива подготовки «Записки...» исходила от Д. А. Оболенского и через посредников для передачи царю. Александр II не дал ходу «Записке...». Проект И. С. Тургенева подхватил единомышленник В. А. Черкасского А. М. Кошелев (славянофил). С марта 1858 г. выходит ежемесячное приложение к «Русской беседе» – «Сельское благоустройство». Хвала

крестьянской общине не отвечала мировоззрению «западника» И. С. Тургенева. См.: [с. 688–689].

⁴ Речь И. С. Тургенева на Конгрессе (5/17 июня 1878 г.) невелика по объему – две страницы (Сочинения, т. 12, с. 333–334). Имеются отдельные шероховатости в русском и французском текстах. Оппоненты подвергли критике периодизацию истории русской литературы и ее отправные даты (1678, 1778, 1878), то есть случайная дистанция с 100 лет. Акцент на заимствование французских образцов (Мольер, Вольтер, Гюго) и эволюцию от учеников к коллегам. Особо возмутился непатриотизмом Тургенева В. В. Стасов (под псевдонимом «Читатель» в «Новом времени»). Негодовали, что не названы современные писатели России (Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой). Со скрытой иронией отозвался и друг, П. В. Анненков: «Речь Ваша – редкий литературный танцмейстер; так хорошо суметь раскланяться с соседкой и с vis-à-vis, как Вы сделали при начале этого lancier (танца). Но как-то Вы выберетесь, когда Ваша пара потребует кошелек, жизни и формального завещания всего имущества в свою пользу» [4, с. 197]. Накал страстей вокруг речи Тургенева в Париже развеялся, как дым. Перечитав ее (речь), автор находит в ней модель дипломатического искусства в неуживчивой среде, какой является литература. Меня покорила последняя фраза в речи Тургенева: «...Факт необыкновенный и новый в летописях России – скромный, простой писатель, не дипломат и не военный, не имеющий никакого чина по нашей табели о рангах, этого своего рода общественной иерархии, имеет честь говорить перед вами от лица своей страны и приветствовать Париж и Францию, этих зачинателей (ses promoteurs) великих идей и благородных стремлений (des aspirations généreuses)» [Соч., т. 12, с. 334].

⁵ Впервые очерк опубликован во французском переводе в 1879 г., хотя материалы накапливались с 1876 г. Тургенев оказался наблюдателем и февраля и июня 1848 года, и свидетелем кризиса Второй империи (Наполеона III). Ему пришлось штудировать восприятие собственных романов левыми и правыми в России. Местами зарисовки Тургенева перекликаются с анализом К. Маркса. Обращение Тургенева в 1870-х гг. к французскому типу скептика и пессимиста созвучно с тональностью его «Стихотворений в прозе». Запоздалый очерк «Человек в серых очках» получил положительные отзывы и издан в 1880 г. на немецком языке. См.: [т. 11, с. 379–385].

⁶ И. С. Тургенев написал очерк «Александр III» первоначально на французском анонимно (подпись ХХХ) под впечатлением убийства Александра II: «Завязавши глаза, да беги на край света – пока мужицкая петля не затянула твою цивилизованную глотку» (из письма П. В. Анненкову от 6(18) марта 1881 г.) [4, с. 387]. Тогда же высказана фраза с самобичеванием: «"Мой" нигилист царя убил». К новому правителю России обращались Л. Н. Толстой (прошение о помиловании революционеров-террористов) и А. А. Фет (Шеншин). Одобрение получило лишь послание последнего [1, с. 441–447].

Е. Ю. Колышева

Система образов «московских» глав в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Статья посвящена рассмотрению принципов разработки системы образов «московских» глав в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Работа основана на текстологическом исследовании всей системы редакций романа.

Ключевые слова: система образов, текстология, история текста, редакция, черновики, основной текст.

E. Yu. Kolysheva

The System of Personages of «Moscow» Chapters in M. A. Bulgakov's Novel «The Master and Margaret»

This article is devoted to the principles in developing the system of personages of «Moscow» chapters in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margaret». The article is based on the textual researching of the whole system of manuscripts of this novel.

Keywords: system of personages, textual criticism, creative history, edition, manuscripts, basic text.

В художественном произведении одним из способов создания образов является наблюдение за их поведением в той или иной ситуации: персонажи проходят проверку встречей с каким-либо явлением – любовью, дружбой, столкновением с необъяснимыми явлениями и прочим. Персонажи «московских» глав романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» проходят проверку столкновением с необычными явлениями – встречей с Воландом и/или его свитой. «Московские» главы выстраиваются как череда встреч того или иного персонажа с Воландом и его свитой и могут быть уподоблены череде театральных номеров на сеансе черной магии в Варьете или во сне Никанора Ивановича с разоблачением и наказанием. В связи с этим анализ системы образов «московских» глав романа представляется возможным осуществить по следующим вопросам:

- 1) За что Воланд и/или его свита наказывают персонажа?
- 2) Как Воланд и/или его свита наказывают персонажа?
- 3) Что происходит с персонажем после наказания?
- 4) Следует ли за наказанием исправление персонажа?

Образ директора театра Варьете в истории текста романа присутствует уже в первой его редакции (1928–1930)*.

Рукописи, относящиеся к этой редакции, сильно повреждены, но текст на сохранившихся фрагментах листов позволяет получить представление о содержании и особенностях романа этого пери-

ода. Герасим Константинович Педулаев, директор театра Варьете, брюнет с красным носом тридцати лет (эти приметы сообщают Цупилиоти и Нутон, будущие Римский и Варенуха, – Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 122), просыпается в своей квартире с легонькой мигренью, оттого что звонят в дверь. Так и не дождавшись, когда «чертова кукла, графиня» откроет дверь, Гарася «<спу>стил ноги с кровати, не <нрзб.> натянул штаны <и пошел от-крыва>ть». Отворив дверь, Гарася видит высокого и представительного мужчину, который обращается к нему «милейший товарищ Педулаев» (Л. 104–104 об.), целует в щеку душистым поцелуем и сообщает, что явился по квартирному вопросу (Л. 105). Гарася спрашивает, кто он, так как не может вспомнить ни его остроконечную бороду, ни дырявый глаз, ни крахмального воротничка (Л. 105 об.). Выясняется, что перед Гарасей господин Теодор Воланд, белый маг, и что вчера они с ним подписали контракт (Л. 107). Таким образом, схема построения первой встречи читателя с директором театра совпадает с окончательным текстом. Отличие заключается в том, что Воланд является к нему один, без своей свиты, и, продемонстрировав фокус, отправляет во Владикавказ, при этом устроив «под Ростовом снежный занос» «в июне месяце», чтобы тот в дальнейшем не смог беспрепятственно вернуться в Москву (Л. 163 об.). Начиная со второй редакции (1932–1936), разоблачение Степы осуществляет свита Воланда, направление для наказания задается Воландом, наказание предлагает Азazelло и с мол-

чаливого согласия Воланда приводит в исполнение кот:

«– И свита эта, – продолжал || Воланд, – требует места, дорогой мой! Поэтому, милейший, Вы сейчас покинете квартиру.

– Товарищ директор, – вдруг заговорил козлиным голосом длинный клетчатый, явно подразумеваемая под словом – директор – самого Степа, – вообще свинячит в последнее время в Москве. Пять раз женился, пьянствует и лжет начальству.

– Он такой же директор, – сказал за плечом у Степа гнусавый сифилитический голос, – как я – архиерей. [Разрешите] Разрешите, мессир, выкинуть его к чертовой матери[.], [Е]му || нужно проветриться! [<Б>]

– Брысь! – сказал кот на коленях Воланда» [1, с. 171–172].

Сюжет о возвращении директора театра оформляется только в пятой (последней рукописной) редакции (1937–1938). К встречавшим его на аэродроме Степа обращается с удивительной просьбой его арестовать: «– Тсс! Да я... Лиходеев... Прилетел... Немедленно арестуйте меня, но, умоляю, незаметно... Умоляю... И отвезите к следователю...» [1, с. 802], а впоследствии после показаний на следствии – с не менее удивившей всех просьбой о заключении в камеру: «Лиходеев, по собственной его просьбе, был заключен в надежную камеру, с приставленной к ней охраной <...>» [1, с. 802].

Кроме того, Степа оказывается в клинике, о чем мы узнаем из эпилога, как и о дальнейшей его судьбе после посещения Воландом Москвы. Эпилог был написан Булгаковым в 1939 г., то есть после того, как в 1938 г. был создан машинописный текст романа, завершавшийся на тот момент главой 32 о прощении и вечном приюте. Таким образом, момент исправления в разработке системы образов «московских» глав романа появляется только на завершающем этапе работы над ним. Но помета «1935 г. Апрель» на страницах рукописи с первым вариантом эпилога, возможно, свидетельствует о том, что Булгаков размышлял о таком принципе разработке образов [2, с. 517]. Так, в первом варианте эпилога о судьбе Степа сообщается: «Степе Лиходееву более по телефонам Варьете разговаривать не пришлось. Немедленно после выхода из клиники, где Степа провел восемь дней, он был переброшен в Ростов и назначен заведующим большим || гастрономическим магазином. Ходят слухи, что он совершенно перестал пить портвейн» [2, с. 523–524]. В окончательном тексте, практически повторяющем здесь текст первого варианта эпилога, добавляются следую-

щие сведения о Степе: «<...> пьет только водку, настоящую на смородиновых почках, отчего очень поздоровел. Говорят, что очень молчалив и сторонится женщин» [2, с. 808].

Таким образом, сюжет о директоре театра строится по следующей схеме: встреча с Воландом – разоблачение в том, что занимает не свое место – приведение наказания в исполнение Воландом в первой редакции, а на всех последующих этапах работы над романом его свитой (изгнание из квартиры и Москвы) – потеря сознания, состояние безумия («<...> со мной что-то случилось... я болен...»), – говорит Степа, обнаружив себя в Ялте [2, с. 599]; «психический», как сообщается о нем в молнии из ялтинского розыска [2, с. 613]) – арест и заключение в камеру по собственному желанию – пребывание в клинике – «изгнание» из Москвы и с должности – исправление.

Образ председателя жилищного товарищества также оформляется в первой редакции романа. В первой тетради черновиков этого периода на сильно поврежденных листах прочитывается фрагмент главы о Никодиме Гавриловиче, гадающем о том, кто подбросил ему деньги (Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 97). «Окончание» этой главы [1, с. 93], написанное во второй тетради черновиков данной редакции, содержит описание собрания, на котором становится известно о том, что Поротый сдал квартиру Воланду и заключил с ним контракт, и обнаруживается пропажа денег. Уже в следующей редакции этот эпизод Булгаков заменил эпизодом с подброшенной валютой, что сохраняется до конца работы над романом. Но в эпизоде собрания в первой редакции уже складывается модель поведения обезумевшего председателя, уличенного во взяточничестве:

«А Поротый, покачавшись, как клоун, сказал:

– Братцы родные, погиб я. Это волшебные деньги. Христом клянусь, не давал он мне их...

– Заявляй, Гаврилыч, лучше сам в уголовное, – серьезно сказал Петров, – тебе смягчение выйдет.

Топоча ногами, все тронулись, и Поротый шел, плача, утирая слезы кулаками» [1, с. 100].

В первой редакции оформляется также сюжет об аресте председателя и его допросе у следователя, на тот момент являющийся содержанием отдельной главы под названием «Разговор по душам», в последующей же работе вошедший в состав главы о сновидении председателя. Так, в первой редакции оформляются свойственные председателю в этом эпизоде набожность, признание своей вины и желание принять наказание за ложь и взяточничество (см. **Таблицу 1**):

Таблица 1

Первая редакция	Основной текст
«– Предупреждаю вас, гражданин Поротый, что, разговаривая таким нелепым образом, вы сильно ухудшаете ваше положение. – Ничего. [<i><Вы></i>] Я пострадать хочу. – Вы и пострадаете. Вы меня время заставляете зря терять. Вы взятки брали? – Брал» [1, с. 34–35]. «– Что это вы партийный, а [<i>Б</i>] все время Бога упоминаете? Веруете? – Какой я партийный. Так... – Зачем же вступили в партию. – Из корыстолюбия» [1, с. 35]. «– Полон я скверны был, – мечтательно заговорил Поротый строго и гордо, людей и Бога обманывал, но с ложью по дорогам ходишь, а потом и споткнешься. В тюрьму сяду с фактическим наслаждением» [1, с. 35].	«– Бог истинный, Бог всемогущий, – заговорил Никанор Иванович, – все видит, а мне туда и дорога. В руках никогда не держал и не подозревал, какая такая валюта! Господь меня наказует за скверну мою, – с чувством продолжал Никанор Иванович, то застегивая рубашку, то расстегивая, то крестясь, – брал! Брал, но брал нашими советскими! Прописывал за деньги, не спорю, бывало. Хорош и наш секретарь Пролежнев, тоже хорош! Прямо скажем, все воры в домоуправлении. Но валюты я не брал!» [2, с. 650–651].

Вина председателя и пожелание его устранить высказываются Воландом, наказание совершает Коровьев. Во второй редакции, где впервые оформляется такое соотношение, Воланд только

намекает на необходимость наказать председателя, а Коровьев действует вместе с Азазелло (см. **Таблицу 2**):

Таблица 2

Вторая редакция [1, с. 179]	Пятая редакция [1, с. 569], основной текст [2, с. 610]
«В квартире {покойного} же произошло следующее. Тяжелый бас сказал в спальне ювелирши: – Однако этот Босой – гусь! Он мне надоел. {Я вообще не люблю хамов в квартире.}»	«– Мне этот Никанор Иванович не понравился. Он выжига и плут. Нельзя ли сделать так, чтобы он больше не приходил?»

Сюжет о сновидении председателя оформляется во второй редакции романа, но здесь, в отличие от последующих этапов работы, сон, построенный как череда театральных номеров, разоблачающих валютчиков, председатель видит, находясь в тюрьме, а не в клинике. Когда Булгаков в следую-

щий раз обращается к этому сюжету – в пятой (последней рукописной) редакции, – то помещает его уже в пространство клиники. Сопоставление данного фрагмента позволяет увидеть работу Булгакова над подтекстом романа (см. **Таблицу 3**):

Таблица 3

Вторая редакция	Пятая редакция
«А далее все сложилось так, что Никанор Иванович впал в полное изумление и пребывал в нем до тех пор, пока не сообразил, что видит сон» [1, с. 340]. «Раскисший в собственном поту, Никанор Иванович открыл глаза, но убедился, что продолжает спать и видит сны» [1, с. 344]. «Далее сны Босого потекли [<i>беспрепятственно</i>] [<i>непрерывно</i>] с перерывами. Он то забывался в непрочной дреме на полу, то, как казалось ему, просыпался. Проснувшись, однако, убеждался, что продолжает грезить. То ему [,] чудилось, что его водили в уборную, то поили чаем все те же белые повара. Потом играла музыка» [1, с. 347].	«Вечером Никанор Иванович был доставлен в лечебницу. Там он вел себя беспокойно настолько, что ему пришлось сделать чудодейственное впрыскивание по рецепту Стравинского, и лишь после полуночи Никанор Иванович уснул, уснул [<i>тяжело</i>] изредка [<i>мыча</i>] издавая тяжелое страдальческое мычание. Но чем дальше, тем легче становился его сон. Он перестал ворочаться и стонать, задышал легко и ровно, и пост у него в комнате сняли. Тогда Никанора Ивановича посетило сновидение, в основе которого несомненно были его сегодняшние переживания» [1, с. 627].

Сон используется с целью описания явлений, связанных с тюрьмой, – заключения, допросов и т. п. Если во второй редакции сон и реальность в сознании Босого сливаются, о чем особенно ярко свидетельствует правка «беспрестанно – непрерывно – с перерывами», то в пятой редакции Булгаков снимает эту нарочитость и уводит эпизод пребывания председателя в тюрьме в подтекст, оставляя на поверхности текста ключ к пониманию происходящих с ним событий, сообщая читателю о том, что в основе сновидения, увиденного его героем, «несомненно были его сегодняшние переживания».

Следует отметить, что во второй редакции с целью демонстрации тесной связи сновидения и реальности заключения председателя используется сон во сне: «Босой забылся. Ногами он упирался в зад спящему дантисту, голову повесил на плечо, а затем прислонил ее к плечу рыжего любителя бойцовых гусей. Тот первоначально протестовал, но потом и сам затих и даже всхрапнул. Тут и приснилось Босому, что будто бы все лампионы загорелись еще ярче и даже где-то якобы тренькнул церковный колокол. И тут с необыкновенной ясностью стал грезиться Босому на сцене очень внушительный священник. Показалось, что на священнике [...] прекрасная фиолетовая ряса – мур, наперсный крест на груди, волосы аккуратно смазаны и расчесаны, глаза || острые, деловые и немного бегают. Босому приснилось, что спящие зрители зашевелились, зевая, выпрямились, уставились на сцену» [1, с. 357].

В эпилоге, как в первом, так и втором его вариантах, сообщается о сильном воздействии на Никанора Ивановича событий его сновидения, то есть заключения, так как он яростно ненавидит театры, поэта Пушкина и артиста Куролесова, узнав о смерти которого, «напился до ужаса» [2, с. 808].

Таким образом, сюжет о председателе жилищного товарищества складывается по следующей схеме: встреча с Коровьевым и Воландом – разоблачение в плутовстве – приведение наказания в исполнение Коровьевым (совместно с Азazelло во второй редакции) – арест, состояние безумия – готовность героя принять свою вину и наказание – заключение в тюрьму, безумие – клиника профессора Стравинского – сохранение памяти о событиях.

Цупилюти и Нютон, Суковский и Нютон, Библейский и Нютон, Робинский и Благовест, Римский и Внучата и, наконец, Римский и Варенуха. Эти два образа присутствуют с самого начала со-

здания романа. В первой редакции перед нами предстают два предприимчивых человека, в главе «Мудрецы» описаны их махинации с театральными билетами: «И точно: в Варьете было 2100 мест. К одиннадцати часам был[о]а продана половина. Тут Суковский и Нютон опомнились [om] и кинулись куда-то оба. Через подставных лиц они купили билеты и к полудню заработали, войдя в контакт с барышниками || заработали Суковский 125 рублей, а Нютон 90» [1, с. 45]. После фокусов Воланда на магическом сеансе в Варьете, после молний Гараси Педулаева из Владикавказа (особенно о снежном заносе под Ростовом в июне), после фантастических происшествий (Нютон вместо двух колод карт обнаруживает в кармане пиджака два промасленных блина, бросает их в печку, за дверкой которой тут же жалобно замыкал котенок, когда же заслонка печки была отворена, то из нее появился щенок [1, с. 47–48]) герои сразу разбираются в том, кем на самом деле является Воланд, после чего оба пытаются бежать за границу, причем о действиях друг друга даже не подозревают. В первой редакции также оформляется первое соприкосновение администратора театра с пространством Воланда и его свиты: «Воровски оглянувшись, Благовест выскочил из реквизиторской и побежал к телефону. Он вызвал номер квартиры Берлиоза и с бьющимся сердцем стал ждать голоса. Сперва ему почудился в трубке свист, пустой и далекий, разбойничий в поле. Затем ветер, и из трубки повеяло холодом. Затем дальний необыкновенно густой и сильный бас запел далеко и мрачно... черные скалы, вот мой покой... черные скалы... Как будто шакал захохотал. И опять „черные скалы... вот мой покой...“» [1, с. 48].

Во второй редакции сюжет о финансовом директоре театра оформляется полностью и сохраняется до конца работы над романом: встреча с необыкновенными явлениями, которые требовали обычных объяснений, разоблачающая финдиректора в жадной мечте удаления Степы Лиходеева из театра Варьете, – встреча с Воландом и его свитой, встреча с Варенухой, ставшим вампиром. Оба варианта главы, повествующие о встрече с Варенухой, остаются незавершенными. В пятой (последней рукописной) редакции романа данная глава была написана полностью, здесь присутствуют: встреча с голой девицей в окне (будущей Геллой) – страх – побег из театра и Москвы. В пятой редакции была также написана глава, повествующая о следствии, здесь оформляется цепь дальнейших эпизодов сюжета о финдиректоре:

«состояние невменяемости» [2, с. 770] – арест – допрос – требование заключить в бронированную камеру и приставить вооруженную охрану. В эпилоге сообщается о последующей судьбе финдиректора: клиника и лечение в Кисловодске – уход из театра Варьете – поступление на службу в Театр детских кукол в Замоскворечье.

Во второй же редакции оформляется и сохраняется до конца работы над романом сюжет об администраторе театра: встреча с необыкновенными явлениями в связи исчезновением Степы, разоблачающая склонность лгать по телефону и доносить, – избиение Азazelло и Бегемотом, превращение в вампира. Но в этой редакции романа администратор остается вампиром: «– В уважение к вашему административному опыту, я назначаю вас [десятиником] центурионом вампиров» [1, с. 251], – говорит ему Воланд по завершении бала. В следующий раз, когда Булгаков работает над этим эпизодом (в пятой редакции), то вводит просьбу Варенухи отпустить его («– Вампиром быть не могу, отпустите... **Поплавского до смерти я напугал с Геллой...**»), а также неосведомленность Воланда о содеянном его свитой с администратором театра («– Какой **такой** вампир? Я его **даже** не знаю... **Какой Поплавский?** Что это еще за чепуха?») [1, с. 763]. Таким образом, Булгаков вводит в контекст образа администратора ситуацию выбора, который он совершить не способен. Также следует отметить, что в пятой редакции полностью обозначена вина администратора, сформулированная в речи Азazelло: «– Хамить не надо по телефону, ябедничать не надо, слушаться надо, лгать не надо...» [1, с. 763]. В последующей работе Булгаков убирает упоминание в этом ряду ябеды, и читателю требуется по подтексту эпизодов о Варенухе определить, за что свита Воланда его наказывает: он собирается донести информацию об исчезнувшем Степе в соответствующее учреждение.

Глава о магическом сеансе в театре оформляется с самого начала работы Булгакова над романом. В первой его редакции, в отличие от всех последующих, Воланд сам осуществляет фокусы. На вопрос Воланда, чем наградить Благовеста (будущего Бенгальского), публика отзывается: «– Голову ему *оторвать!*» (Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 126). Получив от публики легкомысленный совет относительно судьбы Благовеста, Воланд обеими руками, со звуком «– Крак!», «как пробку» (Л. 126), отрывает ему голову. На сильно поврежденных листах сложно понять, лучше сказать невозможно, какова реакция зала, исходит ли от

него просьба вернуть несчастному голову, но данная ситуация завершается тем, что Воланд одним взмахом возвращает голову на место (Л. 127). Сильное повреждение страниц не дает возможности сделать вывод о том, что уже в первой редакции герой наказан отрыванием головы из-за своего вмешательства в проведение магического сеанса. В этой же редакции в последующей главе «Мудрецы» читаем: «Пожарный был прост и не врал. Сказал, что, когда голова его отлетела, он видел со стороны свое безглавое тело и смертельно испугался. Воланд, по его мнению, колдун» [1, с. 46]. Таким образом, в первой редакции либо был еще один эпизод с отрыванием головы, либо Благовест здесь является не конференсье, а пожарным.

Недовольство Воланда и его свиты высказываниями конференсье выражается во второй редакции, где схема сюжета о сеансе магии в Варьете складывается полностью и совпадает с окончательным текстом. Так, уже на этом этапе работы Коровьев обвиняет конференсье во лжи: «– Просто он наврал, – пояснил клетчатый и обратился к Мелузи, прибавил, – поздравляю вас соаврами» [1, с. 194]. При этом следует обратить внимание на характер реакции зрительного зала на появление конференсье в начале сеанса магии. Во второй редакции романа зал негативно реагирует на появление конференсье: «Через три минуты с шелестом раздернулся занавес и вышел новый персонаж. Это был пухлый, как женщина, хронически веселый человек в подозрительном фраке и не совсем свежем белье. Весь зал нахмурился, увидев его. Это был конференсье Мелузи» [1, с. 193]. На заключительном этапе работы над этим сюжетом Булгаков снимает такую реакцию зала на появление конференсье, но вводит соответствующую реакцию на его шутки: «Бенгальский сделал паузу, ожидая, что [засмеются] **{произойдет взрыв смеха}**», но так как никто не засмеялся, то он продолжал <...>» [2, с. 245].

После отрывания головы конференсье оказывается в состоянии безумия: «Курьер побежал за врачом. Бенгальского пробовали уложить на диван в уборной, но он стал отбиваться, сделался буен. Пришлось вызывать карету. Когда несчастного конференсье увезли, Римский побежал обратно на сцену и увидел, что на ней происходят уже новые чудеса» [2, с. 628]. И из главы 13 «Явление героя» мы узнаем, что конференсье оказывается помещенным в клинику Стравинского: «Когда все затихло, гость вернулся и сообщил, что и 120-ая комната получила жильца. Привезли какого-то,

который просит вернуть ему голову» [2, с. 643]. Такой порядок событий в романе сложился не сразу. В первой редакции конферансье после отрывания головы возвращается к своей работе. В главе «Мудрецы», повествующей о действиях двух персонажей, предшественников Римского и Варенухи, и, в отличие от главы о сеансе в Варьете, сохранившейся полностью, сообщается о судьбе конферансье, пережившего отрывание головы: «Во первых весь состав служащих отравил жизнь Осипу Григорьевичу, расспрашивая, что он пережил [...] **осматривали шею Осипа, но шея оказалась как шея без всякой отметины...** Осип Григорьевич сперва злился, потом [...] смеялся, потом врал что-то о каком-то тумане и обмороке, потом врал, что голова у него осталась на плечах, а просто Воланд его загипнотизировал **и публику**, потом удрал домой» [1, с. 46]. Работая над второй редакцией романа, Булгаков создает два варианта рассматриваемой главы. В первом ее варианте отсутствует безумное состояние конферансье: «И Мелунчи удалился со сцены. Под звуки всё того же нелепого марша, который по собственной инициативе заиграл дирижер» [1, с. 200]. Во втором варианте главы о магическом сеансе в Варьете обозначается безумие, охватившее конферансье после потери головы: «Чембукчи, все так же безумно улыбаясь, дошел только до пожарного поста и возле него упал в обморок» [1, с. 326]. И во втором варианте главы о возвращении Варенухи сообщается об «отъезде Чембукчи в психиатрическую лечебницу к профессору Стравинскому <...>» [1, с. 337].

Как мы узнаем из эпилога романа, конферансье проводит в клинике три месяца, по выходе же из нее оставляет службу в театре, утратив свои способности, и, как другие «жертвы луны» в романе, приобретает привычку «<...> каждую весну в полнолуние впадать в тревожное состояние, внезапно хвататься за шею, испуганно оглядываться и плакать» [1, с. 807].

Таким образом, схема сюжета о конферансье включает в себя следующие звенья: встреча с Воландом и его свитой – разоблачение во вранье – наказание посредством отрывания головы (Воландом в первой редакции, затем его свитой) – безумие – клиника – лишение должности – сохранение памяти о событиях.

В этой же главе мы встречаем еще одного разоблачаемого героя. Сюжет о председателе акустической комиссии сложился в романе с самых истоков его создания. В первой редакции романа на сохранившихся фрагментах страниц главы о сеан-

се в Варьете прочитывается история о разоблачении Воландом Петра Александровича (Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1 Л. 132–132 об.) – звенья этой истории сохраняются до конца работы над романом. Аркадий Аполлонович Семплеяров, председатель акустической комиссии московских театров, на сеансе черной магии в Варьете был разоблачен в «омерзительных преступлениях против верности» [2, с. 769] супруге и в использовании служебного положения в личных целях. В качестве наказания он претерпевает семейный скандал и избиение зонтиком на публике, а затем продолжение скандала дома ночью. После этих событий Аркадий Аполлонович находится в болезненном состоянии: в главе 27 «Конец квартиры № 50» (напомним, впервые в истории создания романа появившейся только в его последней рукописной – пятой – редакции) читатель застаёт героя на ложе, «<...> на котором тот лежал, испытывая адские терзания при воспоминании о вчерашнем сеансе и ночном скандале, сопровождавшем изгнание из квартиры саратовской его племянницы» [2, с. 769]. Далее сюжет об Аркадии Аполлоновиче включает в себя допрос: «Первый, кому пришлось побывать в светящемся электричеством бессонном этаже, был Аркадий Аполлонович Семплеяров, председатель акустической комиссии» [1, с. 768]. На этом его злоключения не заканчиваются – Аркадий Аполлонович занимает не свое место и в качестве наказания теряет должность, о чем сообщается в эпилоге романа: «Того в два счета перебросили в Брянск и назначили заведующим грибнозаготовочным пунктом. <...> Дело прошлое, и можно сказать, что не клеились у Аркадия Аполлоновича дела с акустикой и, сколько ни старался он улучшить ее, она какая была, такая и осталась» [2, с. 808]. Следует отметить, что подобное наказание сложилось в контексте этого образа уже в первой редакции романа, где в главе «Мудрецы» сообщается: «Затем вышла „Вечерняя Газета” и в ней громовое сообщение о том, что Аполлона Павловича выбросили из должности в два счета. Следовал[а]о это сообщение непосредственно за извещение<м> исходящим от компетентного органа, укорявшего Аполлона Павловича в неких не этических поступках. Каких именно сказано не было, но по Москве зашептались, захихикали обыватели „Зонтики... шу-шу, шу-шу...”» [1, с. 46].

Таким образом, сюжет о председателе акустической комиссии строится по следующей схеме: встреча с Воландом и его свитой – разоблачение в неверности и использовании служебного положе-

ния в личных целях (Воландом в первой редакции, затем его свитой) – семейный скандал, избитие – болезненное состояние – допрос, на котором он разоблачает сам себя, – «изгнание» из Москвы и с должности.

Примечания

* Здесь и далее ссылки на текст поврежденных рукописей первой редакции романа приводятся с указанием номера фонда, картона и единицы хранения в соответствии с описью архива М. А. Булгакова в НИОР РГБ (Ф. 562), составленной М. О. Чудаковой. Текст других редакций романа приводится по изданию, представленному в списке литературы данной статьи. Для передачи динамики становления текста всех редакций романа мы используем следующие графические условные обозначения. Текст без правки передается прямым простым шрифтом – текст. Текст, вычеркнутый писателем, заключен в прямые скобки и выделен курсивом – *[текст]*. Текст, вставленный писателем в процессе письма, обозначен полужирным шрифтом – **текст**. Вставка второго слоя рукописной правки обозначена фигурными скобками, полужирный шрифт – {**текст**}. Конъектура, приводимая в случае передачи текста на поврежденных листах, пропуска слов, наличия недописанных и неразборчиво написанных слов и описок, указана в угловых скобках и выделена курсивом – <текст>. Неразборчивые места обозначены пометой <нрзб.>. Завершение страницы и переход к следующей обозначены двумя прямыми вертикальными чертами ||. Текст черновиков печатается по современной орфографии, однако сохраняется авторская пунктуация и форма написания слов.

Библиографический список

1. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст: в 2 т. [Текст] / М. А. Булгаков; [сост., текстол. подгот., публикатор, авт. предисл., коммент. Е. Ю. Колышева]. – М.: Пашков дом, 2014. – Т. I. – 840 с.
2. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст: в 2 т. [Текст] / М. А. Булгаков; [сост., текстол. подгот., публикатор, авт. предисл., коммент. Е. Ю. Колышева]. – М.: Пашков дом, 2014. – Т. II. – 816 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bulgakov, M. A. Master i Margarita. Polnoe sobranie chernovikov romana. Osnovnoy tekst [Tekst] : v 2 t. / M. A. Bulgakov; [sost., tekstol. podgot., publikator, avt. predisl., komment. E. Ju. Kolysheva]. – M. : Pashkov dom, 2014. – T. I. – 840 s.
2. Bulgakov, M. A. Master i Margarita. Polnoe sobranie chernovikov romana. Osnovnoy tekst [Tekst] : v 2 t. / M. A. Bulgakov; [sost., tekstol. podgot., publikator, avt. predisl., komment. E. Ju. Kolysheva]. – M. : Pashkov dom, 2014. – T. II. – 816 s.

Reference List

1. Bulgakov M. A. The Master and Margarita. Complete collection of draft copies of the novel. Main text: in 2 v. [author, publisher, author of the foreword and comments E. Yu. Kolysheva]. – M. : Pashkov Dom, 2014. – V. I. – 840 p.
2. Bulgakov M. A. The Master and Margarita. Complete collection of draft copies of the novel. Main text: in 2 v. [author, publisher, author of the foreword and comments E. Yu. Kolysheva]. – M. : Pashkov Dom, 2014. – V. II. – 816 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

Н. Н. Иванов

**Маленький человек А. И. Солженицына
в контексте нравственных поисков русской литературы XX столетия**

В работе уточнены эстетические и художественно-онтологические реалии интерпретации русскими писателями темы маленького человека в условиях второй половины XX столетия. Рассмотрены взаимодействия фольклорно-апокрифической и собственно литературной традиций. По-новому на уровнях межтекстовых переключек, аллюзий, мотивов интерпретированы известные произведения.

Работа адресована филологам, литературоведам, преподавателям, студентам.

Ключевые слова: русская проза XX столетия, повествовательные жанры.

N. N. Ivanov

**A. I. Solzhenitsyn's Little Person in the Context
of Moral Search of the XX century Russian Literature**

In the work aesthetic and art-ontologic realities of interpretation by the Russian writers of a subject of the little person in conditions of the second half of the XX century are specified. Interactions of folklore and apocryphal and actually literary traditions are considered. The famous works are interpreted in a new way, at the levels of intertext musters, allusions, motives.

The work is addressed to philologists, literary critics, teachers, students.

Keywords: Russian prose of the XX century, narrative genres.

Повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованная в начале 1960-х гг. почти синхронно в журналах «Новый мир» и «Роман-газета», вызвала обширные и разноречивые отклики. С. Маршак назвал её повестью не о лагере, но «о человеке» [4]. Н. Губко полагал, что человек в ней «побеждает», а «лучшие традиционные черты русской прозы XIX в. соединились с поисками новых форм» – «полифоничностью, синтетичностью» [2, с. 214]. В статье 1964 г. «Иван Денисович, его друзья и недруги» В. Лакшин писал, что Солженицын, «поставив себя как будто в самые трудные и невыгодные условия перед читателем, который никак не ожидал познакомиться со «счастливым днём жизни заключённого», гарантировал «полную объективность своего художественного свидетельства» [3, с. 225–226].

Отличающаяся по тону, смыслу оценки и сама повесть, автор которой был далеко не объективен, повесть, включённая сегодня в школьные программы, интригует даже современного, научившегося воспринимать разную литературу читателя.

Чем так интересен человек, заслонивший собою лагерь, и побеждает ли он? Насколько типичен этот персонаж для русской прозы; где его место в лагерной теме, пусть и не особенно разработанной, но и не закрытой на рубеже 1950–60-х гг. для литературы? Если в искусстве возможна «объ-

ективность художественных свидетельств», то в повести Солженицына они должны быть именно в сфере знания о лагере, но не о человеке. Иначе говоря, что нового в Иване Денисовиче на фоне знания о человеке, данного русской классикой XIX–XX вв.? Принадлежность к типу ЗК? Но человек на каторге, каторга и ссылка в многообразии социальных, религиозных, нравственных, бытийных и бытовых аспектов представлены в «Записках из мертвого дома», «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. Образы ЗК вывел М. Пришвин в романе «Осударева дорога»; роман был опубликован в 1957 г., переиздавался до появления «Одного дня». Памятны суждения участников тех первых, начала 1960-х гг., открытых полемик вокруг А. И. Солженицына, Ивана Денисовича, авторского отношения к человеку. Трактовки образа и авторская концепция человека, полярные интерпретации повести разделили литературоведов, критиков, читателей на сторонников и противников Солженицына. Почему?

Образ Ивана Денисовича не гармонировал с ведущими представлениями о человеке, сформированными русской литературой и XIX, и XX столетий. Жизнеутверждающий пафос пьесы М. Горького «На дне», заявленный в преддверии нового, XX в. (премьера состоялась в МХТ в 1902 г.), пьесы, в которой одна смерть закономерно сменяет другую, а обитатели ночлежного подвала

пребывают в состоянии неизбывной хмельной эйфории; пафос слов о человеке, вложенных Горьким в уста пьяного Сатина, красив и сегодня. Это прославление творческих возможностей человека, его таланта, ума. «Человек – вот правда! <...> Человек! Это – великолепно! Это звучит гордо! <...> Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью» [1, с. 242]. Сатин не соглашается ни с христианской доктриной страдания, ни с мещанским идеалом благополучия, столь ненавистным Горькому. Сатин говорит о человеке, который «выше сытости». В публицистике Горького означенные идеи в виде лейтмотивов развёрнуты детально и убедительно: человека создает сопротивление окружающей среде; следует бороться с пассивизмом и утверждать активное отношение к жизни. М. Горький, М. Пришвин развивали в переписке, публицистике, творчестве тему геооптимизма, предвосхитив многие идеи В. И. Вернадского. «Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел» [5, с. 239]; «Как вернуть свои переживания в природу. Как раскрыть их во всю стихийную ширь?» [5, с. 239]; «Я жил, получая кровь от матери-земли, и тут какая-то большая радость и любовь была и правда» [5, с. 252].

Солженицын с означенными тенденциями гуманизма не спорил прямо, но внутренняя полемика, реализованная художественными средствами, безусловно, в повести есть. Сказ как повествовательная установка автора на устную речь, на тип сознания персонажа избавил автора же от прямых оценок Шухова, о симпатиях к нему Солженицын позднее заявил в книге «Архипелаг ГУЛАГ». Экспрессивные пейзажные детали концентрируют талантливо смоделированную бесчеловечность мироздания: свет прожекторов размывает звезды на ночном небе, красное утреннее солнце – без лучей, между столбами света Шухов и Кильдиг видят гипотетическую колючую проволоку.

Иван Денисович принадлежит к типу литературы не советской: он довольствуется малым, на борьбу с обстоятельствами не встает; и это невольно заставляет пересматривать идеалы, корректировать требования к человеку. Допускаем, что подобный мотив и вызывал внутреннее, психологическое, несогласие читателей с Шуховым. Показательно, что в столь сокровенном вопросе Солженицын заставляет Ивана Денисовича раскрываться в беседе с баптистом Алешкой. Шухов жив именно хлебом единым или хлебом насущным, «пайкой», в лагерной терминологии.

Шухов и не «советский простой человек», который «по полюсу гордо шагает», а просто человек. Но он и не маленький человек в традиционном понимании этого типа русскими писателями XIX в. Акакий Акакиевич Гоголя – какой-никакой, но всё же – художник, творец. Богатый духовный мир, оттенки высоких, сильных чувств свойственны маленьким людям Достоевского.

Каковы же духовные запросы Ивана Денисовича? «Человек робкий», качать права «не смел». Стремился «подработать», «услужить»; ничего так жалко не было за восемь лет, как «ботинков». Основной мотив его мыслей и поступков – еда: «пайка», «полпайки», рыбный скелет в баланде, кусочек сахара, отрезок колбасы. «В лагерях Шухов не раз вспоминал, как в деревне раньше ели: картошку – целыми сковородами, кашу – чугунками, а еще раньше, по-без-колхозов, мясо – ломтями здоровыми. Да молоко дули – пусть брюхо лопнет. А не надо было так, понял Шухов в лагерях. Есть надо – чтоб думка была на одной еде, вот как сейчас эти кусочки малые откусываешь и языком их мнешь <...> и такой тебе духовитый этот хлеб черный сырой. Что Шухов ест восемь лет, девятый? Ничего. А ворочает? Хо-го! Так Шухов занят был своими двумястами граммами» [6, с. 32, 33]. «Двести грамм жизнью правят. На двести грамм Беломорканал построен» [6, с. 40]. По Шухову, не сердце в центре человека; язык и щеки трансформируют вкусовые ощущения в духовные: *хлеб духовитый черный*. Повествователь аллюзивным способом включают контекст смыслов о хлебе: и фольклорные, и библейский Христа, и упомянутый горьковский о человеке «выше сытости», и заданные сочинениями А. Платонова («Сухой хлеб»), К. Г. Паустовского («Тёплый хлеб») и другими писателями.

Находящиеся в лагере представители интеллигенции далеки от практичного крестьянского мира Шухова, для которого «непостижима» их, Коли Вдовушкина, например, бумажная работа. Шухов наделён чертами народных типов, преодолевающих жизнь как-то природно, вне интеллекта: Платон Каратаев, или Федор Кузькин из повести Б. Можаева «Живой», или персонажи «Плотничих рассказов» В. И. Белова. «Это верно, кряхти да гнишь. А упрешься – переломишься» [6, с. 34]. «Восемь лет сидки» есть, и еще два ждет, но «руки у Шухова ещё хорошие, смогают, неуж он себе на воле верной работы не найдет» [6, с. 29]. Такая жизненная цепкость заслуживает уважения.

Библиографический список

1. Горький, М. Собрание сочинений. В 12 т. Т.7. Пьесы [Текст]. – М., 1987.
2. Губко, Н. Человек побеждает [Текст] // Звезда. 1963. – № 3.
3. Лакшин В. Иван Денисович, его друзья и недруги [Текст] // Новый мир. 1964. – № 1.
4. Маршак, С. Правдивая повесть [Текст] // Правда. 1964. 30 января.
5. Пришвин и современность. – М., 1978.
6. Солженицын А. Рассказы [Текст]. – М., 1991.

Bibliograficheskij spisok

1. Gor'kij, M. Sbranie sochinenij. V 12 t. T.7. P'esy [Tekst]. – M., 1987.
2. Gubko, N. Chelovek pobezhdaet [Tekst] // Zvezda. 1963. – № 3.
3. Lakshin V. Ivan Denisovich, ego druž'ja i nedrugy [Tekst] // Novyj mir. 1964. – № 1.

4. Marshak, S. Pravdivaja povest' [Tekst] // Pravda. 1964. 30 janvarja.
5. Prishvin i sovremennost'. – M., 1978.
6. Solzhenicyn A. Rasskazy [Tekst]. – M., 1991.

Reference List

1. Gorky M. Collected works. In 12 v. V.7. Plays. – M., 1987.
2. Gubko N. Man wins against // Zvezda. 1963. – № 3.
3. Lakshin V. Ivan Denisovich, his friends and foes // Novy mir. 1964. – № 1.
4. Marshak S. Truthful story // Pravda. 1964. January 30.
5. Prishvin and present. – M., 1978.
6. Solzhenitsyn A. Stories. – M., 1991.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

В. А. Галанова

Фёдор Глинка и его современники: влияние на русскую литературу

В статье обсуждается проблема связи творчества Фёдора Глинки с творчеством современников, специфические особенности творчества Фёдора Глинки и Владимира Бенедиктова. В 1854 году было написано стихотворение «Здравствуй, деятель и зритель...». В этом стихотворении, посвящённом творчеству Фёдора Глинки, автор прямо говорит о том, как творчество Глинки оказало на него влияние ещё в детстве. Похожим образом он отзывался о поэме Ф. Глинки «Иов», отмечая, что от душевных страданий его спас лирический герой поэмы.

Ключевые слова: литературные жанры, поэма, литература, Фёдор Глинка, Владимир Бенедиктов.

V. A. Galanova

Fiodor Glinka and His Contemporaries: Influence on Russian Literature

In the article is discussed the problem of communication of Fiodor Glinka's creativity with contemporaries' creativity, specific features of creativity of Fiodor Glinka and Vladimir Benediktov. In 1854 the poem «Hi, Figure and Viewer» was written ... In this poem devoted to Fiodor Glinka's creativity, the author directly says about how his creativity influenced him in childhood. Similarly he speaks about F. Glinka's poem «Job», noting that the lyrical hero of the poem saved him from sincere sufferings.

Keywords: literary genres, poem, literature, Fiodor Glinka, Vladimir Benediktov.

В 1830 году вышла поэма Фёдора Глинки «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой».

В этом же году Александр Пушкин пишет рецензию «Описательное стихотворение в четырёх частях Фёдора Глинки», которая была опубликована в «Литературной газете». Н. К. Замков в своей работе «Пушкин и Глинка» уточняет, что первоначально рецензия была анонимной, и только в 1910-е гг. Л. М. Гофман сумел установить её автора. Исследователь Ю. Г. Оксман в комментариях к поэме уточняет, что первоначально вариантом начала рецензии на «Карелию» является набросок «Москва была освобождена...», содержащая краткий пересказ содержания поэмы и исторической основы, послужившей материалом для поэмы.

В начале рецензии Пушкин называет Фёдора Глинку, как и Евгения Баратынского, оригинальным поэтом [20]. При этом Пушкин уточняет, что из всех русских поэтов Федор Глинка, «может быть, самый оригинальный». Характеризуя творчество Глинки, поэт отмечает его характерные особенности и узнаваемый стиль. Отличительными чертами названы «небрежность рифм и слога», яркость и оригинальность оборотов, простота, сочетаемая с изысканностью, теплота чувств, однообразие мыслей и при этом свежесть живописи. В качестве доказательства публикуются отрывки из поэмы «Карелия», в которой «как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта».

В рецензиях Пушкина на творчество Евгения Баратынского и Фёдора Глинки сделан акцент на слове «оригинальный».

«Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко», – пишет Пушкин в отрывке «Баратынский».

Повторим: «Из всех русских поэтов Глинка, может быть, самый оригинальный», – пишет Александр Пушкин в своей рецензии на творчество Фёдора Глинки «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение в четырёх частях».

В отношении Баратынского Пушкин употребляет слово «оригинальный» в сослагательном наклонении («он был бы оригинален»), как бы подчеркивая условный, даже декоративный характер в изображении природы Карелии. Дважды повторённое слово «мыслит» подчёркивает некую надуманность, рационалистическую рефлексию, которую Пушкин усматривает в тексте Баратынского. В то же время в поэме Ф. Глинки Пушкин видит оригинальность эпизодов природы в их первозданности, естественной эпичности.

В отношении Ф. Н. Глинки, в отличие от Е. Баратынского, А. С. Пушкин употребляет слово «оригинальный» в значении «природный». Пушкин называет Глинку «самым оригинальным», то

есть подчеркивает, что он ближе всех находится к природе. Слово «оригинальный» здесь означает «природный», «естественный», «самобытный».

Если во фрагментах рецензий на творчество Евгения Баратынского шла речь об отношении критиков к поэме «Эда», то в данной рецензии критические работы не упоминаются вовсе. В данной работе Александр Пушкин сам отказывается от критического разбора, вместо него, как бы любясь текстом, публикует несколько отрывков из поэмы. Как поясняет Александр Пушкин, в опубликованном фрагменте монах рассказывает Марфе Иоанновне о своем прибытии в Карелию.

Значительно отличаются отрывки, представленные в рецензии в качестве примера. В рецензии на поэму Евгения Баратынского А. С. Пушкин приводит два небольших отрывка в качестве примера. В рецензии на поэму Федора Глинки тоже представлены два отрывка, но их объем занимает почти две страницы.

В данных отрывках идет речь о впечатлениях о природе Карельского края и её различных состояниях в течение года. Начинается отрывок описанием прибытия в Карельский край, с помощью которого А. С. Пушкин знакомит читателей с Карелией Глинки. Приведенный отрывок сопровождается пояснением Пушкина. В скобках поэт уточняет, что в данном фрагменте монах рассказывает о своём прибытии в Карелию.

В качестве примера Пушкин приводит отрывок, начинающийся с рассказа о пожаре. Пример выбран неслучайно и с самого начала поражает читателя описанием облика Карелии. В начале рецензии читатель узнает о том, что речь пойдет о северном, холодном крае, и вряд ли ожидает увидеть его жарким, пылающим. Затем речь идет о «диком» крае, который предстает в разные времена года суровым и прекрасным. От описания Карелии лирический герой переходит к описанию местных жителей и особенностей их языка. Затем Карелия предстаёт не только суровой, но и «музыкальной», лирический герой восхищается голосом птиц, леса, ручьев. Завершает отрывок описание могучего водопада Кивач. Впервые водопад был воспет Державиным в одноименном стихотворении. Вслед за Державиным Фёдор Глинка восхищается его (водопада) силой и могуществом. Во втором отрывке Пушкин повествует о мифической стране духов. Завершается отрывок описанием чудесной страны и сравнением её с суетным светом. Методом отрицания лирический герой перечисляет пороки и недостатки, которых нет в Карельском крае. На этом Александр Пушкин за-

вершает рецензию, никак не комментируя последний фрагмент, оставляя за читателем право самому сделать выводы о творчестве Фёдора Глинки.

Говоря о связи творчества Фёдора Глинки с произведениями других поэтов, необходимо особенно отметить его влияние на литературное наследие поэта Владимира Бенедиктова.

Владимир Бенедиктов родился 5 ноября 1807 года в Санкт-Петербурге в семье чиновника [21, с. 429]. Поэт воспитывался в Олонецкой гимназии и во 2-ом кадетском корпусе в Петербурге. Затем поступил служить в звании прапорщика в лейб-гвардии Измайловский полк, с которым участвовал в походе 1831 г. против польских мятежников. Вернувшись в Петербург, поступил на службу в Министерство финансов, выйдя в отставку в 1860 году. Литературной деятельностью занялся в 1835 году. По словам И. И. Панаева, В. А. Жуковский отзывался о новом поэте с восторгом, как и многие критики и читатели. Но при этом В. Г. Белинский отмечал, что в стихотворениях присутствует только талант стихотворца, то есть умение ловко владеть размером и рифмой, но почти совсем отсутствует поэтическое дарование.

В 1856 году вышло в свет полное собрание стихотворений Бенедиктова в 3-х томах, а в следующем году в виде дополнения к этому собранию – «Новые стихотворения». В 1884 году товариществом М. О. Вольфа было издано 2-е полное собрание стихотворений Бенедиктова под редакцией и с вступительной статьей Я. П. Полонского.

Время, проведенное в Олонецкой губернии, серьёзно отразилось на творчестве поэта. Память о годах, проведенных в Олонецкой губернии, поэт сохранил на всю жизнь. Красота Русского Севера описывается в стихотворениях «К товарищам детства», «Озеро», «Утес», «Горячий источник», «Ф. Н. Глинке».

Владимир Бенедиктов был не только знаком с творчеством певца Карелии Фёдора Глинки, но и посвятил ему стихотворение, написанное 12 мая 1854 г. Стихотворение называется «Ф. Н. Глинке», также известное в сборниках как «Ф. Н. Глинке (Здравствуй, деятель и зритель...)».

Уже в начале стихотворения поэт называет Фёдора Глинку «музы доблестный служитель», восхищаясь не только талантом, но и отвагой, проявленной им в военных сражениях. Идиому «служитель муз» одним из первых применил Иван Дмитриев в стихотворении «Служитель муз, хочу воспеть...» 1794 г. Согласно определению Словаря синонимов В. Н. Тришина, «служитель муз – поэт, кифаред, певец, стихотворец». В дальнейшем

данная идиома предназначалась для обозначения литературных деятелей. Она получила достаточно широкое распространение в художественной литературе и публицистике. В своём стихотворении Бенедиктов несколько изменил идиому, добавив новое значение. Определение «доблестный» подчёркивает многочисленное творчество, связанное с батальной тематикой. Это, прежде всего, многочисленные «Письма русского офицера», благодаря которым Фёдор Глинка получил литературную известность, а также различные стихотворения, воспевавшие события того времени. Таким образом, в стихотворении автор высоко оценил отвагу поэта.

Поэт подчёркивает богатый жизненный опыт Глинки («деятель и зритель многих чудных жизни сцен»), отмечая, что тот был не только свидетелем, но и непосредственным участником многих исторических событий своего времени. Кроме того, Владимир Бенедиктов называет Фёдора Глинку «представителем славных дедовских времен», демонстрируя уважение не только к писателю, но и к его эпохе, которую он застал в первой трети века. При этом творческий путь поэта начался значительно позже, эту эпоху он не застал, и она для него осталась на страницах истории. Но, несомненно, это время для поэта стало своеобразным «золотым веком», временем достойных поэтов и достойного отношения к поэзии. В представлении автора сами творцы высоко ценили честь и красоту слова.

*Знал ты время, ведал лета,
Как людьми еще был дан
В мире угол для поэта
И певец пред оком света
Чтил в себе свой честный сан.*

В стихотворении отмечается всё богатство творчества Фёдора Глинки. Подчёркивается, что поэт, пройдя немало сражений, достойно воспевал воинскую доблесть. В мирное время он приносил радость и утешение «песнью мирной». А во время пиров также мог радостно воспеть красоту праздника.

Говоря о бережном отношении Фёдора Глинки к литературной речи, автор напоминает о том, что для поэта невозможно допускать вольности в обращении с языком. В отличие от некоторых современников он не позволял себе и грубых насмешек:

*Он глумленьем непристойным
Не кривил свои уста.*

Не исключено, что Бенедиктов противопоставлял творчество поэта действиям критиков, неред-

ко достаточно резко высказывавшихся о чужом творчестве. Юрий Безелянский в своём произведении «69 этюдов о русских писателях» рассказывает об отношении критиков к творчеству Бенедиктова [4]. Особенно сильно критиковали его поэзию Виссарион Белинский и Николай Добролюбов. В частности, В. Г. Белинский называл поэзию Бенедиктова «не поэзия природы, или истории, или народа, – а поэзия средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга» [5, с. 38–40]. Тем не менее, поэт не заостряет внимания на данном явлении, и в следующем пятистишии напоминает о том, что не допускал Фёдор Глинка и заимствования иностранных слов. В данном случае трудно выделить отсылку к творчеству определённого поэта, поскольку многие современники нередко использовали в своих произведениях фразы из французского языка либо латыни. Глинка же не стремился подражать данной моде:

*И не мнил он обеспечить
Беззаконный произвол –
В русском слове чужеречить,
Рвать язык родной, увечить
Богом данный нам глагол.*

Примечательно, что, рассказывая о достоинствах языка поэзии Глинки, Бенедиктов изобретает неологизм «чужеречить». Использование неологизмов являлось характерной чертой творчества поэта, это отмечали как критики данной эпохи, так и современные литературоведы. Юрий Айхенвальд, упоминая о большом количестве неологизмов, отмечает, что очень немногие из них «получили права гражданства в русском языке» [1].

У него – изысканность, деланность, хотя бы и красивая, определений и характеристик; так, корабль для него – «белопарусный алтарь» или «белопарусный вольноборец», колесница небес – «безотъездная»; «женщина – души моей поэма».

Правда, все или почти все неологизмы Бенедиктова, этого, как он сам себя называл, «ремесленника во славу красоты», показывают, что у него было живое чувство языка. Слово дается ему легко, он не ищет его, и хотя выбор слов у него часто неблагородный, но Бенедиктов имеет ту косвенную заслугу, что его стихотворения с их неожиданно открывающейся россыпью слов лишней раз подтверждают, как богат и в своей действительности, и в своих возможностях наш русский язык.

Как отмечает Ю. Безелянский, Бенедиктов был противником «чужеречить язык родной». Он хо-

тел увековечить «Богом данный нам глагол».

Тем не менее, сам поэт всё же допускает просторечия в данном стихотворении. Повествуя о том, что Фёдор Глинка избежал разгромных критических статей, он даёт своеобразную характеристику некоторым критикам:

*Не был вверен суд верховный
Дерзкой стае суесловной-
Дел словесных торгашам.*

От грубой характеристики поэт снова переходит к возвышенному стилю, восхищаясь не только красотой слога, но и твёрдостью характера поэта. Он напоминает о том, что с давних времён Глинка сохранил верность «святыне благородной старины».

Затем Бенедиктов рассказывает о том, что познакомился с творчеством поэта в детстве, «ещё мальчишкой». Особенную яркость впечатлений, произведённых творчеством поэта, он подчёркивает в следующих строчках:

*Поэтической вспышкой
Зажигал меня твой стих.*

Известно, что впечатления, полученные в детском возрасте, могут быть одними из самых ярких и запоминающихся в жизни. Именно так получилось с поэзией Глинки. Автор утверждает, что знакомство с творчеством Глинки стало одним из самых приятных, его стих «слух и сердце лелеял». Богатство христианских образов поэта также запомнилось юному Бенедиктову. От его слов, его поэм веял «аромат библейский», «отзыв неба самого».

Вслед за христианскими мотивами поэт выделяет значимость образов Карельского края в творчестве поэта:

*Ты Карелии природу
В метких ямбах очертил*

Финальное четверостишие стало откликом на гимн Глинки «Ура» («Ура!.. На трех ударим разом!..»), который был написан в Твери 3 ноября 1853 г. и опубликован впервые в Санкт-Петербурге 4 января 1854 г. Гимн Фёдора Глинки получил широкую популярность. Особенно популярен он был в военное время. Гимн был перепечатан во многих сборниках патриотического содержания времен Крымской войны. И «на трех <...> Христа» стало перепевом первой и последней строк гимна Глинки «Оно с Христом и за Христа!..»

Система образов Фёдора Глинки оказала влияние на целый ряд произведений Бенедиктова. Библейская символика отразилась ещё в одном

стихотворении, посвящённом Фёдору Глинке – «Ф. Н. Глинке», написанном в 1859 г. Лирического героя стихотворения утешает «Иов твой много-страдальный» – персонаж одноимённой поэмы Ф. Глинки [9]. Сама поэма была создана между 1826 и 1834 гг. и опубликована в 1859 г. Герой поэмы, библейский святой Иов, претерпел немало страданий и тягот и в итоге обрёл свет и душевный покой. Именно его судьба вспоминается персонажу стихотворения в тягостную минуту. Несмотря на душевные страдания и муки, он слышит «спасительные звуки». Его «отрадно посетил» сам Иов, и в конце концов герой сумел вновь обрести веру и душевные силы. В конце стихотворения персонаж вместе с Иовом обращается к Богу.

Значимое место в творчестве Бенедиктова, как было сказано выше, занимала также природа Русского Севера. В отличие от своего предшественника, вместо поэмы предпочёл для выражения красоты Русского Севера применить малую форму. Стихотворение «Утёс», написанное в 1835 г., посвящено могучему гранитному утёсу. [4, с. 1–3]. Стихотворение состоит из четырёх восьмистиший. Утёс «дик и угрюм», его скаты покрыты мхом, он находится посреди моря и «отвсюду объятый» им, гордо высится в одиночестве. Автор определяет утёс такими эпитетами, как «мрачен, суров». Подчёркивая его высоту, он указывает, что морские валы лишь «лижут могучего пяты», то есть достают лишь до самой нижней части. На его поверхности может расти только вездесущий серый мох. Усиливая его могущество и величие, поэт указывает, что он «взлетел и застыл» «твёрдой гранитной». Похожим образом описывал Фёдор Глинка гранитные скалы в поэме «Дева карельских лесов». Там скалы суровы и безлюдны, к ним даже не смеют пристать корабли:

*Невольный странник, посетил
Я край изгнанья, край печальный,
За коим больше нет земли;
Тех диких скал к гранитной груди
Прильнуть не смеют корабли;
Не смеют поселиться люди
На тех гранитных вышинах*

При этом, несмотря на суровость и холодность утёса, в нём «жар закован природный», он «сын огня, рождённый из недр земли». В заключительном восьмистишии Бенедиктов демонстрирует готовность утёса противостоять силам природы, указывая, что при ветре он «радостью блещет», готов противостоять даже богам: Перун наносит ему удар прямо в сердце, но утёс лишь хохочет

«весь неведимый». Подобное романтическое противопоставление, борьба сил природы между собой, демонстрируется и в обеих поэмах Фёдора Глинки. Похожим образом Фёдор Глинка повествует о карельских скалах:

*Меж скал, где всё безлесный камень,
Громады льдистые в огне:
Из ребр их брызжет звонкий пламень...
Там не браздит резец сохи
Оцепенелые равнины,
Одни лишь поросты и мхи
Узорят дикие картины*

Оба автора отмечают дикость природы: «и дик и угрюм» утёс в стихотворении Бенедиктова, «дикие картины» предстают в поэме Фёдора Глинки «Дева Карельских лесов». Таким образом, романтическое противопоставление, борьба сил природы между собой привлекали обоих авторов.

Стихотворение «Озеро», написанное Бенедиктовым в 1836 г., посвящено карельским озёрам [6, с. 29–33]. В нем поэт воспеваает красоту водоёмов, которые также занимали важное место в обеих поэмах Фёдора Глинки. Поэт повествует о том, что озеро ещё с отрочества оставило у него сильные впечатления (часто «на берегу стоял»). При этом Бенедиктов описывает впечатления необычным образом. В то время как во многих стихотворениях природа вызывает у лирических героев раздумья, лирический герой Бенедиктова «без мысли, но с чувством на влагу взирав». Стихотворение подчёркивает самые яркие чувства, вызванные созерцанием водной глади. Увиденные вдаль на берегу леса, напротив, поэта не привлекали, он отмечает, что «туда не хотелось». Сам поэт любил «пенистую влагу», игры в воде помогли ему воспитать в себе «волю и отвагу». Резвясь в воде, он даже представлял сказочных существ, играя «с нимфою подводной». Для романтической поэзии также свойственно воспевать связь человека со стихией, силу и смелость. Во время грозы лирический герой слышал о том, как местные жители верили в происходящую там «свадьбу духов». Фёдор Глинка в поэме «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» также указывал на царствование многочисленных сказочных существ, прямо называя Карелию «Страна духов». [10, с. 8] Оба автора отмечают и неразрывную связь местных жителей, способных открыть тайны карельской природы. У Фёдора Глинки это «Карелы дикой ведуны»:

*Карелы дикой ведуны
Вам много чудного наскажут
О тайнах сей лесной страны*

*Сорвут покров и вам покажут
Людей, селенья, города,
Их быт, хозяйство, их стада... [10]*

В памяти Бенедиктова остался «певец-рыболов», ставший неотъемлемой частью Карельского края.

*Забуду ль тот берег, где, дик и суров,
Певал заунывно певец-рыболов
На лоне безмолвной природы?*

Таким образом, мы можем сказать, что творчество Фёдора Глинки оказало значительное влияние на творчество Владимира Бенедиктова, посвящённое карельской тематике. Образы Карельского края Фёдора Глинки нашли отражение в стихотворениях поэта. Именно тема Русского Севера стала одним из наиболее развитых направлений, сформировавшихся при непосредственном участии Фёдора Глинки.

Библиографический список

1. Айхенвальд, Ю. И. Силуэты русских писателей. В 3 выпусках. Вып. 3 [Текст] / Ю. И. Айхенвальд. – М., 1906–1910; 2-е изд. – М., 1908–1913.
2. Базанов, В. Г. Поэтическое наследие Федора Глинки (10–30-е гг. XIX в.) [Текст] // Глинка Ф. Н. Избранное. – Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949.
3. Базанов, В. Г. Ученая республика [Текст] / В. Г. Базанов. – М.-Л. : Учпедгиз, 1964. – С. 103–162.
4. Ю. Безелянский. 69 этюдов о русских писателях [Электронный ресурс] / Ю. Безелянский. – Режим доступа: http://thelibrary.ru/books/yuriy_bezelyanskiy/69_etyudov_o_russkih_pisatelyah-read-10.html
5. Белинский, В. Г. Стихотворения Владимира Бенедиктова [Текст] // В. Г. Белинский. Отечественные записки, 1842, т. XXV, N 12, отд. VI «Библиографическая хроника». – С. 38–40.
6. Бенедиктов, В. Г. Стихотворения Владимира Бенедиктова. Первая книга [Текст] // В. Г. Бенедиктов. – СПб. : Типография Департамента внешней торговли, 1842.
7. Бенедиктов В. Г. Стихотворения [Текст] // В. Г. Бенедиктов. – Л. : Советский писатель, 1939. (Бка поэта, большая серия, 2-е изд.).
8. Глинка, Ф. Н. Дева карельских лесов. Повесть в стихах [Текст] / Глинка Ф. Н. Сочинения. Ред. В. Базанов. – Петрозаводск : «Каргосиздат», 1939.
9. Глинка, Ф. Н. Иов. Свободное подражание Священной книге Иова [Текст] / Ф. Н. Глинка – тип. газ. «Русский», 1872
10. Глинка, Ф. Н. Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой [Текст] / Глинка Ф. Н. Сочинения / сост., послесл. и коммент. В. И. Карпеца. – М. : «Советская Россия», 1986. – С. 128.
11. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики

[Текст] / Г. А. Гуковский. – М. : Худож. Лит., 1965. – С. 194–199, 268–273.

12. Замков, Н. К. Пушкин и Ф. Н. Глинка [Текст] // Пушкин и его современники. Пг., 1918. – Вып. 29–30. – С. 78–97.

13. Зверев, В. П. Священная поэзия в творчестве Ф. Н. Глинки [Текст] / В. П. Зверев. – М. : АСТ, 1998.

14. Зверев, В. П. Великодушный гражданин [Текст] // Глинка Ф. Н. Письма к другу. – М. : Современник, 1990. – С. 5–26.

15. Кубанев, В., Поэты пушкинской поры [Текст] / В. Кубанев. – М., 1972. – С. 135.

16. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха [Текст] / Ю. М. Лотман О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – С. 18–27.

17. Манн, Ю. В. Русская литература XIX а. Эпоха романтизма [Текст] / Ю. В. Манн. – М. : Изд. РГГУ, 2007. – С. 177–180.

18. Орлицкий, Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности [Текст] / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2008.

19. Петровский, М. Л. Проблемы поэтики [Текст] / М. Л. Петровский. – Л., 1925. – 286 с.

20. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 11. [Текст] / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996 – 595 с.

21. Томашевский, Б. В. Теория литературы: Поэтика [Текст] / Б. В. Томашевский. – М.-Л. : Госиздат, 1925. – 320 с.

22. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). [Текст]. – СПб., 1891. – Т. III. – С. 429.

Bibliograficheskij spisok

1. Ajhenval'd, Ju. I. Silujety russkih pisatelej. V 3 vypuskah. Vyp. 3 [Текст] // Ju. I. Ajhenval'd. – М., 1906–1910; 2-е изд. – М., 1908–1913.

2. Bazanov, V. G. Pojeticheskoe nasledie Fedora Glinki (10–30-e gg. XIX v.) [Текст] // Glinka F. N. Izbrannoe. – Petrozavodsk : Gos. izd-vo Karelo-Finskoj SSR, 1949.

3. Bazanov, V. G. Uchenaja respublika [Текст] / V. G. Bazanov. – М.-Л. : Uchpedgiz, 1964. – С. 103–162.

4. Ju. Bezeljanskij. 69 jetjudov o russkih pisateljah [Jelektronnyj resurs] / Ju. Bezeljanskij. – Rezhim dostupa: http://thelib.ru/books/yuriy_bezelyanskij/69_etyudov_o_russkih_pisatelyah-read-10.html

5. Belinskij, V. G. Stihotvorenija Vladimira Benediktova [Текст] // V. G. Belinskij. Otechestvennye zapiski, 1842, t. XXV, N 12, otd. VI «Bibliograficheskaja hronika». – С. 38–40.

6. Benediktov, V. G. Stihotvorenija Vladimira Benediktova. Pervaja kniga [Текст] // V. G. Benediktov. – СПб. : Tipografija Departamenta vneshnej trgovli, 1842.

7. Benediktov V. G. Stihotvorenija [Текст] // V. G. Benediktov. – Л. : Sovetskij pisatel', 1939. (B-ka pojeta, bol'shaja serija, 2-е изд.).

8. Glinka, F. N. Deva karel'skih lesov. Povest' v stihah [Текст] / Glinka F. N. Sochinenija. Red. V. Bazanov. – Petrozavodsk : «Kargosizdat», 1939.

9. Glinka, F. N. Iov. Svobodnoe podrazhanie Svjashhennoj knige Iova [Текст] / F. N. Glinka – tip. gaz. «Russkij», 1872

10. Glinka, F. N. Karelija, ili zatochenie Marfy Ioanovny Romanovoj [Текст] / Glinka F. N. Sochinenija / sost., poslesl. i komment. V. I. Karpeca. – М. : «Sovetskaja Rossiya», 1986. – С. 128.

11. Gukovskij, G. A. Pushkin i russkie romantiki [Текст] / G. A. Gukovskij. – М. : Hudozh. Lit., 1965. – С. 194–199, 268–273.

12. Zamkov, N. K. Pushkin i F. N. Glinka [Текст] // Pushkin i ego sovremenniki. Pg., 1918. – Vyp. 29–30. – С. 78–97.

13. Zverev, V. P. Svjashhennaja poezija v tvorchestve F. N. Glinki [Текст] / V. P. Zverev. – М. : АСТ, 1998.

14. Zverev, V. P. Velikodushnyj grazhdanin [Текст] // Glinka F. N. Pis'ma k drugu. – М. : Sovremennik, 1990. – С. 5–26.

15. Kubanev, V., Pojety pushkinskoj pory [Текст] / V. Kubanev. – М., 1972. – С. 135.

16. Lotman, Ju. M. Analiz pojeticheskogo teksta: Struktura stiha [Текст] / Ju. M. Lotman O pojetah i poezii. – SPb. : Iskusstvo-SPb, 1996. – С. 18–27.

17. Mann, Ju. V. Russkaja literatura XIX a. Jepoha romantizma [Текст] / Ju. V. Mann. – М. : Изд. RGGU, 2007. – С. 177–180.

18. Orlickij, Ju. B. Dinamika stiha i prozy v russkoj slovesnosti [Текст] / Ju. B. Orlickij. – М. : RGGU, 2008.

19. Petrovskij, M. L. Problemy pojetiki [Текст] / M. L. Petrovskij. – Л., 1925. – 286 с.

20. Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: V 17 t. T. 11. [Текст] / A. S. Pushkin. – М. : Voskresen'e, 1996 – 595 с.

21. Tomashevskij, B. V. Teorija literatury: Pojetika [Текст] / B. V. Tomashevskij. – М.-Л. : Gosizdat, 1925. – 320 с.

22. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. (82 t. i 4 dop.). [Текст]. – СПб., 1891. – Т. III. – С. 429.

Reference List

1. Aykhenvald Yu. I. Silhouettes of the Russian writers. In 3 releases. Issue 3. – М., 1906–1910; 2nd edition. – М., 1908–1913.

2. Bazanov V. G. Poetic heritage of Fiodor Glinka (the 10–30-s of the 19th century) // Glinka F. N. Favourites. – Petrozavodsk : State Karelian-Finnish SSR Publishing House, 1949.

3. Bazanov V. G. Scientific republic. – М.-Л. : Uchpedgiz, 1964. – P. 103–162.

4. Yu. Bezeljansky. 69 etudes about the Russian writers [An electronic resource] / Yu. Bezeljansky. – Access mode:

http://thelib.ru/books/yuriy_bezelyanskij/69_etyudov_o_russkih_pisatelyah-read-10.html

5. Belinsky V. G. Poems by Vladimir Benediktov. Domestic notes, 1842, v. XXV, N 12, dep. VI «Bibliographic chronicle». – P. 38–40.
6. Benediktov V. G. Vladimir Benediktov's Poems. First book. – SPb. : Foreign Trade Department Printing House, 1842.
7. Benediktov V. G. Poems. – L. : Sovetsky pisatel, 1939. (Library of the poet, big series, 2nd edition).
8. Glinka F. N. Virgin of the Karelian woods. The story in verses. Compositions. Editor V. Bazanov. – Petrozavodsk: «Kargosizdat», 1939.
9. Glinka F. N. Job. Free imitation of the Sacred book by Job – Printing House of. «Russky», 1872
10. Glinka F. N. Kareliya, or Marfa Ioannovna Romanova's imprisonment. Compositions / author, afterword and comments of V. I. Karpets. – M. : «Sovetskaya Rossiya», 1986. – Page 128.
11. Gukovsky G. A. Pushkin and Russian romantics. – M. : Khudozh. Lit., 1965. – P. 194–199, 268–273.
12. Zamkov N. K. Pushkin and F. N. Glinka//Pushkin and his contemporaries. Pg., 1918. – Issue 29–30. – P. 78–97.
13. Zverev V. P. Sacred poetry in F. N. Glinka's creativity. – M. : ACT, 1998.
14. Zverev V. P. Generous citizen//Glinka F. N. Letters to the friend. – M. : Sovremennik, 1990. – P. 5–26.
15. Kubanev V., Poets of the Pushkin time. – M., 1972. – P. 135.
16. Lotman Yu. M. Analysis of the poetic text: Structure of a verse / About poets and poetry. – SPb. : Iskusstvo-SPb, 1996. – P. 18–27.
17. Mann Yu. V. Russian literature of XIX. Era of romanticism. – M. : RSHU Publishing House, 2007. – P. 177–180.
18. Orlitsky Yu. B. Dynamics of a verse and prose in the Russian literature. – M. : RSHU, 2008.
19. Petrovsky M. L. Problems of poetics. – L., 1925. – 286 pages.
20. Pushkin A. S. Complete works: In 17 v. V. 11.. – M. : Voskresenie, 1996. – 595 pages.
21. Tomashevsky B. V. Theory of literature: Poetics. – M.-L. : Gosizdat, 1925. – 320 pages.
22. Brockhaus and Efron's encyclopedic dictionary: in 86 v. (82 v. and 4 annex). – SPb., 1891. – V. III. – P. 429.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

Сенгупта Смиа

Книга Г. С. Лебедева «Беспристрастное созерцание...»: трудности перевода на бенгали

В статье представлены трудности, с которыми столкнулся автор в процессе перевода на бенгальский литературный язык труда первого русского индолога Г. С. Лебедева «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев», впервые опубликованной на русском языке в Санкт-Петербурге в 1805 г. Трудности перевода автор классифицирует на ряд групп. Это лексическая группа, где присутствуют искаженные слова, которые часто Лебедев воспринимал на слух; устаревшие слова, отсутствующие в современном языке; местное словоупотребление. Группа орфографических искажений: слова переданы орфографически неточно, отлично от традиционного написания. Еще одна трудность, по мнению автора, связана с присутствием и неразличением в тексте Лебедева слов из других индийских языков. Немаловажным фактором, повлиявшим на текст, явилась принадлежность Лебедева к совершенно отличной от Индии культурной среде, и поэтому он по-своему интерпретировал индийские реалии. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: перевод, переводчик, текст оригинала, интерпретация, бенгальский язык, стилистика и грамматика языка, первый русский индолог Г. С. Лебедев.

LINGUISTICS

Sengupta Smita

G. S. Lebedev's book «Impartial contemplation ...»: difficulties of translation into Bengali

In the article are presented difficulties, that the author had during the process of translation into the Bengalese literary language of first Russian indianist G. S. Lebedev's work «Impartial Contemplation of East India Systems of Bragmen, Their Solemn Rites and Folk Customs», that was published for the first time in Russian in St. Petersburg in 1805. The author classifies difficulties in translation into a number of groups. It is a lexical group, where there are distorted words, which Lebedev often comprehended, obsolete words, which are absent in the modern language, local word usage. The group of spelling distortions: words are presented with spelling mistakes, in a different way from traditional writing. One more difficulty, according to the author's view, is connected with presence and not distinction in Lebedev's text of the words from other Indian languages. The important factor, which influenced the text was also that Lebedev belonged to the cultural environment, absolutely different from the Indian one, and interpreted the Indian realities in own way. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: translation, translator, text of the original, interpretation, Bengali, stylistics and grammar of language, first Russian indianist G. S. Lebedev.

Переводить прозу или поэзию – неважно, устно или письменно – это непростая работа. Это и так понятно. Насчет того, каким должен быть перевод, дословным или смысловым, есть разные мнения, но, так как время ограничено, я не буду цитировать здесь авторитетных переводчиков. Я просто осмелюсь представить здесь свое мнение, несмотря на небольшой опыт переводческой деятельности.

В Индии сейчас даже появилась новая тенденция называть переводчика не translator, а transcrea-

tor, а перевод, соответственно, – не translation, а transcreation, то есть переводчик тоже своего рода создатель. Но я считаю, что переводчик должен как можно ближе придерживаться текста оригинала, так как то, что он добавляет от себя, неизбежно забирает у текста часть его красоты и аромата. И примеров тому немало.

Я, однако, считаю, что исказить при переводе текст оригинала – все равно, что исправлять сотворенное. У индийцев есть поговорка: «Дорабатывать сотворенное Богом». Для меня писатель

здесь как Бог, а переводчик – всего лишь средство, отражающее его творение. Я считаю, что переводчик должен стремиться к максимальной точности перевода, не облегчая себе задачу добавлением нужных слов или устранением неудобных слов из текста автора ради стилистики другого языка.

Теперь переходим к проблемам и трудностям, которые возникли при переводе этой книги, написанной более 200 лет тому назад [1]. Естественно, русский язык в то время несколько отличался от современного. В 2009 г. книга Герасима Лебедева была переиздана со ссылками и комментариями, предназначенными для современного русского читателя, но язык остался почти таким же [2].

Поэтому работа над переводом представляла ряд трудностей. Во-первых, еще на прошлой конференции для себя я решила, что для передачи духа того времени книга будет переведена не на разговорный, а на литературный бенгальский язык, что усложняло работу. Во-вторых, трудности представляла и сложность тематики самой книги, требовавшая от переводчиков определенных знаний.

Трудность представляла и передача особенностей стилистики Г. Лебедева. Например, в его тексте немало длинных, на целый абзац, сложных предложений (например, в обращении к Императору Александру Павловичу и др.). Это довольно сложно передать на бенгальском языке, стилистика и грамматика которого не позволяют составлять столь длинные фразы. Тем не менее, для передачи особенностей языка автора при переводе длина предложений была сохранена.

Есть и еще одна особенность текста Лебедева, представляющая сложность даже для переводчика-бенгальца. Во время своего пребывания в Калькутте, наверное, Лебедев был постоянно окружен самыми различными людьми, говорящими и на бенгальском, и на хинди, и на других индийских языках. По этой причине в тексте его книги появились труднопереводимые слова, составленные из компонентов слов самых разных индийских языков. Таких лексических образований нет ни в одном из словарей, и попытка передать их смысл стала настоящей проблемой. Кроме того, многие названия и термины были записаны Лебедевым на слух. В тех случаях, когда такие термины удалось расшифровать, в скобках дан их смысл. В прочих случаях возможность разрешения таких слов-загадок была предоставлена самому читателю.

Теперь переходим к конкретным примерам. Малопонятно было даже название самой первой

части книги Лебедева, а именно «Шома Рит Анньо». Это сочетание санскритских слов «шома» («луна»), «рит» (производное от «архито», то есть «собранный») и «анньо» («пища») – отдельно каждое слово было понятно, но вместе они ни о чем не говорят. Лишь после обсуждения этого вопроса со священником Миссии Рамакришна в Москве, Свами Джотирупананда, удалось выяснить, что речь идет о природном явлении прилива океана, реки, вызываемым фазами Луны. Вода во время прилива, поднимаясь от корней растений по стеблям, насыщает их пищей, способствуя получению урожая. То есть созревание и сбор урожая происходят благодаря Луне.

Привожу примеры других трудностей, возникших при переводе первой части. В первой главе первой части есть слово «*Парар Прек*», что Лебедев переводит словосочетанием «высот небесных звездами». На бенгальском нет слов «парар прек». Есть слова «пахар» («гора») и «перек» («звезда»). Возможно, автор имел в виду, что гора, подобно гвоздю, держит небо. Во второй главе не было таких больших проблем. В третьей главе, где Лебедев пишет об ангелах и приводит их классификацию, есть ряд труднопонимаемых слов. Например, «*Бот матарер*», «*Бот оккьорер*» и «*Бот гатарер*». На хинди есть слово «бахут», что означает «много», и Лебедев слово «бот» поставил впереди бенгальских слов «матха» (голова), «оккхи» (глаза) и «хат» (рука). Другой пример – «чоурер бачью», что означает в переводе Лебедева «шестокрылатые». В бенгальском похожее по звучанию словосочетание означает «сын вора», ругательство, и причина его появления в тексте Лебедева в подобном контексте совершенно непонятна.

В четвертой и пятой главах первой части подобных проблем с расшифровкой терминов не возникло. В шестой главе появляется труднообъяснимое словосочетание «*Борконер Тари*», обозначающее какую-то звезду, однако в настоящее время ни одна звезда не носит такого названия. И лишь после консультации с Свами Джотирупананда удалось выяснить, что речь идет о звезде богини новобрачных, Арундхути, которая олицетворяет собой пример верности для невесты. Лебедев почему-то передал это имя в своей книге простым совмещением слов «женых» и «невеста» («бор» и «коне») со словом «тара» («звезда»). Может быть, «*Борконер Тари*» было употребимо в то время, например, среди простых людей, и Лебедеву это запомнилось.

В начале седьмой главы Лебедев приводит имена двух англичан, Чьонс и Девис, за которыми

следует видеть Уильяма Джонса и Дэвиса Джона. Следует также отметить, что при описании богинь и их атрибутов Лебедев опять использовал длиннейшие предложения, и сохранить для перевода эту авторскую особенность было чрезвычайно трудно.

Теперь перехожу к трудностям, встреченным при переводе второй части книги. В первой главе Лебедев приводит много бенгальских слов, написанных бенгальским алфавитом, орфографически несколько отличным от традиционного. Некоторые буквы похожи на буквы языка ассамиты, но в целом слова были относительно понятны. Трудности вызвало выражение «*Кроушер Пайда Гота*». Слово «*пайда*» означает на хинди «*дерево*». И хотя само по себе слово «*пайда*» уместно и понятно при описании Лебедевым «*царств растений*», смысл полного словосочетания неясен. Во второй главе второй части Лебедев пишет, что «Градус индийцы именуют чьончюн». На бенгальском нет такого термина, но однажды мне пришлось в голову, что он имел в виду единицу измерения расстояния «*джоджон*». В третьей главе второй части при перечислении 27 ночных звезд Лебедев написал, что божество Адити, покровительница звезды Пунорбасу, как бы жена дьявола. Но на самом деле Адити – мать богов, а её сестра Дити – мать демонов. Видимо, Лебедев не различал этих двух имен.

Далее он пишет о 27 утренних звездах, или о «*Чьок*». Чтобы понять, что «*чьок*» – это на самом деле «*джог*», понадобилось немало времени. Здесь же он пишет о 9-ой звезде «*Шуло*» или «*Пани*», переводя эти слова как «*вода*». Во-первых, «*Шулопани*» – одно слово, означающее того, у кого в руке копье, и в этом случае слово «*пани*» означает «*рука*», а не «*вода*». Возможно, Лебедев слышал, что бенгальцы-мусульмане и другие индийцы употребляют слово «*пани*» в значении «*вода*».

Были еще и некоторые мелкие неточности в названиях звезд и в последующих двух главах второй части. По мере возможности и узнаваемости их написали в скобках для удобства читателей, чтобы они не потеряли интереса к этой книге, так как дальше читателей ждали ещё многие интересные факты.

В третьей части книги в первой фразе первой главы Лебедев приводит слова «*Упошона*» или «*Уподеш Гой*». «*Упошона*» и «*Уподеш*» – эти два слова есть в бенгальском языке, но, что означает «*Уподеш Гой*», понять трудно. Во второй главе третьей части есть очень много названий украше-

ний, которые сегодня называются по-другому. Чтобы читатели сразу их могли распознавать, пришлось давать в скобках их современные названия. В третьей главе Лебедев описывает главные индуистские праздники, многие из которых уже не отмечаются, по крайней мере, в городах. Например, «*Кошого шри*» или «*Пипи Токи*». Названия этих праздников настолько странные по звучанию, что с трудом воспринимаются как бенгальские слова. Сначала я подумала, что здесь какая-то ошибка, но на всякий случай открыла бенгальский религиозный календарь и, как ни странно, нашла там праздник «*пипитоки дадоши*». Я поняла, что все искаженные слова, какими бы они ни казались странными, Лебедев не выдумывал.

В четвертой главе третьей части Лебедев в одном из примеров обращения к правителю дал значение имен собственных для русских читателей. Имя Махараджа Нобокришна Лебедев перевел как «*Нобо*» – новый и «*Кришна*» – Христос, то есть «*новый сын Христов*». Эту часть текста не переводили, так как для бенгальского читателя это не нужно.

В пятой главе третьей части так и осталось непонятным, что такое сладкие лепешки «*Мутто Кондо*», а также «*Попелмос*», упомянутый в конце главы. Скорее всего, названия этих двух съедобных продуктов взяты из какого-либо другого языка Индии. Перед словом «*попелмос*» есть слово «*соль*» на хинди («*нимок*»), поэтому есть вероятность, что эти слова не бенгальские.

В шестой главе третьей части Лебедев упомянул правителя «*Праннатх*» и перевел его имя как «*душевный орех*». Если перевести это на бенгальский без объяснения, то получается не только смешно, но и непонятно. На самом деле Лебедев перевел «*пран*» как «*душа*», что абсолютно верно, а вот вместо слова «*Натх*» («*хозяин*») он услышал английское слово «*Nut*», что и послужило причиной столь странного перевода как «*душевный орех*». В этой же главе есть еще одно забавное в плане перевода слово. Речь идет о фрукте «*Чак*». По описанию мне казалось, что он пишет о джекфруте, но почему же тогда он дает бенгальское название фрукта «*чак*» вместо «*кантхал*»? Наконец я поняла, что «*кантхал*» выглядит как улей (по-бенгальски «*моучак*»), и из-за этого, а может быть, и от английского названия «*джекфрут*» – «*чакфрут*», Лебедев назвал этот фрукт «*чак*». Непонятно также, почему он перевел название ореха «*Супари*» как «*в полудневи созревающие*». В таких необъяснимых случаях при-

шлось поставить знак вопроса в скобках (?) и оставить возможность подумать читателям.

Другой трудностью при переводе текста Лебедева было то, что автор принадлежал к совершенно отличной от Индии культурной среде, поэтому при описании бенгальских реалий он использовал родные для него культурные понятия, малопонятные бенгальцу. Например, для описания индуистских обрядов он использует понятия, относящиеся к его собственной религии, – крещение, помазание, Троица, Христос как Сын Божий и пр. В связи с этим я хочу выразить особую благодарность известному российскому бенгалисту Б. Г. Полянскому за помощь в понимании подобных участков текста.

Из-за недостатка времени я не буду больше приводить примеров, хотя их много. Я упомянула здесь лишь те случаи, которые вызвали у меня наибольшие проблемы при переводе. На самом же деле сюрпризы мне преподносила каждая страница.

Однако я нисколько не жалею, что мне пришлось встретиться с такими проблемами в работе над переводом. Это дало мне бесценный опыт, и я благодарна людям, доверившим мне эту сложную и интересную работу.

В заключение хочу сказать, что переводчик должен быть знаком с культурой, традициями и многими национальными особенностями описываемой страны, чтобы суметь понять и передать на другой язык сложный авторский текст. Да, это не так просто, но мой опыт показывает, что вполне возможно, как возможно и сохранить при переводе максимальную близость к тексту. По моему мнению, лучше переводить тексты усилиями двух переводчиков с родного языка и языка иностранного и только тогда качество перевода будет гарантировано. Переводчик, как я считаю, вообще должен быть менее амбициозным и стараться передать смысл и дух авторского произведения, не искажая его своей правкой. Необходимо, чтобы он оставался переводчиком, а не становился невольно соавтором.

Библиографический список

1. Лебедев, Г. С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев, Всевытейшему монарху посвященное; собрано на Российском языке и издано жившим в Калкутте Герасимом Лебедевым [Текст] / Г. С. Лебедев. – СПб. : Типография автора, 1805.
2. Лебедев, Г. С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев [Текст] / Г. С. Лебедев. – Ярославль : Академия развития, 2009.
3. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12.

Bibliograficheskij spisok

1. Lebedev, G. S. Bespristrastnoe sozercanie sistem Vostochnoj Indii bragmenov, svjashhennyh obrjadov ih i narodnyh obychaev, Vsesvjatejšemu monarhu posvjashhjonnoe; sobrano na Rossijskom jazyke i izdano zhivshim v Kalkutte Gerasimom Lebedevym [Tekst] / G. S. Lebedev. – SPb. : Tipografija avtora, 1805.
2. Lebedev, G. S. Bespristrastnoe sozercanie sistem Vostochnoj Indii bragmenov, svjashhennyh obrjadov ih i narodnyh obychaev [Tekst] / G. S. Lebedev. – Jaroslavl' : Akademiya razvitija, 2009.
3. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Tekst] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 12.

Reference List

1. Lebedev G. S. Impartial contemplation of East India systems of bragmen, their solemn rites and folk customs, to the Holiest monarch devoted; it is collected in the Russian language and published by Gerasim Lebedev living in Kalkutte. – SPb. : Author's Printing House, 1805.
2. Lebedev G. S. Impartial contemplation of East India systems of bragmen, their solemn rites and folk customs. – Yaroslavl : Akademiya Razvitia, 2009.
3. Yurieva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» // Culturological magazine. – 2014. – № 1. – P. 12.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

И. А. Суханова

Уроки интертекста от Умберто Эко. Часть 2

В статье идет речь о проблеме намеренности/ненамеренности цитирования в художественном тексте; проблема рассматривается в связи с концепцией «смерти автора», которая понимается как подход к исследованию текста без обращения к биографии автора и другим фактам, находящимся за пределами самого текста. Уникальным материалом для изучения проблемы намеренности/ненамеренности отсылок являются свидетельства Умберто Эко, выдающегося писателя и одновременно ученого-семиотика, исследователя текста. В ряде научных, научно-популярных и публицистических работ У. Эко касается случаев наличия интертекстуальных связей в его собственных романах. Согласно его свидетельствам, некоторые из этих связей включены в тексты намеренно, другие оказались в них случайно. Эко предлагает схему влияний, оказываемых на творчество писателя не только его предшественниками, но и такими факторами, как «мировая энциклопедия» (или «традиция») и *дух времени* («современность»). В настоящей статье эта схема используется для рассмотрения двух случаев интертекстуальности в романе Эко «Имя розы» и трех случаев предполагаемого влияния романов Эко на произведения современных российских писателей. В этих трех случаях переключки представляются вполне осознанными, однако произведения русских авторов оказываются весьма далекими от претекстов. Итальянский писатель и его российские коллеги наполняют инвариант разным содержанием, и это различие представляется более интересным для изучения, нежели сходство.

Во второй части статьи рассматриваются сюжетные совпадения в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» (2016) с романом У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны» (2004) и переключки повести Бориса Акунина «Бох и Шельма» (2015) с романом У. Эко «Баудолино» (2000). Подводятся итоги и делаются выводы о большей целесообразности исследования именно различий текстов там, где имеются совпадения, причем в большей степени – на формальном, языковом уровне, нежели выяснения наличия или отсутствия прямого заимствования, что, во-первых, как правило, не поддается установлению, во-вторых, находится за пределами самого текста и вряд ли что-то дает для его понимания.

Ключевые слова: интертекстуальные связи, намеренность / ненамеренность отсылок, Умберто Эко, эссе «Борхес и мой страх влияния», роман «Таинственное пламя царицы Лоаны», роман «Баудолино», роман Е. Водолазкина «Авиатор», повесть Б. Акунина «Бох и Шельма».

I. A. Sukhanova

The Lessons of Intertexts from Umberto Eco. Part 2

The article concerns the problem of conscious/non-conscious quotations in connection with the conception of *the death of the author* understood as an approach to the study of the text without applying to the author's biography or other facts lying out of the text. The unique material to investigate the problem of conscious/non-conscious quotations are given in the evidences of Umberto Eco, an outstanding writer and at the same time a scientist, a semiotist and an investigator of texts. In some of his scientific, popular and journalistic works he concerns the facts of intertextual liaisons of his own novels. According to his evidences some of them were organized consciously, the others were accidental. Eco offers a scheme of influence accepting by a writer not only from his predecessors but also from such factors as *the world encyclopaedia* (tradition) and *the spirit of time* (modernity). We use this scheme to discuss two facts of the intertext in Eco's own novel *The Name of the Rose* (*Il nome della rosa*) and then three facts of proposal influence of Eco's novels on the modern Russian authors. In all three cases the intertext seem to be conscious. But the works of Russian authors appear to be very far from the pretexts. The Italian writer and his Russian colleagues fill the invariant with different sense. And this difference seems more worth investigating than the resemblance.

The second part of the article concerns the numerous coincidences of Yevgeniy Vodolazkin's novel *Aviator* (2016) with Eco's novel *The Mysterious Flame of Queen Loana* (*La misteriosa fiamma della regina Loana*, 2004) and those of Boris Akunin's story *Boch and Schelm* (*Bokh i Shelma*, 2015) with Eco's novel *Baudolino* (2000). The sums and conclusions are made. The investigation of differences where we see coincidences – especially formal, linguistic investigation – seems more advisable than the searching if a quotation was conscious or non-conscious. First latter usually can't be revealed, secondly it is out of a text, that's why gives nothing for understanding it.

Keywords: Intertextual liaisons, conscious/non-conscious quotations, Umberto Eco, the essay *Borges and My Fear of Influence*, the novel *The Mysterious Flame of Queen Loana* (*La misteriosa fiamma della regina Loana*), the novel *Baudolino*, Yevgeniy Vodolazkin's novel *Aviator*, Boris Akunin's story *Boch and Schelm* (*Bokh i Shelma*).

Во второй части статьи мы продолжим рассматривать переключки с романами Умберто Эко в произведениях современных российских писателей и попробуем подвести итоги наших наблюдений.

В качестве следующего примера возьмем новый роман Евгения Водолазкина, писателя, за которым прочно (можно сказать, почти «официально») закрепилась репутация «русского Умберто Эко». Начало романа «Авиатор» (2016) [3] может

восприниматься как недвусмысленная отсылка к роману Умберто Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны» (2016) [11]: оба произведения начинаются с эпизода, в котором герой приходит в сознание в больничной палате и обнаруживает, что ничего о себе самом не помнит, не знает даже собственного имени. Имя он узнает от врача (и имя это его несколько удивляет), врач обещает позже объяснить ему, что с ним случилось, советует ему вести записи, продолжает наблюдать его в дальнейшем. Герой постепенно реконструирует свою память, пытается продолжать жить, однако труднее всего оказывается восстановить в памяти некое роковое событие, имевшее место в далеком прошлом. В конце того и другого романа главные герои, очевидно, погибают, хотя прямо об этом в обоих случаях не говорится, и таким образом остается некоторая возможность понимать финал более оптимистично. Основное действие обоих романов происходит в 90-е гг. XX в., но поскольку речь идет об индивидуальной памяти человека, происходят постоянные экскурсы в прошлое. Такова общая схема сюжета двух романов. Совпадают и некоторые отдельные моменты, которые в романе Водолазкина могут восприниматься как сигналы связи с претекстом. Так, оба героя помнят, как в детские годы они жили за городом, как во время болезней старшие читали им вслух приключенческие книги, у каждого имелся двоюродный братец с неприятными чертами характера и т. д. Однако и сюжетная схема, и отдельные детали-сигналы оказываются важны исключительно с формальной точки зрения: они подчеркивают не столько сходство, сколько различие произведений. Причина, по которой герой все забывает, в романе Водолазкина более фантастична – Иннокентий Платонов оказывается объектом научного опыта: примерно 70 лет назад, в 30-летнем возрасте он был заморожен, и теперь его удастся разморозить. Этот фантастический прием позволяет писателю поместить человека начала XX в. в его конец. Иннокентий остается 30-летним, однако дожить свою жизнь ему, видимо, не удастся. Герой же романа Эко, почти 60-летний Джамбаттиста Бодони (Ямбо), переносит инсульт, из-за которого «отсутствует в жизни» около месяца и возвращается в те же реалии; он помнит «культурную энциклопедию» и высказывается, в основном, с помощью цитат из прочитанных книг, однако не помнит ничего о себе лично, то есть практически уже прожитая жизнь становится для него как будто недействительной. Поэтому сам экскурс в детство и юность героя имеют разные смыслы: Платонову

просто больше нечего вспоминать, кроме детства, юности и Соловков, куда он попал в 20 лет и где был впоследствии подвергнут эксперименту, в то время как Ямбо должен «собрать самого себя по кусочкам», то есть восстановить всю свою 60-летнюю жизнь, что логично начать делать с детства. Жизнь героев, разумеется, определена непростой историей их стран, переживших в XX в. войны и тоталитарные режимы. Разница итальянских и русских реалий заметна в изображении основополагающих событий: Ямбо в детстве оказывается почти свидетелем убийства партизанами двух немецких солдат – он не видит в тумане, что именно происходит, только догадывается; Иннокентий же в юности сам убивает доносчика, погубившего отца любимой девушки. Разница проявляется и в других эпизодах и деталях. Так, во времена детства героев их семьи проводят лето за городом, а их отцы, продолжая работать соответственно в Милане и Петрограде, наезжают к семьям по выходным. Семьи ничего не знают о них целую неделю, и если семья Ямбо только беспокоится за своего главу, опасаясь, что однажды он не придет, то в семье Иннокентия так происходит в действительности: его отца убивают на вокзале в Петрограде. Если «двоюродный Нуччо» проявляет свои наклонности в том, что истязает плюшевого мишку – любимую игрушку Ямбо, то «кузен Сева» в конце концов оказывается начальником на Соловках, где заключен Иннокентий, и отправляет его на самые тяжелые работы. В России всё оказывается гораздо страшнее и беспощаднее.

Разница между двумя воплощениями одной и той же сюжетной схемы объясняется и разным мировоззрением авторов (известны и отразились в текстах как атеизм итальянского писателя, так и православно-христианские убеждения его русского коллеги). Суть возвращения Ямбо – обретение самого себя, он вспоминает все, за исключением лица своей первой любви, благодаря которой ему удалось в свое время вытеснить из сознания жуткий эпизод детства. Воспоминание приходит к нему в новой болезни, и можно понять, что, как только он вспомнит это лицо – умрет, потому что обретать более уже нечего. Герою же Водолазкина возвращение дается за тем, чтобы он вспомнил и осознал свою вину и был прощен – читатель узнает о том, что именно Иннокентий убил доносчика, на последней странице герой признается в этом в дневнике, который дописывает в самолете, терпящем крушение. Впрочем, сам Е. Водолазкин говорит (см., например, интервью М. Визелю для сайта «Год Литературы. РФ» (2016) [1]), что не факт,

что герой обязательно погибает (что касается героя Эко, то здесь тоже, пожалуй, остается вероятность, что Ямбо выйдет из комы или что это вообще не кома, а, например, кошмарный сон под влиянием лекарств).

Предваряя интервью с Е. Водолазким, М. Визель перечисляет ряд возможных претекстов «Авиатора», в том числе и роман У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны». Его первый вопрос к писателю связан именно с интертекстом: «В общем, постмодернистская конструкция, переполненная явными и скрытыми цитатами и аллюзиями. Это было сделано сознательно, или это моя читательская «гиперинтерпретация»?» Евгений Водолазкин так отвечает на вопрос о цитатах: «Что до литературных прецедентов, то их множество <...> мне кажется, легче перечислить тех, у кого нет этого сюжета, чем тех, у кого он присутствует. Но я наполняю его совершенно другим содержанием. <...> Я бы даже не сказал, что это реминисценции. Я выбрал один из сюжетов, который многократно используется» [1].

Однако не так уж, наверное, и важно, заимствовал Водолазкин именно у Эко или не заимствовал – сюжетная схема оказалась актуальной для нашего времени, продиктована обоим писателям X-ом («традицией») и *духом времени* («современностью»). Книжки, в конце концов, получились абсолютно разные (как и в предыдущем случае), достаточно упомянуть, например, то формальное обстоятельство, что равноправной и неотъемлемой частью текста в романе Эко являются иллюстрации – наглядные свидетельства эпохи. Не говоря уже о том, что в двух произведениях слишком разные главные герои, слишком разный национальный колорит, разная, в сущности, историческая действительность, в которой, казалось бы, в рамках общей формулы существуют персонажи. Интертекст высвечивает не столько сходство, которое может быть и случайным (тем оно, впрочем, интереснее), но именно различие – различие между авторами, культурами народов, историей стран, то есть через сравнение текстов, по-разному воплотивших одну формулу, и можно выявить индивидуальное, неповторимое.

Еще пример. Некоторые мотивы и повороты сюжета романа Эко «Баудолино» (2000) [7] просматриваются в повести Бориса Акунина «Бох и Шельма» (2015) [2]. Что может быть общего между интеллектуальным романом Умберто Эко и авантюрной повестью для лёгкого чтения, написанной Акуниным как приложение к его «Истории Российского государства»? Разве что время дей-

ствия приблизительно общее – Средневековье. Однако намечаются и другие параллели.

Для начала оценим сходство хотя бы двух отрывков. В первой главе «Баудолино» герой-подросток учится писать и, между прочим, сообщает о себе следующее (перевод Е. Костюкович, глава набрана курсивом, без знаков препинания, с зачёркиваниями): «*это говорил мой родитель Гальяудо парню такая fortuna от богоматери Роборетской не иначе ещё мальцом слышит от кого V или X слов любую мольв запоминает повторяет и как говорят в Тердоне* [зачеркнуто – И. С.] *Тортоне и как говорят в Гави и даже в Медиолануме* [зачеркнуто – И. С.] *Милане а там сам черт ногу* [зачеркнуто – И. С.] *вообще не поймешь чего*» [7, с. 10]. Сравним с фрагментом первой главы повести «Бох и Шельма»: «Любое наречие к нему приставало легко <...> И языков знал много, шесть или семь. На каждом изъяснялся так, что принимали за своего, имелся у него от природы на то особый дар» [2, с. 148].

Еще два отрывка. Баудолино рассказывает, как он и его друзья попали в плен к кинокефалам, которые заставляли их, помимо прочего, помогать евнуху, имевшему дело с птицами рухх. Евнух «... рассылал их [птиц рухх] с поручениями от Алоадина. Сперва пристраивал какой-либо из птиц на холку и спину надежные супони, просовывая их под крыльями. Потом привязывал к супоням корзину или груз, командовал, отодвигал дверку, и назначенная птица, и только эта, одна она, выскакивала в небеса и исчезала в далекой дали. Мы видели и возвращение гонцов. Евнух загонял их в клетку и принимал от них мешки или металлические трубки, содержавшие, вероятно, сообщения для местного князя» [7, с. 542]. А в повести Акунина герой, скучая в дороге, «[г]лядел, например, на косяк журавлей, летящих в дальнюю Индию, и думал, что хорошо бы приручить жожака. Тогда каждой птице можно привязать на ногу по низке янтаря, который у них там дорог. А весной птицы прилетали бы обратно, приносили бы алмазы, яхонты, лалы и смарагды. Еще пряности в кожаных мешочках, чтоб не отсырели. // Нет, нельзя. Как только люди прознают – перестреляют из луков к черту все журавлиные стаи и пропадет навеки красивая птица» [2, с. 290]. Общие мотивы в двух парах фрагментов просматриваются невооруженным глазом.

Перейдем на уровень сюжета. В романе Эко Баудолино, сын крестьянина из Пьемонта, то есть человек самого низкого происхождения, волею случая и благодаря некоторым личным особенно-

ствиям становится доверенным лицом и даже приёмным сыном императора Фридриха Барбароссы. Императору нравится вести с ним беседы, он прислушивается к советам Баудолино, хотя понимает, что Баудолино всегда лжёт. В повести Акунина безродный новгородец Яшка становится доверенным лицом Боха, купца из Любека, которого постоянно пытается обокрасть. Бох видит его наклонности, дает ему прозвище Schelm, уличив в попытке кражи, жестоко наказывает («метит шельму») и прогоняет, однако через какое-то время вновь предлагает ему службу, так как любит вести с ним беседы «об интересном», и, в конечном счёте, будучи уже серьёзно им обокраденным, все ему прощает (отобрав, однако, украденное). Как и Баудолино, Яшка Шельма обладает природным даром полиглота – на лету схватывает чужеземные наречия; поэтому обоим героям случается выполнять роль переводчика при своем покровителе. В обоих произведениях герой и его могущественный немецкий покровитель, испытывающий к нему привязанность, совершают путешествие на Восток. Оба героя вообще очень мобильны, легко перемещаются по Европе и Востоку. Есть в обоих произведениях мотив восточного города, восточного базара с разноязыкой торговлей и приобретением на этом базаре некоего зелья. Повторяется и мотив переодевания – при первом приезде Баудолино с друзьями в Константинополь они переодеваются в восточные одежды, во время разграбления города Баудолино надевает плащ крестоносца; у Яшки же оказывается наготове и татарское, и «фряжское» платье. Византийские зверства, которыми Баудолино попрекает Никиту Хониата, отзываются в образе «охранника» Боха – Габриэля, бывшего константинопольского палача. В обоих текстах присутствует мотив спрятанного сокровища: у Акунина – это краденый алмазный пояс, за который Яшка надеется выручить восемь тысяч дукатов, у Эко – деревянная плешка, которую фантазия Баудолино превращает в Священный Грааль, предназначенный в дар легендарному пресвитеру Иоанну. Оба героя не любят войну, но оба вынуждены участвовать в войне против воли: Баудолино оказывается даже главнокомандующим войска Пндапетцима при нашествии белых гуннов, а Яшка, принимаемый за пушкаря, попадает в самую гущу Куликовской битвы. В обоих произведениях имеет место образ потайной комнаты и «Дионисиева уха», то есть примитивного подслушивающего устройства (замок Ардзруни в «Баудолино» – дом «Синьёра» Лонго в «Бохе и Шельме»). Баудолино, фантазируя, рассказывает о ви-

дении Св. Баудолина, и это оказывается очень кстати для императора и его войска; Яшка уверяет свою любовницу, что видел «Гаврилу-Архангела» (в реальности – Боха и ужасного Габриэля), и она ему верит – «[к] Яшкиным видениям она привыкла и верила в них бесспорно» [2, с. 157]. Кроме того, Яшка действительно видел некогда сон о лестнице с сиянием наверху, которую, услышав потом проповедь в церкви, отождествляет с Лестницей Иакова, в связи с чем и выбирает себе имя. (Ср.: Баудолино говорит о явлении соименного ему святого; мотив же лестницы с сиянием как символа некоего идеала, возможно, перекликается с мечтами его друга Абдула о «дальней принцессе»). В конце оба героя утрачивают нажитое и вынуждены начать жизнь сначала. Потеря Баудолино духовного характера – он теряет свои хроники, поэтому рассказывает свою историю Никите Хониату в надежде, что тот всё запишет (однако Никита решает этого не делать), и – независимо от потери хроник – снова, на седьмом десятке, отправляется искать царство пресвитера Иоанна. Яшке вроде бы сопутствует редкая удача: в результате недоразумения он оказывается якобы героем Куликовской битвы и попадает в милость к московскому князю, получает от него привилегии, становится важной персоной и поэтому изобретает себе отчество от имени князя – Яков Дмитрич (то есть тоже оказывается своего рода «приемным сыном» монарха); он даже получает в невесты красавицу боярышню, однако она не только феноменально глупа, но и бесприданница, а украденный у Боха с опасностью для жизни алмазный пояс и воз серебра, полученный за пушки, у него же украденные, Бох у Яшки отбирает. То есть и Яшке надо начинать всё сначала – заняться честной торговлей, используя дарованные привилегии. Бох же оказывается уподобленным Барбароссе еще и тем, что сначала делает ставку на Мамай, пушки везет именно ему, но вследствие Яшкиной аферы они оказываются у князя Дмитрия, и после Куликовской битвы Бох решает поддерживать Москву. А Барбаросса, долго осаждавший Алесандрию и разбитый в битве при Леньяно, не без влияния Баудолино мирится наконец с алессандрийскими жителями. Можно провести параллели и между некоторыми второстепенными персонажами, например, диаконом Иоанном, находящимся под влиянием евнуха Праксея, в романе Эко и молодым ханом Мухаммед-Булаком, за которого правит Мамай, в повести Акунина.

Все параллели оказываются, однако, сниженными. Баудолино, по определению автора, – «ге-

ниальный фальсификатор, который, в конечном счете, оказывается благодетелем человечества» [4, с. 124]. Он – творец мифов, абсолютно бескорыстный, искренне привязанный к приемному отцу, равнодушный к славе (пишет стихи за Поэта), в то время как Яшка Шельма – мошенник и авантюрист с немудрящей философией «умного человека», мечтающий о богатстве и именно с целью разбогатеть предпринимающий все авантюры. Если Баудолино лжёт, как правило, на пользу тем, кого обманывает, то Яшка сознательно старается обмануть, правда, обман его имеет непредвиденные последствия и всегда раскрывается. В этом смысле он напоминает уже других персонажей «Баудолино»: монаха-мошенника Зосиму и рыцаря по прозвищу Поэт, выдающего стихи Баудолино за свои и мечтающего о власти, или друзей Баудолино, когда они в коммерческих целях и масштабах принимаются за подделку реликвий, что претит главному герою. Параллелью Зосиме оказывается и эпизодический персонаж повести Акунина, поп Лужка, бывший когда-то Яшкиным сообщником и обманувший его*.

Яшка, как и Баудолино, противник убийства. Он щадит даже ужасного Габриэля, когда тот оказывается в его власти в бесчувственном состоянии, подобно тому, как и Баудолино не мстит ослепленному нищему Зосиме. Но если Яшке удастся никого не убить, то Баудолино вынужден убить обезумевшего Поэта, более того, выясняется, что он, сам того не подозревая, виноват в смерти приемного отца. В повести Акунина нет сверхъестественного элемента в авторском повествовании, организованном, в основном, как несобственно-прямая речь героя. В романе Эко повествование от третьего и от первого лица постоянно сменяют друг друга, поэтому неясно, действительно ли в художественном мире этого произведения существуют исхиаподы, кинокефалы, птицы рухх и пр., или это очередные мифы Баудолино, не отличающего того, что видит, от того, что хотел бы видеть. (*«Видишь ли, сударь Никита, трудность моего положения состоит в том, что я никогда не проводил различий между увиденным и тем, что хотел увидеть...»* [7, с. 42]).

Метод Акунина хорошо известен, точек сходства много, предполагать, что Акунин не знаком с романом Эко, нет оснований, – то есть, скорее всего, в повести «Бох и Шельма» мы имеем дело с *двойным кодированием*. Этим термином, заимствованным, по признанию исследователя, из работ архитектора Дженкса, У. Эко называет «одно-временное использование интертекстуальной

иронии и скрытого метанарративного обращения» [9, с. 48]. «...используя в произведении технику двойного кодирования, автор тем самым вступает в некий необъявленный сговор с искушенным читателем, тогда как массовая аудитория, не уловив львиную долю присутствующих в тексте культурных аллюзий, чувствует, что важная часть произведения «прошла стороной» [9, с. 50–51]. По мнению Эко, это должно «провоцировать на повторное или даже многократное прочтение одного и того же текста, чтобы лучше понять его» [9, с. 51].

Именно двойное кодирование (наряду с виртуозным стилем) и не дает полностью отнести книги Акунина к массовой литературе. Отсылки здесь, безусловно, сознательные, со свойственным Акунину снижением, – так проявляется интертекстуальная ирония, поэтому при узнавании отсылок создается комический эффект (основная, на наш взгляд, причина популярности книг Акунина среди филологов – искушенные читатели принимают «необъявленный сговор»). Таким образом, следует считать, что одним из источников повести Б. Акунина «Бох и Шельма» является роман У. Эко «Баудолино», притом сравнение двух текстов выявляет их почти полярную непохожесть – этот парадокс значительно усиливает интертекстуальную иронию**.

Что же из всего вышеизложенного следует? Рассматривая три произведения современной русской литературы, среди источников которых оказываются романы Умберто Эко (подчеркнем, что это далеко не единственные их источники), мы обнаруживаем, что, несмотря на переклички в плане сюжета, мотивов, отдельных образов, книги авторов В значительно, до полярности, могут отличаться от претекстов автора А. Если же посмотреть на эти факты с другой стороны, оказывается, что в заимствованные структуры органично вписываются как итальянские, так и российские реалии, ибо эти элементы, видимо, универсальны, и обращения наших писателей к ним свидетельствуют не столько об их желании спроецировать свой текст на текст Умберто Эко, сколько о том, что эти сюжеты, образы и мотивы так же актуальны для авторов В, как и для автора А, который использовал их раньше и опыт которого, возможно, учитывают авторы В. Иными словами, причина здесь в *Х и духе времени* – снова возвращаемся к треугольнику с вершинами А, В, Х (см. начало 1 части статьи). Кроме того, заметим, что романы Эко сами стали уже частью Х – мировой энциклопедии.

В диалогах У. Эко с Ж.-К. Карьером есть глава под названием «Книги, которых мы не читали» [4, с. 229–244]. Интервьюер задает собеседникам вопрос: «Должен ли образованный человек непременно прочесть все книги, которые он по идее обязан прочесть?» [4, с. 229]. В ответ Эко дает парадоксальную формулировку: «На нас глубокое влияние оказывают произведения, которых мы не читали, не успели прочесть» [4, с. 229]. «То есть в мире полно книг, которых мы и в глаза не видели, но о которых знаем практически всё. Стало быть, вопрос в том, откуда мы знаем все эти книги» [4, с. 230]. Собеседники со свойственной им иронией приводят различные факты, которые действительно подтверждают высказанные положения***. Ироничные интеллектуалы не оценивают это явление, они констатируют его наличие: «В мире столько книг, что нам не хватит всей жизни, даже чтобы просто их пролистать» [4, с. 229]. Однако возникает вопрос: «Как можно знать книги, которых мы не читали?» [4, с. 231]. Самый убедительный вариант ответа очень прост: «...вы прочли кучу книг, где цитировалась эта книга, и, в конце концов, она стала для вас знакомой» [4, с. 231]. Что касается художественных произведений, собеседники говорят о различных толкованиях, кино- и театральные интерпретации произведения, дающих опосредованное представление о нем. На наш взгляд, таким образом популярно объясняется понятие, которое Эко обозначил как X в работе «Борхес и мой страх влияния» [8] (см. ч. I настоящей статьи). Это тот самый X, который «вмешивается» в отношения авторов А и В, в результате чего у автора В возможны незапланированные переключки с автором А. Таким образом, вопрос о прямом влиянии А на В оказывается, пользуясь выражением Эко, «очень утешительным и поучительным», но почти нерешаемым.

Всё это наводит на мысль о том, что вряд ли стоит в исследованиях интертекста сосредотачиваться на проблеме, как избежать, например, риска «обнаружить неявную реминисценцию или переключку со стихотворением, которого Бродский еще не знал» (пример из книги А. Ранчина, содержащей богатейший материал по интертекстам И. Бродского, а также – многократно повторяемые опасения приписать Бродскому обращение к источнику, который в данный момент был ему неизвестен) [6, с. 9].

Как видим, всё не так просто и, надо предполагать, крайне редко происходит по элементарной схеме «прочитал – повлияло – процитировал». Наличие претекста – отнюдь не единственная

причина переключки с ним. Если, конечно, вообще причина, как это ни парадоксально****.

Видимо, надо разграничить проблемы. Одна из них (было или не было прямое влияние, то есть установление факта, остающегося за текстом) принадлежит истории литературы. Решение ее, если таковое окажется возможным (но как видим, это маловероятно, факт влияния малодоказуем), в любом случае, ничего не дает для понимания текста: автор, согласно Барту, «умер», а отделившийся от него текст самодостаточен, факты биографии автора не являются частью текста. Если же оказывается, что прямого влияния не могло быть, а реальные совпадения текстов наличествуют – это гораздо более интересный материал для изучения психологии творчества, влияния мирового культурного контекста и того самого *духа времени* или той «социологии литературы», о которой говорит У. Эко в книге «Роль читателя» [10, с. 268–270].

Есть интертексты, выявляемые только на уровне сюжета или идеи, но много таких, которые могут быть выявлены и/или на уровне фрагментов текста. При совпадении того и другого с большей уверенностью можно говорить об интертексте. Но в исследовании это не самоцель – если в двух текстах имеются переключки, изучение их с формальной точки зрения просто необходимо, так как оно может выявить, во-первых, их материальные носители, то есть языковые единицы, которые и обеспечивают сходство текстов; а во-вторых, те единицы, которые обеспечивают различие текстов в сходных местах, потому что любая цитата приобретает новые смыслы в новом контексте. Это – вещи конкретные, находящиеся непосредственно в тексте и поддающиеся анализу. Таким образом, здесь выход на индивидуальный авторский стиль, языковые особенности литературных направлений, даже на проблемы истории языка и, наконец, на мировую энциклопедию и *дух времени*. Или на **семиосферу** в представлении Ю. М. Лотмана [5]. Словом, для понимания текста анализ имеющегося сходства даст гораздо больше, чем установление факта прямого влияния. Что касается трех рассмотренных выше произведений современной русской литературы, содержащих отсылки к романам Умберто Эко, то мы только наметили общие черты на уровне сюжетов, мотивов и отдельных образов. Для исследования языковых единиц здесь открывается обширное поле деятельности, причем если в случаях с романом Водолазкина и повестью Акунина сравнение нужно, видимо, проводить с переводами романов Эко, сделанными Еленой Костюкович, то в случае с романом

самой Костюкович необходимо привлечь и оригиналы Эко, и выполненные ею переводы – то есть здесь требуется исследователь весьма редкой квалификации, однако интертекстуальный анализ романа Костюкович может дать выход на общелингвистические проблемы.

Думается, что намеренность цитирования (отсылки), как и узнавание интертекста читателем (тем более, если присутствует двойное кодирование), – это отдельные проблемы, и не столько филологические, сколько из области психологии или, в крайнем случае, теории коммуникации. Задача филолога, и в первую очередь, филолога-языковеда, рассматривающего художественный текст, по выражению Н. М. Шанского, «под лингвистическим микроскопом», – найти в тексте то, что в нем есть, независимо от намеренности или ненамеренности цитирования автором, независимо по той простой причине, что узнать это невозможно в принципе.

Примечания

*Русский читатель, скорее всего, усмотрит интертекстуальную иронию в том, что Эко дал самому отрицательному персонажу – византийскому монаху, носителю всевозможных пороков – знакомое для русской литературы имя монаха-праведника – *Зосима*, и, пожалуй, будет задет... Будем думать, что это – незапланированный эффект.

**Заметим, что массовый читатель повести Акунина, по крайней мере, тот, который высказывается на интернет-сайтах, никакой иронии не замечает, видит, в лучшем случае, только автоинтертексты, в основном же озабочен тем, что в повести не показана как следует Куликовская битва, всерьез возмущается, что девушка слишком быстро забыла убитого жениха (тут следует логическое заключение, что «бабы есть бабы»), отождествляет позицию автора с точкой зрения персонажа, а особо продвинутая читательница ставит в упрек писателю то, что в тексте «проскакивают современные словечки». Провоцирует ли этих читателей акунинский текст на многократное прочтение, автору данной статьи понять не удалось.

***Характер этих фактов всем нам знаком: вряд ли, к примеру, найдется много преподавателей вуза, которые могут с чистой совестью сказать, что в своих лекциях ни разу не ссылались на непрочитанные работы, тем более, если лекции касались истории какого-либо вопроса или раздела науки. Происходит это, как правило, отнюдь не из склон-

ности к халтуре и безразличия к делу, а, в первую очередь, от элементарной нехватки времени.

****Дело обстоит и не так, как получилось у журналистки, пересказавшей, по мере сил, выступление известного литературоведа: один писатель навелstil другого, беседовали целый час – вот потому-то и оказались в их главных произведениях переключки!

Библиографический список

1. Авиатор Водолазкин. Интервью [Электронный ресурс] / Евгений Водолазкин / Текст и интервью: Михаил Визель // Сайт «Год литературы». – Режим доступа: <https://godliteratury.ru/public-post/aviator-vodolazkin>.
2. Акунин, Б. Бох и Шельма: повести [Текст] / Борис Акунин. – М.: АСТ, 2015. – 302 с. (История Российского государства).
3. Водолазкин, Е. Г. Авиатор: роман [Текст] / Евгений Водолазкин. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 410 с.
4. Карьер, Ж.-К., Эко, У. Не надейтесь избавиться от книг! [Текст] / Умберто Эко, Жан-Клод Карьер; интервью Ж.-Ф. де Тоннака Пер. с фр. и примеч. О. Акимовой. Изд. 2-е. – СПб.: «Симпозиум», 2013. – 336 с.
5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.
6. Ранчин, А. М. «На пиру Мнемозины». Интертексты Бродского [Текст] / А. Ранчин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 464 с.
7. Эко, У. Баудолино: роман [Текст] / Умберто Эко; пер. с итал. и послесловие Е. Костюкович. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2015. – 624 с.
8. Эко, У. О литературе: эссе [Текст] / пер. с ит. С. Сидневой. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. – С. 151–171.
9. Эко, У. Откровения молодого романиста [Текст] / У. Эко; пер. с англ. А. Климина. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 320 с.
10. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текстов [Текст] / Умберто Эко; пер. С. Серебряного. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. – 640 с.
11. Эко, У. Тайнственное пламя царицы Лоаны [Текст] / У. Эко; пер. с итал. и комментарии Е. Костюкович. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 592 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Aviator Vodolazkin. Interv'ju [Elektronnyj resurs] / Evgenij Vodolazkin / Tekst i interv'ju: Mihail Vizel' // Sajt «God literatury». – Rezhim dostupa: <https://godliteratury.ru/public-post/aviator-vodolazkin>.
2. Akunin, B. Boh i Shel'ma: povesti [Tekst] / Bo-ris Akunin. – M.: AST, 2015. – 302 s. (Istorija Rossijskogo gosudarstva).

3. Vodolazkin, E. G. Aviator: roman [Tekst] / Evge-nij Vodolazkin. – M.: Izdatel'stvo AST: Redakcija Eleny Shubinoj, 2016. – 410 s.

4. Kar'er, Zh.-K., Jeko, U. Ne nadejtes' izbavit'sja ot knig! [Tekst] / Umberto Jeko, Zhan-Klod Kar'er; interv'ju Zh.-F.de Tonnaka Per. s fr. i primech. O. Akimovoj. Izd. 2-e. – SPb.: «Simpozium», 2013. – 336 s.

5. Lotman, Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. – 416 s.

6. Ranchin, A. M. «Na piru Mnemoziny». Inter-teksty Brodskogo [Tekst] / A. Ranchin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 464 s.

7. Jeko, U. Baudolino: roman [Tekst] / Umberto Jeko; per.s ital. i posleslovie E. Kostjukovich. – M.: Izdatel'stvo AST:CORPUS, 2015. – 624 s.

8. Jeko, U. O literature: jesse [Tekst] / per. s it. S. Sidnevoj. – M.: Izdatel'stvo AST:CORPUS, 2016. – S. 151–171.

9. Jeko, U. Otkrovenija mladogo romanista [Tekst] / U. Jeko; per.s angl. A. Klimina. – M.: AST:CORPUS, 2013. – 320 s.

10. Jeko, U. Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike tekstov [Tekst] / Umberto Jeko; per. S. Serebrjanogo. – M.: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2016. – 640 s.

11. Jeko, U. Tajstvennoe plamja caricy Loany [Tekst] / U. Jeko; per s ital. i kommentarii E. Kostjukovich. – M.: AST:CORPUS, 2013. – 592 s.

Reference List

1. Pilot Vodolazkin. Interview [An electronic resource] / Evgeny Vodolazkin/tekst and interview: Mikhail

Vizel // Website «Year of Literature». – Access mode: <https://godliterary.ru/public-post/aviator-vodolazkin>.

2. Akunin B. Bokh and Rascal: stories. – M.: ACT, 2015. – 302 p. (History of the Russian state).

3. Vodolazkin E. G. Aviator: novel. – M.: ACT: Elena Shubina's editorial staff, 2016. – 410 p.

4. Carrière J.-C., Eco U. Don't hope to get rid of books! Interview of J.-F. de Tonnac, translated from French with comments by O. Akimova. The 2nd edition. – SPb.: Symposium, 2013. – 336 p.

5. Lotman Yu. M. Inside of thinking. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. – 416 p.

6. Ranchin A. M. «On Mnemozina's feast». Intertexts of Brodsky. – M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2001. – 464 p.

7. Eco U. Baudolino: novel; translated from Italian and afterword by E. Kostjukovich. – M.: ACT Publishing House : CORPUS, 2015. – 624 p.

8. Eco U. About literature: the essay / translated from Italian by S. Sidneva. – M.: ACT Publishing House : CORPUS, 2016. – P. 151–171.

9. Eco U. Confessions of young novelist; translated from English by A. Klimin. – M.: ACT: CORPUS, 2013. – 320 p.

10. Eco U. Role of the reader. Researches on semiotics of texts; translated by S. Serebryany Lane. – M.: ACT Publishing House : CORPUS, 2016. – 640 p.

11. Eco U. Mysterious flame of the Queen Loana; translated from Italian and comments by E. Kostjukovich. – M.: ACT : CORPUS, 2013. – 592 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

О. Е. Иванова

Неравномерность процесса письменного освоения слов и словарная кодификация

Статья написана в рамках выполнения проекта «Лингвистическая концепция орфографического словаря нового типа» № 17-04-00134 при финансовой поддержке РФФИ

Современная кодификационная работа в орфографическом словаре осуществляется непосредственно в процессе письменного освоения многих тысяч слов. Судьба их еще не сложилась и может разрешиться различным образом. В статье рассматриваются проблемы, связанные с динамикой взаимодействия современной кодифицированной нормы (в соответствии с «Русским орфографическим словарем») и узуальной нормы написания в основном на материале сложносокращенных слов с первыми частями *демо, компакт, масс, промо, тур, эконо*. Частичные несовпадения кодифицированного написания какого-либо слова и его узуальной письменной нормы или просто предпочтённого сейчас узусом написания неизбежны, часто индивидуальны и во многом непредсказуемы. При этом разным словам нужно разное время, чтобы подчиниться или не подчиниться общему тренду написания или предложенной кодификации. Однотипные слова часто находятся на разных стадиях освоения их в письме даже при наличии обоснованной кодификации. В этих условиях приемлемая позиция кодификаторов как гарантов стабильности письма заключается в поддержании системного языкового фактора, а не временных предпочтений актуальной письменной практики.

Ключевые слова: орфография, орфографический словарь, кодификация, кодифицированная норма, узуальная норма, узус, сложносокращенные слова.

О. Е. Ivanova

Unevenness of the Process of Written Development of Words and Dictionary Codification

Modern codification work is carried out directly in the process of mastering many thousands of words. Their fate has not yet developed and can be resolved in various ways. The article deals with the problems associated with the dynamics of the interaction of the modern codified norm (in accordance with the «Russian spelling dictionary») and the usual norm of writing mainly on the material of complex words with the first parts *демо, компакт, масс, промо, тур, эконо*. Partial discrepancies in the codified writing of a word and its usual written norm are inevitable, often individual and in many ways unpredictable. At the same time, different words need different time to obey or not to obey the general trend of writing or the proposed codification. Words are often at different stages of mastering them in a letter, even with justified codification. Under these conditions, the acceptable position of codifiers as guarantors of letter stability is to maintain a systemic linguistic factor, rather than temporary preferences for actual written practice.

Keywords: spelling, spelling dictionary, codification, codified norm, usual norm, usage, complex words.

Пополнение «Русского орфографического словаря» (далее – РОС [8]) тысячами новых слов, значительную часть которых составляют заимствования и термины, усложнили кодификационную работу в словаре, поскольку она проводится в настоящее время непосредственно в процессе письменной адаптации слов и в сжатые исторические сроки: ответы на вопрос «как пишется» для наименований новых реалий и явлений требуются здесь и сейчас, а не когда-нибудь в будущем. Многие слова вводятся в словарь на начальном этапе своей жизни в письме, когда их судьба еще не сложилась и может разрешиться различным образом (*массмедиа* или *масс-медиа*, *экзит-полл*, или *экзит-пол*, или *экзитполл*, или *экзитпол*).

Включая подобные слова в разные издания словаря, кодификатор должен, видимо, предвидеть

их будущую орфографическую судьбу. И для этого надо учесть целый ряд факторов: предписания соответствующих правил орфографии, действие исторических тенденций и аналогий в областях письма, которые существуют не по правилам, наличие уже имеющихся родственных слов или слов с аналогичной орфографической проблемой и прочее. Слово, своевременно включенное в словарь в перспективной форме написания, имеет шансы быстрее пройти путь неизбежных колебаний, как это было, например, со словами *бренд, лейбл, слиш, тренд* (впрочем, до сих пор встречающихся в написании с э оборотным). Но вполне возможна и ситуация, когда вопреки всем тенденциям, закономерностям, правилам и аналогиям кодифицированное слово принимает в живом употреблении форму, невыводимую из той информа-

ции, которой оперируют кодификаторы (например, установилась узуальная норма¹ *барсетка* вместо уже зафиксированного в словаре этимологически объясняемого транслитерированного *борсетка* 2005² от ит. *borsetta* «сумочка» или фр. *bourse* «кошелек»). Иными словами, скорее всего невозможно избежать таких кодификационных решений, которые не будут приняты письмом сразу, которые будут существовать долгое время параллельно с узуальным вариантом (вариантами), что, конечно, не страшно, однако отдаляет словарь от реальной письменной практики и от пользователей, в эту практику погруженных и ищущих ориентиры правильности.

Ниже рассматриваются примеры слов с неоднозначной письменной судьбой в их соотношении с предпринятой словарной кодификацией, чтобы в итоге ответить на вопрос, правильный ли вектор был выбран словарем для кодификации этих слов и как вообще должны поступать сегодня кодификаторы, упорядочивая рассогласование словаря и узуса в эпоху массового освоения новых слов.

Реализация соотношения **кодификация – узуальная норма** нередко показывает их несоответствие: узус или 1) предпочитает другой вариант, в отличие от кодифицированного – часто это вариант не системный, направленный против основной тенденции написания слов данного типа (например, узуально: *мэйнфрейм*, *слэш*, *трэш*; *каратэ*, *нэцкэ*; *ритейл*; *блоггер*, *шоппер*; *этикет-принтер*, *тур-менеджер*, *эконом-класс*), или узус 2) еще не определился в своем предпочтении, поскольку бытующие письменные варианты находятся в отношениях приблизительно равной конкуренции (*сакэ/сакэ*, *трынте/трынтэ*, *барре/баррэ*; *джекпот/джек-пот*, *фудкорт/фудкорт*). В ситуации несовпадения кодификации с реальным употреблением слова она может как опережать узус, показывая пользователям словаря перспективное направление нормы письма (например, *слеш*, *сакэ*; *ритейл*; *нон-фикшен*, *фьюжен*; *блогинг*, *шопинг*; *легинсы*; *массмедиа*), так и отставать от узуса, когда сложившаяся стихийно норма письма в принципе более прогрессивна (системна), чем тот вариант, который предложен словарем (например, словарь дает написание *сэнсэй* 1999, узус же демонстрирует явное предпочтение писать *сенсей* в соответствии с правилом передачи твердости парных согласных³; в словаре *тревеллинг* 2005 – узуально *тревелинг*, в словаре *нюс-рум* 2005, *шоу-рум* 2005 – узуально *нюсрум*, *шоурум*). Ситуация с отставанием словарной кодификации обычна для случаев, когда в

кодификации отражено массовое употребление, письменная «мода», а сложившаяся узуальная норма выбрала системный вариант. Но в этих случаях несоответствие кодифицированной и узуальной нормы вполне преодолимо коррекцией предписаний словаря⁴.

Письменная практика осваивает слова, в том числе и слова с одной и той же орфограммой, неравномерно, и это отражается на степени однородности написаний слов в разных группах. Так, слова одного типа могут показывать массовую «приживаемость» общего кодифицированного написания, хотя в практике письма отдельные слова могут долго существовать в вариантах. После неизбежного временного колебания слова достаточно дружно и в относительно короткие исторические сроки приобретают письменный вид, характерный для своей группы, написания разных единиц в группе характеризуются выраженной однородностью. Так, в основном установились написания ранее колебавшихся в письме слов 1) *бедж* 2005, *бренд*⁵ 2005, *лейбл* 1991, *рейв* 2005, *сленг* 1974, *снэк-бар* 1999, *спред* 1999, *трекбол* 2005, *трен* 1956 (шлейф), *тренд* 2005, *трешер* 2005 и пр.⁶; 2) *аниме* 2012, *годе* 1999, *каркаде* 2005, *латте* 2012, *макраме* 2005, *мате* 1999, *парфе* 2012, *прет-а-порте* 2005, *соте* 1956, *фри-волите* 1999 и пр.⁷ – оба в соответствии с правилами; 3) слова с англ. приставками на *r* немое в исходе *андер* (*андеррайтер*, *андеррайтинг* 2005, *андерграунд* и *андеграунд* 1999), *афтер* (*афтершок*), *овер* (*оверарм* 2012, *овердрайв* 2005, *оверсемплинг* 2005, *овертайм* 1999, *овертитры* 2012, *оверхед* 2005, *оверштаг*) и отдельные слова с немymi звуками в основном транслитерируются, отклонения единичны: так, в словаре дана кодификация *перформанс* 1999 на фоне узуального колебания *перформанс/перфоманс* при однозначно принятом написании и произношении однокоренных *перформер* 2012 и *перформативный* 1999; словарную кодификацию *реслинг* 1999 сменили варианты *рестлинг* и *реслинг* 2005 (фонетически *ре[сл]инг*, согласно [4, 7]) на фоне узуального *реслинг* при устойчивой узуальной норме однокоренных *армрестлинг* 1999, *рестлер* 2012, совпадающей с кодификацией; кодифицированные варианты *пати* и *парти* 2005 при узуальном *пати*; 4) слова с этимологической приставкой *ре* кодифицируются только с *ре-* за исключением двух терминов: *риформинг* 1974 и *рилизинг-гормоны* 1999 (ср. более новое *релизинг* 2012 «массаж»); 5) слова с общим начальным компонентом *фри* кодифицируются слитно: старые *фригольд*, *фритре-*

дер, более новые *фристайл* 1991, *фривей* 1999, *фрилансер* 2005, *фридайвинг* 2012, *фривил* 2012, *фриланс* 2012, *фрирайд* 2012, *фрирайдинг* 2012 при единственном исключении *фри-джаз* 2005, а слова с общим начальным компонентом *фуд* кодифицируются дефисно: *фуд-центр* 2005, *фуд-процессор* 2012, *фуд-стилист* 2012, *фуд-стилистика* 2012, *фуд-фотограф* 2012, *фуд-шоу* 2012 при единственном существенно колеблющемся в узусе слове *фуд-корт* 2012 (уз. *фуд-корт* / *фудкорт*); и нек. др.

Можно сказать, что эти и подобные слова в целом представляют ту часть лексики, в которой орфографическая кодификация и узуальная норма соответствуют друг другу и которая составляет существенно большую часть лексикона русского словаря.

В другом случае, напротив, не только отдельные слова среди однотипных, но и целые группы слов упорно сопротивляются кодификации орфографического словаря. Отмечается и гораздо больше колебаний в узусе, и непоследовательность в кодификации, так что не приходится говорить о единстве орфографического оформления слов ни на письме, ни в словаре.

Рассмотрим некоторые дискуссионные моменты фиксации в словаре и употребления на письме сложносокращенных⁸ слов с начальными частями *демо* (демонстрационный), *компакт* (компактный), *масс* (массовый), *промо* (промоутерский), *тур* (туристический) и *эконом* (экономический, экономичный). Процесс письменного освоения этих слов протекает очень различно у слов с разными сокращенными частями.

Компоненты *компакт*, *тур* и *эконом* существуют как самостоятельные слова словаря, компоненты *демо*, *промо* пока не представлены в словарях в качестве отдельных единиц – первых частей или самостоятельных слов, хотя такое употребление уже реальность. Совпадение первой части сложносокращенного слова с целым словом является формальным основанием для возможной трактовки слова как сложного, а не сложносокращенного, то есть здесь имеет место двойная лингвистическая мотивированность, обуславливающая написание. «Трактовка слова как сложносокращенного или сложного зачастую представляет собой результат индивидуальной лингвистической интерпретации, основывающейся на словообразовательных связях слова, традиции его понимания, истории бытования и этимологии» (подробнее см. [2, с. 174–175]). Так, рассматриваемые компоненты в составе сложного слова лексико-

семантически и словообразовательно соотносятся с прилагательными, что дает возможность развернуть слово в атрибутивное словосочетание с тем же смыслом (*демоальбом* – *демонстрационный альбом*, *масс-старт* – *массовый старт*, *промоакция* – *промоутерская акция*, *туроператор* – *туристический оператор*, *компакт-плеер* – *компактный плеер*, *эконом-вариант* – *экономичный вариант* и под.). Дополнительным дифференцирующим моментом является тот факт, что омонимичные первой части отдельные слова имеют более узкое, специализированное лексическое значение (*демо* – это не «демонстрация», а «демоверсия», *компакт*⁹ = «компакт-диск», *промо* = «промоверсия», *тур* = «путешествие; один этап, круг», *эконом* = «человек, ведущий хозяйство»).

Общее направление кодификации сложносокращенных слов в РОС – слитно в соответствии с правилом¹⁰. Список исключений обозрим, часть из них – это хорошо известные слова (*кают-компания*, *масс-анализ* и др., *социал-демократ*, *физкульт-привет*, *яхт-клуб*), традиция написания которых давно сложилась, часть – новые слова, например, *культур-менеджер*, *апарт-отель*, *риелт-бюро*, *соц-арт*, слова с первыми компонентами *стрип* (*стрип-балет*), *эротик* (*эротик-шоу*), *этикет* (*этикет-принтер*) (согласно ОРОСС [6, с. 554–555]), данные в словаре в соответствии с практикой письма, прихотливо избравшей для этих новых слов передачу с «модным» сейчас дефисом.

Часть *тур...* и отдельные слова с начальным *тур...* включены в словарь в слитном написании (*турбаза* с 1956 г.), что соответствует и современному узуальному употреблению, в котором слитное написание значительно превалирует. За исключением лишь одного слова: в живом употреблении дефисный вариант *тур-менеджер* (РОС: *турменеджер* 2012) значительно преобладает над слитным. Можно ли объяснять это проявлением двойной мотивированности написания слова – осмыслением первой части как самостоятельной лексемы? Может быть, но такая же двойная мотивированность имеется и в слове *туроператор*, и в *турагент*, пишущимися по правилу. Слово *тур*, хотя и является известным старым словом, но активизировалось в узусе лишь в постсоветскую эпоху и по закреплённости в сознании носителей языка значительно уступает сокращению *тур...* (*турпутевка*, *турпоездка*), прочно занявшему эту смысловую нишу. Следовательно, нет оснований учитывать в кодификации избирательность письменного узуса в отношении данного слова, то есть

давать в словаре орфографические варианты или же, тем паче, вводить в норму сегодняшнее предпочтительное узус как единственное нормативное написание.

Противоположным образом обстоят дела в группе с сокращенной частью **промо...** (*промоакция, промоматериал, промоменеджер, промореклама, промотур* и пр. – фиксации 2005 и 2012 гг.), где ни в одном случае кодификация в соответствии с правилом не поддержана узусом, который предлагает дефисное написание. За пределами РОС есть еще целый ряд слов на *промо* (*промоверсия, промокампания, промокод, промоконсультант, промомодель, промоодежда, промороллик, промосайт, промостойка, промосувенир, промотрек*), и, насколько можем судить по данным поисковиков, из них пока только *промокод* устойчиво пишется слитно, можно сказать, что *промокод* уже обрел узусальную норму, совпадающую с правилом и предписанием словаря. Тем не менее, слитную кодификацию слов с *промо* в словаре, столь резко расходящуюся с употреблением, видимо, следует сохранить как указание на лингвистически мотивированный и перспективный для системы письма вариант.

Можно сказать, что компоненты *тур...* и *промо...* представляют реализацию крайних позиций на воображаемой шкале соответствия/несоответствия кодификации и узуса. Промежуточное положение на этой шкале занимают группы слов с первыми частями **масс...**¹¹, **демо...**, **компакт**, **эконом**. Так, слова *массискусство, масскультура, масскульт, массмедиа* (все в словаре с 1999 г.) и *масс-старт* (2005) показывают три различных типа соотношения кодификации и узусальной нормы. *Масскультура* и *масскульт* кодифицированы слитно – и по правилу, и в соответствии с узусальной нормой, *массмедиа*¹² кодифицировано по правилу при сильно колеблющемся узусе, который склоняется к дефисному варианту (колебание *массмедиа/масс-медиа* активно обсуждается в интернете), дефисное *масс-старт* представляет собой исключение из правила¹³: слово было зафиксировано в соответствии со сложившейся узусальной нормой. Отметим характерный факт современного письма: первоначально пришедшее слово и его производные на русской почве нередко пишутся по-разному, производные скорее начинают адаптироваться к закономерностям и правилам русского письма, чем производящие (например, в аннотации к одному из сборников 2014 г. написано: «В сборнике рассматриваются актуальные проблемы теории **массмедийного** дискур-

са и практики современных масс-медиа в аспекте культуры, политики и социальных коммуникаций)). Выбор кодификаторов в пользу системного написания слов с начальным *масс* (за исключением *масс-старт*) учитывает не только требование правил, но и динамику и поведение слова и его производных в реальных текстах, и существенный разбой в практике письма, который можно пытаться скорректировать в нужном направлении.

Похожая картина соответствия кодификации и узуса просматривается сейчас и в употреблении слов с первой частью **демо...** Слова, как включенные в орфографический словарь (*демоверсия, демозапись и демосчёт*), так и еще не включенные (*демоальбом, демодиск, демозал, демозона, демокар, демооборудование, демопланиет, деморежим, демостенд, демофонд* и др.), показывают значительное колебание в узусе с явным преимуществом дефисных написаний, однако у разных слов наблюдается разная динамика: термин *демосчёт* в виртуальном биржевом узусе закрепился в дефисном варианте, а *демозал*, которого пока нет в словаре, предпочитает слитный вариант, *демоверсия* в сочетании *демоверсия ЕГЭ* стало писаться слитно¹⁴, а *демоверсия*, например, какой-нибудь *игры* пишется преимущественно с дефисом. Словарь при этом справедливо настаивает на кодификации по правилу, поскольку соотнесенность с прилагательным *демонстрационный* очевидна и ясно осознается. Напротив, все слова, начинающиеся с **компакт-**... (*компакт-вэн, компакт-диск, компакт-дисковод, компакт-кассета, компакт-класс, компакт-плеер, компакт-система, компакт-спортинг*), введены в словарь с дефисом и поэтому являются исключениями из правила¹⁵, и такая кодификация отражает превалирующие узусальные предпочтения. Однако изучение употребления отдельных слов показало, что и в этой группе слов есть одно, в реальности предпочитающее слитное написание, противоречащее общему дефисному «тренду» словарной кодификации: это слово *компакт-вэн*, явно стремящееся быть *компактвэном* (как *микровэн, мультивэн, минивэн*). В случае с *компакт* орфографическим словарем была продемонстрирована, как видно, непоследовательность в принятии кодификационного решения. Отступление от общего принципа соответствия кодификации системе можно отнести на счет сильного давления узусальной нормы.

Наконец, пример наиболее противоречивой кодификации представляет группа слов с первой частью **эконом**. С одной стороны, есть известные слова в слитном написании типа *экономгеогра-*

фия, экономразвитие, экономотдел, экономреформа, экономсектор, экономсовет, экономсоветник, экономчасть, где первая часть однозначно соотнесена с прилагательным *экономический*. С другой стороны, в РОС 2005 г. появилось слово *экономкласс*, а в 2012 г. введены с дефисом *эконом-такси*, *эконом-тур*, *эконом-уровень*. В них первая часть формально и семантически соотносится со словом *экономичный*, хотя соответствующие атрибутивные словосочетания воспринимаются как непривычные на фоне узуально устойчивых сокращенных наименований: *эконом()такси* – *экономичное такси* (хотя ср. вполне корректные: *экономичный двигатель*, *внедорожник*, *устройство*, *котел*, *принтер*, *лампочки*, *отопление* и пр.), *эконом()тур* – *экономичный тур* (ср.: *экономичный проект*, *предложение*, *меню*), *эконом()уровень* – *экономичный уровень* (например: *экономичный уровень расхода топлива*, *температуры*, *функционирования*, *цен*), *эконом()класс* – *экономичный класс* (англ. *economy class*, но не *economic class*¹⁶; например: *экономичный класс потребления энергии А+*).

Итак, компонент *эконом* в части сложных слов соотносится с понятием *экономичный*, а не *экономический*, что значит «находящийся в нижней части ценовой шкалы», «наиболее дешевый из ряда однотипных» или «сделанный, функционирующий с минимумом затрат». Может быть, именно это влияет на стремление писать иначе, чем *экономсовет* от *экономический совет*, например? Однако подобая дифференциация написаний в зависимости от значения для сокращений нетипична, омонимичные сокращения пишутся одинаково, например, *ген...* – от *генеральный* и *генетический*, *диет...* (*диетический*, *диетологический*), *изо...* (*изобразительный*, *изоляционный*), *ком...* (*коммунистический*, *командир*), *мат...* (*математический*, *материальный*), *мех...* (*механизированный*, *механический*), *мото...* (*моторный*, *моторизованный*, *мотоциклетный*), *опер...* (*оперативный*, *операционный*) и др. Правда, в последнем издании РОС 2012 г. появились дифференцирующие написания типа *дискобол* (*дискомедуза*, *дискохранилище*), где *диско* – это «похожий на диск, относящийся к дискам», и *диско-бар* (*диско-ритм*, *диско-стиль*), в которых существительное *диско* означает «молодежный стиль, связанный с танцевальной музыкой, характерной для дискотек (где проигрываются оптические диски)»; также: *технокомплекс*, *техноподдержка* от «технический, технологический» и *техно-группа*, *техно-рок*, где *техно* – это «стиль музыки»; то же и *этномузыка*, *эт-*

нополитика, *этнотуризм*, *этнофестиваль* и *этно-джаз*, *этно-музыка*, *этно-рок*. Но словообразовательно слова *дискобол*, *технокомплекс* и *этно-группа* представляют совсем иной тип (сложные слова с соединительной гласной). Кроме того, введение в словарь разных по семантике и орфографическому оформлению первых частей сложных слов *диско...* и *диско-...*, *техно...* и *техно...*, *этно...* и *этно...* было связано с приходом новых иноязычных единиц *диско*, *техно*, *этно*. *Эконом* такой единицей не является, будучи образованным по русскому образцу от уже освоенного слова. В то же время *эконом* участвует в сочетаниях типа *магазин эконом*, *такси эконом*, *тариф эконом* и под. и входит в парадигму слов, обозначающих уровень стоимости и комфорта (*бизнес*, *комфорт*, *люкс*, *премиум*, *стандарт*, *топ*, *эконом*, *экстра*). Все они¹⁷ в сочетании с последующими существительными пишутся по правилу через дефис, например, в классификации сегментов рынка какой-либо продукции: *бизнес-класс*, *комфорт-класс*, *люкс-класс*, *премиум-класс*, *стандарт-класс*, *топ-класс*, а те, которые употребляются и в роли постпозитивного неизменяемого определения, – раздельно: *класс люкс*, *класс стандарт*.

Предполагаем, что лексические парадигматические связи и однотипность функционирования в тексте могут влиять на однотипность написания. В результате сейчас слово *экономкласс* имеет сформировавшуюся узуальную норму написания через дефис, и так же пишутся в живом употреблении и другие слова, еще не представленные в словаре: *эконом-вариант* (= *экономичный вариант*), *эконом-режим* (= *экономичный режим*), *эконом-магазин*, *эконом-парикмахерская*, *эконом-предложение*¹⁸. Таким образом, начальный компонент *эконом*, являясь формальным усечением и семантическим дериватом слова *экономичный*, на письме ведет себя как самостоятельное слово. Отсюда и противоречивость кодификации в академическом словаре, и необходимость для кодификаторов, наконец, определиться с тем, какую лингвистическую трактовку они предпочитают учитывать в данном случае: это часть сложносокращенных слов (и тогда следует выбрать слитный вариант написания) или часть сложного существительного, соотнесенная с самостоятельным словом (дефисный вариант). Узус пока сделал свой выбор в пользу второго. Представляется, что однозначная соотнесенность с семантикой прилагательного *экономичный* и связанная с этим возможность разворачивания сложного слова в словосочетание склоняют к тому, чтобы считать слова с

начальным *эконом* сложносокращенными и, соответственно, рекомендовать для них общее слитное написание. Понятно, что в этом случае, как и в случае с *демо* и *промо*, решения кодификаторов и сам словарь будут внутренне более последовательными, однако при этом они вступят в явное противоречие с актуальным письменным узусом.

Соотношение **кодифицированная норма** – **узуальная норма** для описанных слов представим в **Таблице 1**.

Таблица 1

Соотношение кодифицированная норма – узуальная норма

Компонент	Кодификация в РОС	Узус	Комментарий
тур	слитно	слитно	узуально: тур-менеджер
промо	слитно	дефисно	узуально: промокод
масс	слитно (1 дефис)	слитно-дефисно-больше	узуально: масс-медиа
демо	слитно	слитно-дефисно-больше	узуально: демоверсия ЕГЭ – демоверсия игры
компакт	дефисно	дефисно	узуально: компактвэн
эконом	слитно-дефисно	слитно-экономический дефисно-экономичный	узуально: экономпанель, экономразмер, экономстенд

Разобранные выше примеры, как представляется, показывают, что частичные несовпадения кодифицированного написания какого-либо слова и его узуальной письменной нормы или просто предпочтённого сейчас узусом написания неизбежны, часто индивидуальные и во многом непредсказуемы. При этом разным словам нужно разное время, чтобы подчиниться или не подчиниться общему тренду написания или предложенной кодификации, а однотипные слова часто находятся на разных стадиях освоения их в письме даже при наличии обоснованной кодификации. Каким же образом можно управлять этой неизбежной рассогласованностью узуса и нормы, а особенно в период массового притока новых слов, испытывающих на прочность систему принимающего языка? Полагаем, что кодификация, заданная словарем для каждого конкретного слова, призвана указывать реальному употреблению перспективные в системном плане решения и единые образные способы написания для словарно регу-

лируемых групп слов. В эпоху столь неравномерного и прихотливого освоения живым письмом многих слов приемлемая позиция кодификаторов как гарантов стабильности письма может быть только одна: придерживаться научно обоснованных и исторически закономерных оснований для кодификации и, отслеживая изменения в функционировании слова, скорее не следовать, чем следовать предпочтениям актуальной письменной практики.

Библиографический список

1. Бешенкова, Е. В. Ретроспекция как фактор политики орфографистов (в области кодификации единиц, подпадающих под действия правил) [Текст] / Е. В. Бешенкова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – М., 2017.
2. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 360 с.
3. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Теория и практика нормирования русского письма [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. – М.: Лексрус, 2016. – 424 с.
4. Каленчук, М. Л., Касаткин, Л. Л., Касаткина, Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты. 2-е изд., испр. и доп. [Текст]. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. – 1024 с.
5. Новиков, Вл. Словарь модных слов [Текст] / Вл. Новиков. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.
6. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник [Текст] // Институт рус. языка им. В. В. Виноградова / под ред. Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова, Л. К. Чельцова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – 592 с.
7. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов. 10-е изд., испр. и доп. [Текст] / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Есковой. – М.: АСТ, 2015. – 1008 с.
8. Русский орфографический словарь: около 160000 слов [Текст] / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / В. В. Лопатин (отв. ред.), Б. З. Букчина, Н. А. Еськова и др. – М.: Азбуковник, 1999. – 1280 с.; Русский орфографический словарь: около 180000 слов [Текст] / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – 960 с.; Русский орфографический словарь: около 200000 слов [Текст] / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 896 с.
9. Хабарова, Д. Ю. Графическое освоение новейших заимствований как редакторская проблема

[Электронный ресурс] : выпускная квалификационная работа на соискание степени магистра филологии / Д. Ю. Хабарова. – СПб., 2011. – Режим доступа: <https://www.studsell.com/view/36049/>

Bibliograficheskij spisok

1. Beshenkova, E. V. Retrospekcija kak faktor politiki orfografistov (v oblasti kodifikacii edinic, podpadajushchih pod dejstviya pravil) [Tekst] // Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – M., 2017.
2. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Russkoe pis'mo v pravilah s kommentarijami [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. – M.: Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2011. – 360 s.
3. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Teorija i praktika normirovanija russkogo pis'ma [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. – M.: Leksrus, 2016. – 424 s.
4. Kalenchuk, M. L., Kasatkin, L. L., Kasatkina, R. F. Bol'shoj orfojepicheskij slovar' russkogo jazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ejo varianty. 2-e izd., ispr. i dop. [Tekst]. – M.: AST-PRESS KNIGA, 2017. – 1024 s.
5. Novikov, V. I. Slovar' modnyh slov [Tekst] / V. I. Novikov. – M.: AST-PRESS KNIGA, 2011.
6. Objasnitel'nyj russkij orfograficheskij slovar'-spravochnik [Tekst] // Institut rus. jazyka im. V. V. Vinogradova / pod red. E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova, L. K. Chel'cova. – M.: AST-PRESS KNIGA, 2015. – 592 s.
7. Orfojepicheskij slovar' russkogo jazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy: svyshe 70 000 slov. 10-e izd., ispr. i dop. [Tekst] / N. A. Es'kova, S. N. Borunova, V. L. Voroncova; pod red. N. A. Es'kovo. – M.: AST, 2015. – 1008 s.
8. Russkij orfograficheskij slovar': okolo 160000 slov [Tekst] / Rossijskaja akademija nauk. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova / V. V. Lopatin (otv. red.), B. Z. Bukchina, N. A. Es'kova i dr. – M.: Azbukovnik, 1999. – 1280 s.; Russkij orfograficheskij slovar': okolo 180000 slov [Tekst] / Rossijskaja akademija nauk. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova / O. E. Ivanova, V. V. Lopatin (otv. red.), I. V. Nechaeva, L. K. Chel'cova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M., 2005. – 960 s.; Russkij orfograficheskij slovar': okolo 200000 slov [Tekst] / pod red. V. V. Lopatina, O. E. Ivanov. – Izd. 4-e, ispr. i dop. – M.: AST-PRESS KNIGA, 2012. – 896 s.
9. Habarova, D. Ju. Graficheskoe osvoenie novejsih zaimstvovanij kak redaktorskaja problema [Elektronnyj resurs] : vypusknaja kvalifikacionnaja rabota na soiskanie stepeni magistra filologii / D. Ju. Habarova. – SPb., 2011. – Rezhim dostupa: <https://www.studsell.com/view/36049/>
2. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. The Russian letter in rules with comments. – M.: Publishing center «Azbukovnik», 2011. – 360 p.
3. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Theory and practice of rationing of the Russian letter. – M.: Leksrus, 2016. – 424 p.
4. Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. Big orthoepic dictionary of Russian. Literary pronunciation and accent of the beginning of the 21st century: norm and its options. 2nd edition, corrected. and added. – M.: AST-PRESS BOOK, 2017. – 1024 p.
5. Novikov V. I. Dictionary of fashionable words. – M.: AST-PRESS BOOK, 2011.
6. The explanatory Russian spelling dictionary reference // Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov / under the editorship of E. V. Beshenkova, O. E. Ivanov, L. K. Cheltsov. – M.: AST-PRESS BOOK, 2015. – 592 p.
7. Orthoepic dictionary of Russian: pronunciation, accent, grammatical forms: over 70 000 words. 10th edition, corrected and added; under the editorship of N. A. Eskova. – M.: ACT, 2015. – 1008 p.
8. Russian spelling dictionary: about 160000 words / the Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov / V. V. Lopatin (editor-in-chief), B. Z. Bukchina, N. A. Eskova, etc. – M.: Azbukovnik, 1999. – 1280 p.; Russian spelling dictionary: about 180000 words / the Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov / O. E. Ivanov, V. V. Lopatin (editor-in-chief), I. V. Nechaeva, L. K. Cheltsova. – 2nd edition, corrected. and added – M., 2005. – 960 p.; Russian spelling dictionary: about 200000 words / under the editorship of V. V. Lopatin, O. E. Ivanova. – The 4th edition, corrected and added – M.: AST-PRESS BOOK, 2012. – 896 p.
9. Khabarova D. Yu. Graphic development of the latest borrowings as an editor's problem [An electronic resource]: final qualification work on the degree of the Master of Philology / Yu. Khabarova. – SPb., 2011. – Access mode: <https://www.studsell.com/view/36049/>

Дата поступления статьи в редакцию: 13.09.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

Reference List

1. Beshenkova E. V. Retrospection as a factor of policy of spelling checker (in the field of codification of units falling under actions of rules) // Works of Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov. – M., 2017.

¹ Мы следуем пониманию терминов согласно [3, с. 18]: «Под письменным **узусом** мы понимаем совокупность всех написанных текстов. <...> Под письменным грамотным узусом мы понимаем совокупность текстов, прошедших корректуру <...>. Под **нормой письма** понимается совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций единиц письма, отобранных и закрепленных общественной письменной практикой. <...> **Кодифицированная норма (кодификация)** – закрепленная лингвистами некоторая единица письма как нормативная».

² Число после слова обозначает год его введения в орфографический словарь. Годы 1956, 1963, 1974, 1991 указывают на первое и следующие исправленные и дополненные издания «Орфографического словаря русского языка», годы

1999, 2005, 2012 – это первое и следующие исправленные и дополненные издания «Русского орфографического словаря».

³ В определенной степени ситуация со словом *сенсей* не типична на фоне освоения русским письмом других заимствований из японского или китайского языков. Только слово *камикадзе*, пожалуй, безоговорочно передается с конечным *е*; также к употреблению *е* тяготеет и *дзен-буддизм* 1999, другие же слова, кодифицированные как с *е*, так и с *э*, предпочитают *э*: *карате* 1991 – уз. *карате*/больше *каратэ*; преимущ. *ашихара-каратэ*, *косики-каратэ*, *каратэ-кекусинкай*, *кумите* 2005 – уз. *кумитэ*, *нэцке* 2005 – уз. *нэцкэ*, *саке* 1999 – уз. *саке*/больше *сакэ* (словари дают только *саке*; Яндекс *сакэ*, Гугл *саке*), *какэмоно*, *нэши*, *сэбин*, *сэнтэ*, *сэсэн*, *сямисэн*, *тхэквондо*.

⁴ Так, электронный орфографический ресурс «Академос» Института русского языка РАН дает написание *сенсей* с соответствующим указанием на изменение по сравнению с последним изданием «Русского орфографического словаря» 2012 г.

⁵ Об этом слове Вл. Новиков пишет так: «В Россию оно прибыло недавно, но уже прочно внедрилось. Поначалу писалось как «бренд», но вскоре «э» сменилось на «е», а это верный признак обрусения» [5: 26].

⁶ В последние десятилетия круг слов с *э* после парных твердых в словаре расширился. Динамическое соотношение узуса и кодификации слов этого типа в ретроспективе рассмотрено в [1].

⁷ Д. Ю. Хабарова делает уверенное заключение, что, во-первых, «после твердых согласных на конце неизменяемых заимствованных слов принято писать *е*, как это и регламентируется действующими правилами», во-вторых, «для большинства новейших заимствований, у которых выбор морфемизованных формантов, а также положением соответствующей графемы на конце неизменяемого слова или внутри слова после гласного, узус устойчиво предпочитает написание с графемой *е*» [9: 24].

⁸ Сложносокращенным мы считаем сложное существительное, образованное без соединительной гласной, в котором усечение одной или обеих его частей осуществляется безотносительно к морфемному членению слова.

⁹ Самостоятельное *компакт* многозначно: это термин математики и юриспруденции («делка, договор»), а также синоним слова *компакт-диск*; реже встречается в роли постпозитивного неизменяемого определения (*унитаз компакт*), но в сочетаниях с последующей частью расшифровывается как «компактный, небольшой по габаритам».

¹⁰ Согласно § 76 п. 1 «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г.

¹¹ Физические термины типа *масс-анализ*, *масс-спектрометр* и др. имеют длительную традицию дефисного написания и относятся к числу исключений по этому правилу. Нас же интересуют слова общего употребления, соотносительные с прилагательным *массовый* от *массы* «широкие круги населения; народ».

¹² Приведем комментарий из ОРОСС [6: 223], поясняющий мотивы кодификации: «Несмотря на то, что слово является прямым заимствованием, в настоящее время оно все больше воспринимается как сокращение сочетания *массовые медиа*, напр.: *в массовые медиа периодически проникают дикие, по европейским меркам, скандалы; традиционные массовые медиа (и прежде всего – телевидение) остаются основными локомотивом медиаиндустрии и рекламного рынка; массовые медиа будоражат информация о...*». См. также официальное наименование «Институт массмедиа РГГУ».

¹³ Это слово в ОРОСС [6] объясняется двумя правилами: «пишется через **дефис** как **исключение** из правила о слитном написании сложносокращенных существительных (*массовый старт*) § 44 искл. или закрепившееся **дефисное** написание сложного существительного с не употребляющейся самостоятельно первой частью на согласную § 46 п. 2 ◇ Слово пришло в русский язык как спортивный термин, но при наличии в русском более общего по значению словосочетания *массовый старт* стало восприниматься как сложносокращенное слово, напр.: *1 декабря ожидается массовый старт на большинстве курортов на северо-востоке Италии; запланирован массовый старт разработок учебно-методических и контрольных материалов*».

¹⁴ Институтом русского языка им. В.В. Виноградова была проведена соответствующая разъяснительная работа.

¹⁵ Написание части *компакт-...* с дефисом в ОРОСС [6] интерпретировано следующим образом: «пишется через **дефис** как первая часть сложных существительных или сочетаний с приложением, состоящих из двух частей – самостоятельно употребляющихся существительных со вторым склоняемым компонентом, напр.: *компакт-диск, компакт-плеер*».

¹⁶ Поэтому термин *экономический класс*, официально используемый для обозначения класса обслуживания и класса авиабилетов, представляется нам некорректным.

¹⁷ За исключением компонента *тур...*: пишется *гостиница туркласса*, в постпозиции *тур* не встречается.

¹⁸ Однако термин *эконом-панель* (торговое оборудование), введенный в словарь с дефисом, и слова *экономстенд*, *экономразмер*, наоборот, узואльно закрепились в слитном написании – и это закономерно, так как соответствует сочетанию слов *экономичная панель*, *экономичный стенд*, *экономичный размер*.

М. Н. Кулаковский

Вставные конструкции как средство создания комического в художественном тексте

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций как средства создания комического в художественном тексте. Материалом исследования послужили произведения русской художественной прозы первой половины XX в. и тексты современной русской литературы последних десятилетий. В работе определяются наиболее характерные функции вставок в плане формирования авторской иронии, связь вставных конструкций с различными информативными уровнями (в рамках предложения и текста в целом), роль в общей структуре художественного текста. Отмечается важная роль вставок как средства речевой игры автора с читателем, актуализации различных художественных образов, важных для информативного развертывания текста. Автор статьи обращает внимание на новые тенденции употребления вставных конструкций в современной литературе. Выделяются основные способы создания комического эффекта с помощью вставок: взгляд на ситуацию под другим углом зрения, уступка читателю, указание на уже известную комическую ситуацию или ее моделирование, уточнение или неожиданная оценка, интертекстуальное взаимодействие.

Ключевые слова: вставные конструкции, комический эффект, художественный текст, ирония, речевая игра, интертекст, информативный план текста, пространственно-временной план текста, вариативность, оценочность, уточнение.

M. N. Kulakovskiy

Parentheses as a Means of Creating Comic in the Art Text

In the article features of use of parentheses as a means of creating comic in the art text are considered. Works of the Russian art prose of the first half of the XX century and texts of modern Russian literature of the last decades are the material to be researched. In the work the most characteristic functions of parentheses are defined in the aspect of formation of author's irony, links of parentheses with various informative levels (within the sentence and the text in general), a role in the general structure of the art text. The important role of parentheses is noted as a means of a speech game of the author with the reader, updating of various artistic images important for informative development of the text. The author of the article draws attention to new tendencies of the use of parentheses in modern literature. The main ways of creating comic effect by means of parentheses are allocated: a view of a situation from another way of looking, concession to the reader, pointing on already known comic situation or its modeling, specification or unexpected evaluation, intertextual interaction.

Keywords: parentheses, comic effect, art text, irony, speech game, intertext, informative plan of the text, existential plan of the text, variability, evaluativity, specification.

Одним из важных элементов экспрессивного синтаксиса в тексте художественного произведения являются вставные конструкции, которые могут выполнять различные функции, в том числе – создавать комический эффект, связанный обычно с определенным противоречием, отклонением от нормы. При этом информативная и позиционная факультативность вставки позволяет в максимальной степени проявиться эффекту неожиданности, который усиливает комическое. Кроме того, попутный характер авторского замечания позволяет наполнить юмор новыми оттенками, сделать его более тонким.

Комический эффект оказывается часто связан с различными формами речевой игры автора с предполагаемым читателем. Именно поэтому вставка может содержать реплику повествователя в связи с моделируемой читательской реакцией на информацию основной части высказывания: *Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу,*

нагадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Автор, предвосхищая читательскую улыбку, говорит о серьезности им написанного, чем и усиливает иронию. Таким образом, комизм ситуации (достаточно натуралистической) сглаживается ироничным отношением к ней повествователя.

Вставка может объяснять формально-логическое противоречие, представленное в основном контексте: *Лерман и я – оба попали в энциклопедию. В литературную, естественно, энциклопедию. Лерман на букву... «Ш» (библиография к Шолохову). Я – на букву «О» (библиография к Окуджаве). Какое убожество...* (С. Довлатов. Ремесло) [8].

Вставная конструкция может трансформировать нейтральную информацию основного предложения, изложив ее с прагматической (или обывательской) точки зрения: *Чего у нас только нет! – два театра служат искусствам (а один из*

них и чему хотите рад служить) ... (С. Черный. Дневник резонера) [23].

В этом случае базовый акцент в плане комического переносится именно на вставку, основной же контекст выступает в качестве нейтрального «фона», на котором выделяется авторская ирония.

Вставная конструкция может организовывать ситуативное сопоставление. При этом повествователь предлагает читателю смоделировать и сравнить свое поведение в различных ситуациях: *В результате два сомнения – вы злитесь на себя, а попутно и на «добрую знакомую» – тоном глубокого сомнения задаете себе вопрос (в нормальном состоянии вы этого не сделаете): «Не дурак ли я после этого?»* ... (С. Черный. Дневник резонера) [23].

В данном примере нейтральная (фоновая) поведенческая модель представлена уже в вставке, и именно она актуализирует авторскую иронию в основной части высказывания, заставляя читателя вернуться к предтексту.

Создание комического эффекта может быть связано и с тем, что вставная конструкция оформляет изменение точки зрения или оценки на противоположную: *«Доброе имя» (которого и не было никогда в помине) оскорбленного вопиет об отмищении – и оскорбленному нет пощады!* (С. Черный. Дневник резонера) [23].

При этом авторская ирония может мотивироваться контрастом между реальностью ситуации и традиционностью речевого оформления при ее описании: *Последние завывания на сцене, падает (или, вернее, сползает) занавес, и начинается сцена из Дантова «Ада»* (С. Черный. «Аида» в Житомире) [21].

Вставная конструкция может актуализировать типичность описываемой ситуации. Автор в этом случае обращается к жизненному опыту читателя, заставляя его вспомнить подобные ситуации и вскрыть комичность их причин: *Понюхала собака воздух, повела по толпе глазом (народ, конечно, собрался) и вдруг к бабке Фекле, с пятого номера, подходит и нюхает ей подол* (М. Зощенко. Собачий нюх) [9].

Указание на типичность ситуации может подчеркиваться интертекстуальными связями (соотнесением с классической ситуацией): *А время принесет с собой какой-нибудь «пикантный эпизод» ... Иван Иванович поссорится с Иваном Никифоровичем (без этого они не могут!) – и доставят немалое развлечение окружающим, выкладывая всю подноготную своих делишек* ... (С. Черный. Дневник резонера) [23].

Кроме того, комичными могут быть и жизненные наблюдения автора, представленные в вставке

и оформленные в виде своеобразного афоризма: *Какой-то злой человек пустил в свет мнение, будто Житомир – музыкальный город. Мнение это усердно поддерживается местными рецензентами (ибо чем музыкальнее город, тем неизбежнее в нем рецензенты)* ... (С. Черный. «Аида» в Житомире) [21]; *Мгновенно освоился в своем квартале Марэ, избранном и любимом парижской богемой, разузнал, где на рю де Риволи прячется последняя лавочка с нормальными, не туристическими ценами (ибо, как известно, по мере движения к парижской мэрии, а потом к Нотр-Даму или, наоборот, к Лувру стоимость бутылки воды вырастает до стоимости коньяка)* (Д. Рубина. Русская канарейка. Голос) [13].

Возникающая при этом ирония базируется обычно на противоречии между информацией вставки и основного контекста: *Этимися материалами заведовал Герман Беляев, хороший журналист из тех, что «продаются лишь однажды». По существу, он был добрым и порядочным человеком. (Как большинство российских алкоголиков).* (С. Довлатов. Ремесло) [8].

Подобные жизненные наблюдения могут быть оформлены и в виде риторического вопроса: *Дэннис Блэкли – муж или жених... Вскоре мы с ним познакомились. Ясный взгляд, открытое лицо. И совершенно детская улыбка. (Как это они друга находят?!)* (С. Довлатов. Ремесло) [8].

Элементом языковой игры является и своеобразная уступка читателю: *«Я извиняюсь, – уже негодуя, заговорил Никанор Иванович, – какие тут закуски! (Нужно признаться, хоть это и неприятно, что Никанор Иванович был по натуре несколько грубоват.) – На половине покойника сидеть не разрешается! Вы что здесь делаете?»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Авторская ирония мотивируется нежеланием излагать определенные факты (повествователь делает это, как бы уступая читательскому любопытству).

Элемент уступки может наблюдаться и в речи персонажа: *...Но я делал так: сначала брал вилку, кусочек хлеба (был черный, был белый, честное слово) и ловко отделял мясистые бока наваги от косточки...* (А. Аверченко. Поэма о голодном человеке) [1].

При этом подобная уступка выступает как эмоциональная реакция на восприятие сообщения окружающими (так, элемент «честное слово» – ответ на предполагаемое сомнение адресата).

Одним из приемов создания комического является и отсылка к известной читателю комической ситуации: *... Были некоторые дамы, пострадав-*

ише после сеанса (*та, в фиолетовом белье, поразившая Римского, и, увы, многие другие*) ... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Автор в этом случае заставляет читателя вспомнить смешную сцену и перенести ее комизм в описываемую (достаточно часто – нейтральную) ситуацию. Таким образом, деталь становится зацепкой для развития комического.

Повествователь может предложить читателю смоделировать вариативную ситуацию, включив в нее известного персонажа, не являющегося участником событий, и представив комизм ее развития: *Тут Степа ... отчетливо увидел какого-то странного субъекта – длинного, как жердь, и в пенсне (ах, если б здесь был Иван Николаевич! Он узнал бы этого субъекта сразу!)* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Вариативность может быть связана и с функционально-ролевым изменением участников ситуации: *Макдональд гостил у короля (собирается ли король гостить у Макдональда, нам неизвестно)* ... (С. Черный. Начало сезона) [24].

При этом в основе комизма – авторское сомнение в подобном развитии событий. Странностью сомнения мотивируется и авторская ирония в следующем примере: *В целом свете только одна как-кая-то девчонка в Северной Гвинее выиграла от рачьего свиста: у нее прошел насморк по желанию тетки, которой она надоела непрерывным чиханьем. Все остальные добрые желания (если только они были) оказались слишком вялыми и холодными, чтобы рак мог насвистать их исполнение* (Н. Тэффи. Когда рак свистнул) [18].

Вставная конструкция может актуализировать временной план будущего (по отношению к настоящему повествования), позволяя читателю узнать о дальнейшей судьбе героев: *Пришлось разъяснить необыкновенный случай с поющими «Славное море» служащими (кстати: профессору Стравинскому удалось их привести в порядок в течение двух часов времени путем каких-то вспрыскиваний под кожу)* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Создание комического эффекта может определяться неожиданностью реакции повествователя или персонажа произведения: *Разве тюрьма, ссылка, каторга, пытки (которые, кстати сказать, к моему доверителю почему-то не применялись), разве все эти ужасы могли бы вырвать из его гордых уст хоть слово признания или хоть одно из имен тысячи его сообщников?* (Н. Тэффи. Модный адвокат) [19]; *К неграм мы относимся с боязливым пренебрежением. Мы убеждены, что все они насильники и бандиты. Даже косоглазая*

Фира боится изнасилования. (*Я думаю, зря.*) Она говорит: – Зимой и летом надеваю байковые рейтузы... (С. Довлатов. Ремесло) [8].

Вставная конструкция может актуализировать комичную оценку повествователя. В этом случае комизм ситуативный усиливается комизмом оценочным: *Приходится всю жизнь толкать перед собой проклятую тару, на которой к тому же (позор, позор!) выведена большая желтая надпись, восхваляющая непревзойденные качества автомобильного масла «Грезы шофера»* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок) [11]; *На днях как-то соблазнился хорошей погодой, взял лодку (верней, корыто) и поехал обозрывать наши красоты* (С. Черный. Дневник резонера) [23].

Кроме того, авторская ирония может проявляться и через неожиданность оценки, ее функциональную нецелесообразность в данном контексте: *Что, если бы устроители, выбрав строгие и неуязвимые вириши, скажем, Пушкина, Тютчева, Фета, Бунина, Блока (неплохие поэты!), отпечатали их на гектографе и раздали слушателям, а затем ... и сам декламатор, и аудитория пусть вдумчиво прочтут их про себя, тихо переворачивая листочки ...* (С. Черный. Узаконенное любительство) [29].

В других случаях неожиданное появление авторской оценки позволяет актуализировать внешне незначимую деталь основного контекста: – *Для Средневековья смертность была относительно низкой – процентов двадцать пять, не более... (Не более?!)* (Д. Рубина. Русская канарейка. Голос) [13].

Одной из характерных для вставных конструкций в художественном тексте является функция уточнения, которая также может быть использована при создании комического эффекта: *Там присутствует еще одна красавица, уже несколькоотяжелевшая (лет, вероятно, так под девяносто)* (Н. Тэффи. Французский роман) [20].

Авторская ирония при подобном уточнении может основываться на информативно-стилевом смещении: *И если ее зрачки слегка потеплеют, протяни под столом носок ботинка (со скоростью 2 миллиметров в секунду) и, как дыхание ветра, коснись ее ногой* (С. Черный. Руководство для флирта в квартире) [27].

Так, в данном примере нейтральная и образная («как дыхание ветра») информации основного контекста противоречат научной детализации вставки.

Стилевой контраст (осложненный в следующем примере и информативной антитезой) может наблюдаться также внутри вставки: *Двух катего-*

рий (или гений, или кретин) мало – это свидетельствует только о бедности воображения критика (С. Черный. Советы начинающим критикам) [28].

Уточнение, представленное в вставке, может пародировать известное речевое клише: *Результаты? Игрек был единогласно обвинен с выражением общественного порицания (без занесения в эмигрантский формуляр) ...* (С. Черный. Прискорбный случай) [25].

Элемент пародии на излишнюю детализацию анкет наблюдается и в следующем примере (в рассказе цитируется опросный лист для переписи): *Сколько у вас детей? (Своих, подкидышей, футболистов и денационализированных)* (Дон Аминадо. Всеобщая перепись) [4].

В других случаях основой комического становится своеобразная «нейтрализация» указанных деталей: *После первого курса 806-я наша комната поехала в Пиунду, Черное море. Хохол, Виктор Анатольич Карюкин, я и Миша Смирнов (толстый такой, могучий, низенький малый, забудем про него), пограничник Лагутин не поехал, его девушка обставила все так, что деваться некуда, стала матерью и женой ...* (А. Терехов. Бабаев) [17].

В современной литературе вставные конструкции могут актуализировать намеренное отсутствие уточнения или детализации (разрушая образ «всезнающего автора» и заставляя читателя самого найти необходимую информацию): *Однажды во вторник на ул. Серафимы Дерябиной (не знаю, кто такая) стою на втором этаже, возле почтовых ящиков, в обнимку с паровым отоплением* (И. Сахновский. Катастрофа тела) [14].

В других случаях актуализируется намеренная «языковая небрежность» автора, добавляющая яркий ироничный штрих к его портрету (и в какой-то мере сближающая его с читателем): *И затем долго ждали его на причале, наблюдая, как высокая, похожая на норвежку женщина – курчавая, с орлиным профилем, блондинка – встречает пароходы, хватая на бегу брошенный ей с борта канат, набрасывает его петлей на (бакены? швартовы? – мне лень заглядывать в словарь)...* (Д. Рубина. Вилла «Утешение») [12].

Уточняющая функция вставки может раскрывать авторскую иронию, заложенную в основном контексте: *В номере, обставленном с деловой роскошью (две кровати и ночной столик), послышались конский храп и ржание: Ипполит Матвеевич весело умывался и прочищал нос* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [10].

Перечисление составляющих интерьера заставляет читателя вернуться к детали основного предложения и раскрыть комический образ «деловой роскоши».

Детализироваться может и портрет персонажа (через комические нюансы): *Студент склоняет кислое личико набок (бородка – редькой, глаз-гладелки табачного цвета)...* (С. Черный. Вечер юмора) [22].

Создание комического эффекта может быть связано с актуализацией причины действия: *К чести просвещенного владельца «Зеленой рои» – он не обращает своей рои в дрова, а гранитные берега в булыжники для мостовых (невыгодно, должно быть!)...* (С. Черный. Дневник резонера) [23].

При этом представленная причина («невыгодно») вступает в формальное противоречие с оценочным элементом основного контекста («к чести просвещенного владельца»).

Вставка может комически мотивировать и созданный автором образ или его деталь: *Читчики, самые суровые в редакции люди (их сделала такими необходимость прочитывать в день по сто писем, вычерченных руками, знакомыми больше с топором, малярной кистью или тачкой, нежели с письмом), молчали* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [10].

Основой комического может стать своеобразная «информативная уступка»: *Чад- и женолюбец, жуир, острослов и умница, он – вопреки всем представлениям о косности духовного образования – знал девять языков (пять из которых были, впрочем, безнадежно мертвы), защитил блестящую диссертацию по языческим культам ...* (М. Степнова. Женщины Лазаря) [16].

Авторская ирония может проявляться и через элементы цитирования. Например, в следующем примере автор обращает внимание на типичную грамматическую ошибку и через нее актуализирует оценку персонажей: *Старшие их собратья, поэты, уже вошедшие в литературную табель о рангах (среди них даже «любимцы публики обих полушарий», как писали в уездных афишах о доморощенных Вяльцевых), – показали им соблазнительный пример* (С. Черный. Узаконенное любительство) [29].

В другом случае комичным представляется само содержание цитируемого текста (в данном случае – лозунга): *После ликвидации второго дома собеса (было продано все, включая даже туальденоровый колпак повара и лозунг: «Тщательно пережевывай пищу, ты помогаешь обществу») Альхен решил отдохнуть и поразвлечься* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [10].

Достаточно часто ирония автора связана с мотивировкой речевого оформления высказывания. Так, актуализироваться может часто употребляемое, но не всегда оправданное в контексте слово или выражение: *Пошленькая, прикладная мудрость всегда выручит: всем, мол, не поможешь, а паллиативы (любят у нас это слово) не должны иметь место в здравомыслящем обществе* (С. Черный. Дневник резонера) [23].

Автор может обратить внимание читателя и на орфоэпические особенности речи персонажа: – *Законный процент (в последнем слове она сделала ударение на «о»). А то, может, щец похлебашь? С обеда осталось. Я б разогрела* (А. Аверченко. Русское искусство) [3].

Речевые особенности могут быть подчеркнуты и таким экзотическим способом, как трудностью (или невозможностью) перевода экспрессивной фразы на иностранный язык (при этом необходимость перевода мотивируется тем, что текст адресован иностранцу): *Но мы на это не обращаем никакого внимания и жарим дальше. (Я не знаю, как по-норвежски «жарить», но вы поймете.)* (Дон Аминадо. Открытое письмо доктору Нансену) [5].

Кроме того, комизм усиливает и уверенность адресанта в адекватном его понимании.

Речевая игра автора может быть построена на соотношении различных лексико-семантических вариантов многозначного слова или омонимов: *Граф Безухов, не доложившись, неожиданно вошел в комнату жены и застал последнюю (она же была и первая у него) в объятиях своего друга князя Болконского* (А. Аверченко. Русские в Византии) [2].

Комический эффект могут создавать и антропони́мы, выступающие в качестве своеобразных контекстуальных синонимов: *Университет имени Жданова. (Звучит не хуже, чем «Университет имени Аль Капоне»...)* (С. Довлатов. Ремесло) [8].

При этом синонимия возникает на основе общей оценки повествователем данных личностей, а синтаксический параллелизм позволяет усилить иронию.

Вставная конструкция может осуществлять эвфемистическую замену в речи персонажа (одновременно характеризуя пропущенный элемент): *«Эт! Разве это опера? Это не опера, а... (следует энергическое слово) – вот в прошлом году»* (С. Черный. «Аида» в Житомире) [21].

Интересно, что комический эффект может возникать и из взаимодействия вставных конструкций между собой. Так, в следующем примере он связан с позиционной вариативностью одинаковых компонентов: *Завтрак в Славянском базаре (селянка, кулебяка и расстегаи), обед у Тестова*

(кулебяка, расстегаи и селянка), ужин у Омона (расстегаи, селянка и кулебяка) ... (С. Черный. Руководство для гг. приезжающих в Москву) [26].

В современной литературе в основе создания комического эффекта часто лежит интертекстуальное взаимодействие. Такое соотношение усложняет информативную структуру произведения, делая ее более многоплановой и разветвленной, а авторскую иронию – более тонкой: *Безупречно выполненный приказ как будто вычеркнул из числа живых не только нелепого подростка (экспертиза показала, что невинно убиенный был накачан брагой до миндалин, до детских припухших желез), но и самого Огарева (М. Степнова. Безбожный переулочек) [15]; Арсений часами наблюдал за качанием ее вымени и иногда припадал к нему губами. Корова (что в вымени тебе моем?) не имела ничего против, хотя всерьез относилась лишь к утренней и вечерней дойке* (Е. Водолазкин. Лавр) [7].

Таким образом, проведенный анализ показал, что вставные конструкции могут играть важную роль при создании комического эффекта в художественном тексте. В частности, авторская ирония может выражаться с помощью взгляда на ситуацию под другим углом зрения, уступки читателю, указания на уже известную комическую ситуацию или ее моделирования, уточнения или неожиданной оценки, интертекстуального взаимодействия, которые формируют общую систему речевой игры с читателем.

Библиографический список

1. Аверченко, А. Т. Поэма о голодном человеке [Текст] / А. Т. Аверченко // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 151–155.
2. Аверченко, А. Т. Русские в Византии [Текст] / А. Т. Аверченко // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 188–191.
3. Аверченко, А. Т. Русское искусство [Текст] / А. Т. Аверченко // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 184–187.
4. Аминадо, Д. Всеобщая перепись [Текст] / Д. Аминадо // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 246–247.
5. Аминадо, Д. Открытое письмо доктору Нансену [Текст] / Д. Аминадо // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 258–260.
6. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита [Текст] / М. А. Булгаков // Белая гвардия; Мастер и Маргарита. – Минск : Ураджай, 1988. – С. 16–270.
7. Водолазкин, Е. Г. Лавр [Текст] / Е. Г. Водолазкин. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2013. – 448 с.
8. Довлатов, С. Д. Ремесло [Текст] / С. Д. Довлатов // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – С. 7–212.
9. Зоценко, М. М. Собачий нюх [Текст] / М. М. Зоценко // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 313–315.

10. Ильф, И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров // Двенадцать стульев; Золотой теленок: Романы. – М. : Художественная литература, 1992. – С. 4–304.
11. Ильф, И. А., Петров Е. П. Золотой теленок [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров // Двенадцать стульев; Золотой теленок: Романы. – М. : Художественная литература, 1992. – С. 306–620.
12. Рубина, Д. Вилла «Утешение» [Текст] / Д. Рубина // Полное собрание рассказов в одном томе. – М. : Эксмо, 2011. – С. 483–504.
13. Рубина, Д. Русская канарейка. Голос [Текст] / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2014. – 512 с.
14. Сахновский, И. Ф. Катастрофа тела [Текст] / И. Ф. Сахновский // Нелегальный рассказ о любви. – М. : Астрель, 2009. – С. 224–231.
15. Степнова, М. Л. Безбожный переулоч [Текст] / М. Л. Степнова. – М.: АСТ, 2014. – 384 с.
16. Степнова, М. Л. Женщины Лазаря [Текст] / М. Л. Степнова. – М. : АСТ, 2012. – 444 с.
17. Терехов, А. М. Бабаев [Текст] / А. М. Терехов // Это невыносимо светлое будущее. – М. : Астрель, 2009. – С. 7–204.
18. Тэффи, Н. А. Когда рак свистнул [Текст] / Н. А. Тэффи // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 33–37.
19. Тэффи, Н. А. Модный адвокат [Текст] / Н. А. Тэффи // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 29–32.
20. Тэффи, Н. А. Французский роман [Текст] / Н. А. Тэффи // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 84–87.
21. Черный, С. «Аида» в Житомире [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 99–101.
22. Черный, С. Вечер юмора [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 101–103.
23. Черный, С. Дневник резонера [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 88–99.
24. Черный, С. Начало сезона [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 111–113.
25. Черный, С. Прискорбный случай [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 139–142.
26. Черный, С. Руководство для гг. приезжающих в Москву [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 104–105.
27. Черный, С. Руководство для флирта в квартире [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 105–106.
28. Черный, С. Советы начинающим критикам [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 103–104.
29. Черный, С. Узаконенное любительство [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 115–120.

Bibliograficheskiy spisok

1. Averchenko, A. T. Pojema o golodnom cheloveke [Tekst] / A. T. Averchenko // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 151–155.
2. Averchenko, A. T. Russkie v Vizantii [Tekst] / A. T. Averchenko // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 188–191.
3. Averchenko, A. T. Russkoe iskusstvo [Tekst] / A. T. Averchenko // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 184–187.
4. Aminado, D. Vseobshhaja perepis' [Tekst] / D. Aminado // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 246–247.
5. Aminado, D. Otkrytoe pis'mo doktoru Nansenu [Tekst] / D. Aminado // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 258–260.
6. Bulgakov, M. A. Master i Margarita [Tekst] / M. A. Bulgakov // Belaja gvardija; Master i Margarita. – Minsk : Uradzhaj, 1988. – S. 16–270.
7. Vodolazkin, E. G. Lavr [Tekst] / E. G. Vodolazkin. – M. : Redakcija Eleny Shubinoj, 2013. – 448 s.
8. Dovlatov, S. D. Remeslo [Tekst] / S. D. Dovlatov // Sobraie sochinenij v 4 t. T. 3. – SPb. : Izdatel'skij Dom «Azbuka-klassika», 2007. – S. 7–212.
9. Zoshhenko, M. M. Sobachij njuh [Tekst] / M. M. Zoshhenko // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 313–315.
10. Il'f, I. A., Petrov E. P. Dvenadcat' stul'ev [Tekst] / I. A. Il'f, E. P. Petrov // Dvenadcat' stul'ev; Zolotoj telenok: Romany. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1992. – S. 4–304.
11. Il'f, I. A., Petrov E. P. Zolotoj telenok [Tekst] / I. A. Il'f, E. P. Petrov // Dvenadcat' stul'ev; Zolotoj telenok: Romany. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1992. – S. 306–620.
12. Rubina, D. Villa «Uteshenie» [Tekst] / D. Rubina // Polnoe sobranie rasskazov v odnom tome. – M. : Jeksmo, 2011. – S. 483–504.
13. Rubina, D. Russkaja kanarejka. Golos [Tekst] / D. Rubina. – M. : Jeksmo, 2014. – 512 s.
14. Sahnovskij, I. F. Katastrofa tela [Tekst] / I. F. Sahnovskij // Nelegal'nyj rasskaz o ljubvi. – M. : Astrel', 2009. – S. 224–231.
15. Stepnova, M. L. Bezbozhnyj pereulok [Tekst] / M. L. Stepnova. – M. : AST, 2014. – 384 s.
16. Stepnova, M. L. Zhenshhiny Lazarja [Tekst] / M. L. Stepnova. – M. : AST, 2012. – 444 s.
17. Terehov, A. M. Babaev [Tekst] / A. M. Terehov // Jeto nevyinosimo svetloe budushhee. – M. : Ast-rel', 2009. – S. 7–204.
18. Tjeffi, N. A. Kogda rak svistnul [Tekst] / N. A. Tjeffi // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 33–37.
19. Tjeffi, N. A. Modnyj advokat [Tekst] / N. A. Tjeffi // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 29–32.
20. Tjeffi, N. A. Francuzskij roman [Tekst] / N. A. Tjeffi // Satira iumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 84–87.

21. Chernyj, S. «Aida» v Zhitomire [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 99–101.
22. Chernyj, S. Vecher jumora [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 101–103.
23. Chernyj, S. Dnevnik rezonera [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 88–99.
24. Chernyj, S. Nachalo sezona [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 111–113.
25. Chernyj, S. Priskorbnyj sluchaj [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 139–142.
26. Chernyj, S. Rukovodstvo dlja gg. priezzhajushhih v Moskvu [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 104–105.
27. Chernyj, S. Rukovodstvo dlja flirta v kvartire [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 105–106.
28. Chernyj, S. Sovety nachinajushhim kritikam [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 103–104.
29. Chernyj, S. Uzakonnenoe ljubitel'stvo [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 115–120.

Reference List

1. Averchenko A. T. The poem about the hungry person // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 151–155.
2. Averchenko A. T. Russian in Byzantium // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 188–191.
3. Averchenko A. T. Russian art // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 184–187.
4. Aminado D. General census // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 246–247.
5. Aminado D. Open letter to Doctor Nansen // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 258–260.
6. Bulgakov M. A. The Master and Margarita // White Guard; The Master and Margarita. – Minsk : Uradzhai, 1988. – P. 16–270.
7. Vodolazkin E. G. Laurus. – M. : Elena Shubina's editorial staff, 2013. – 448 p.
8. Dovlatov S. D. Craft // Collected works in 4 v. V. 3. – SPb. : Azbuka-Klassika Publishing House, 2007. – P. 7–212.
9. Zoshchenko M. M. Dog scent // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 313–315.
10. Ilf I. A., Petrov E. P. Twelve chairs // Twelve chairs; Gold calf: Novels. – M. : Khudozhestvennaya Literatura, 1992. – P. 4–304.
11. Ilf I. A., Petrov E. P. Gold calf // Twelve chairs; Gold calf: Novels. – M. : Khudozhestvennaya Literatura, 1992. – P. 306–620.
12. Rubina D. Villa «Consolation» // Complete collection of stories in one volume. – M. : Eksmo, 2011. – P. 483–504.
13. Rubina D. Russian canary. Voice. – M. : Eksmo, 2014. – 512 p.
14. Sakhnovsky I. F. Tragedy of a body // Illegal story about love. – M. : Astrel, 2009. – P. 224–231.
15. Stepnova M. L. Bezbozhny Lane. – M. : ACT, 2014. – 384 p.
16. Stepnova M. L. Lazar's Women. – M. : ACT, 2012. – 444 p.
17. Terekhov A. M. Babaev // This insufferably bright future. – M. : Astrel, 2009. – P. 7–204.
18. Taffy N. A. When cancer whistled // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 33–37.
19. Taffy N. A. Fashionable lawyer // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 29–32.
20. Taffy N. A. French novel // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 84–87.
21. Cherny S. «Aida» in Zhytomyr // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 99–101.
22. Cherny S. Evening of humour // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 101–103.
23. Cherny S. Diary of the moralist // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 88–99.
24. Cherny S. Beginning of the season // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 111–113.
25. Cherny S. Grievous incident // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 139–142.
26. Cherny S. Manual for those who come to Moscow // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 104–105.
27. Cherny S. Manual for flirtation in the apartment // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 105–106.
28. Cherny S. Advice to the beginning critics // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 103–104.
29. Cherny S. The legalized amateurism // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 115–120.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.09.2017
Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

Л. В. Ухова

Визуальный язык пользователей социальных сетей

Статья посвящена одной из разновидностей интернет-мемов – демотивационным постерам. Демотиваторы, появляющиеся в социальных сетях, определяются как сложный социокультурный феномен интернет-коммуникации, обладающий жанроопределяющими и жанрообразующими признаками (формальными и содержательными признаками текста креолизованной/поликодовой природы) и служащий многообразным целям организации коммуникативного пространства социальной сети. Особое внимание уделяется демотивационным постерам, рассматриваемым как особый тип языка (визуального), определяется специфика его функционирования в виртуальном общении.

Ключевые слова: креолизованный/поликодовый текст, интернет-мемы, демотивационный постер (демотиватор), социальные сети, визуальный язык.

L. V. Ukhova

Visual language of Social Network Users

The article is devoted to one of kinds of Internet memes – demotivational posters. The demotivators appearing in social networks are defined as a complex sociocultural phenomenon of the Internet communication, which has genre determining and genre forming signs (formal and substantial signs of the text of the creolised/polycode nature) and is constructed to diverse purposes of the organization of social network communicative space. Special attention is drawn to the demotivational posters considered as a special type of language (visual), the specifics of its functioning in virtual communication is defined.

Keywords: creolised/polycode text, Internet memes, demotivational poster (demotivator), social networks, visual language.

В последние десятилетия в интернет-сообществах получили широкое распространение так называемые интернет-мемы.

Интернет-мем (он же интернет-феномен) – единица информации, объект, ранее малоизвестный и, как правило, неожиданно ставший популярным, распространяясь от одного человека к другому через интернет. Термин «мем» введен английским этологом Ричардом Докинзом для описания процессов хранения и распространения отдельных элементов культуры.

Мемы – это просто информация, но функционирование мемов имеет свои последствия. Они могут распространяться горизонтально (между представителями одного поколения) и вертикально (от поколения к поколению); это объекты, копирующие самих себя. Выживание мема зависит от наличия, по крайней мере, одного носителя, а воспроизводство зависит от наличия того носителя, который пытается распространить сущность мема. Информационное содержание конкретного мема влияет на ту вероятность, с которой он будет скопирован, производя свой оптимон. Мемы могут видоизменяться, чтобы формировать новые мемы. Они участвуют в борьбе друг с другом за ресурсы и в итоге подвергаются естественному отбору.

С популяризацией интернета мемы получили новую среду для распространения и легли в осно-

ву особого социального явления – интернет-мемов. Интернет-мемы представляют собой некую информацию (отдельную фразу, текст, медиафайл), добровольно передаваемую пользователями друг другу. В последнее время, как правило, средой распространения интернет-мемов являются блогосфера и форумы, однако мемы могут также распространяться с помощью мессенджеров, электронной почты и выходить за пределы интернета, например, попадая в СМИ (в таких случаях также применяют понятие «медиавирус»). Наиболее популярные жанровые разновидности интернет-мемов – это демотиваторы, баяны, эдвейсы (те же мемы), комиксы, стрип-комиксы, карикатуры.

Благоприятной средой для распространения интернет-мемов оказались и социальные сети, в которых эти феномены приобрели, в том числе, и статус особого языка пользователей. Так, в последние несколько лет в интернет-пространстве широкое распространение получили так называемые демотиваторы, или демотивационные постеры. Картинка в черной рамке, внизу подпись-слоган – вот что такое демотиватор. Однако при кажущемся строгом минимализме эти картинки полифункциональны как по самой природе, так и по характеру распространения в интернет-сообществах.

Демотиваторы, появляющиеся в социальных сетях, – это сложный социокультурный феномен

интернет-коммуникации, обладающий жанроопределяющими и жанрообразующими признаками (формальными и содержательными признаками текста креолизованной/поликодовой природы) и служащий многообразным целям организации коммуникативного пространства социальной сети, а потому стабильно вызывающий исследовательский интерес.

В отсутствие специальных изысканий, посвященных этой проблеме, мы обратились к самим пользователям. Результаты анкетирования (100 человек) показали, что сами пользователи считают демотиваторы и *видом массового искусства* (100 % опрошенных), и *сетевым юмором* (100 % опрошенных), и *рекламой* (85 % опрошенных), и, правда, в меньшей степени, *средством общения* (40 % опрошенных) [4, с. 136].

В рамках настоящей статьи остановимся на частном аспекте и рассмотрим демотиваторы только как средство общения в социальных сетях.

В качестве объекта для исследования нами намеренно была выбрана социальная сеть «ВКонтакте», поскольку сегодня – это самая популярная российская сеть: «ВКонтакте» ежедневно посещает каждый третий пользователь Интернета (31 %), 23 % делают это еженедельно. На сегодня «ВКонтакте» – это более 97 млн пользователей (ср.: у «Одноклассников» – 45 млн) и 9-е место в списке самых крупных социальных сетей мира, 58 % пользователей – молодые люди в возрасте до 25 лет.

Итак, любая социальная сеть – это прежде всего объем информации, которым готов поделиться один человек с другим. Человек стремится рассказать о себе, своих увлечениях, мыслях, чувствах, он хочет говорить и быть услышанным. Однако социальная сеть «ВКонтакте» предполагает и определенную меру публичности, это своеобразный формат «Я и другие». Человек самовыражается, иногда обнажается, но всегда по определенным правилам, следуя инструкциям, учитывая конкуренцию (рейтинг, количество друзей / посетителей и др.), он создает свою роль, свой желаемый образ. Интернет-сообщество – это мир идеальных людей, в котором они представляются такими, какими хотят, чтобы их видели другие. Иными словами, социальная сеть – прекрасный инструмент маркетинга личности.

Еще одной особенностью коммуникации в социальных сетях можно считать ее полуоткрытый тип (ср.: арго, жаргон, сленг). Так, в демотиваторе *Все трое пытались поработить Россию, теперь угадай – кому действительно удалось* только пользователи сети «ВКонтакте» могут адекватно

декодировать смысл коммуникативного послания, поскольку знают, что третий человек – Павел Дуров, создатель этой социальной сети (первые два – Гитлер и Наполеон).

Кроме того, следует подчеркнуть специфику самой коммуникационной цепи, в которую вовлекается адресат: источник – сообщение – кодирующее устройство – канал – декодирующее устройство – адресат – результат коммуникации – обратная связь, – а именно, высокую степень условности при декодировании респондентами визуального образа демотиваторов.

Так, при оценке демотиватора *«Ипотека – доступное жилье»* (визуальный образ – енот в картонной коробке) только 4 человека из 100 сказали, что демотиватор посвящен брошенным животным. Остальные 96 сочли, что в демотиваторе отражена острая социальная проблема доступности жилья. И если в данном случае вектор рефлексии задан большей смысловой нагрузкой вербального компонента высказывания, то в следующем примере (изображение афроамериканца с тоской и почти слезами смотрящего прямо на адресата; слоган: *Я хочу есть, а ты хочешь айфон*), как нам кажется, и вербальный, и визуальный компоненты текста не предполагают большого количества трактовок, однако в образе афроамериканца большинство опрошенных увидели бомжа.

Что же касается вербального компонента, то при декодировании последнего пользователи, напротив, не склонны прибегать к различного рода интерпретациям, а воспринимают буквально и сам текст, и ситуацию, в которой он может быть использован в качестве послания.

Так, при анализе демотиватора *Пусть знает, что она на втором месте* (изображение вида из окна, где на асфальте мелом крупно написано: *НАСТЯ, Я ЛЮБЛЮ ФАСОЛЬ*) на вопрос, кому может быть адресовано данное послание, большинство опрошенных ответили – любимой девушке. А на вопрос, с какой целью, самым популярным был ответ: «Чтобы знала, что она не единственная в жизни».

Если рассматривать демотиваторы как средство общения, то возникает вопрос о том, можно ли считать их языком. На наш взгляд, можно, правда, языком особого рода – *визуальным*, что сближает демотиватор с жанрами последовательного искусства, или визуальной литературы: комиксами и графическими романами. Задача автора таких произведений состоит в том, чтобы при помощи структурных компонентов произведения создать своего рода уникальный язык, который позволит ему наиболее точно отразить свои идеи и предо-

ставить интерпретатору почву для сотворчества. Интерпретация знаковой системы произведений последовательного искусства, как и демотиваторов, требует большой активности реципиента, призывая его к сотворчеству для ясного понимания вербально-визуального сообщения. Любые тексты культуры обладают стандартным механизмом создания произведения, под которым понимается модель, представляющая собой «пример исторически сложившейся практики зрительного воплощения того или иного типа текста» [1, с. 31]. Спецификой такой модели служит коммуникативно-прагматическая направленность текста, то есть такая организация вербальных и невербальных средств построения креализованного текста, которая обеспечит наиболее оптимальное прагматическое воздействие на интерпретатора [1, с. 31]. Знаки разных семиотических систем в жанрах последовательного искусства и демотиваторах выполняют идентичные функции, а сами тексты рассчитаны на визуально ориентированную аудиторию (прежде всего, детскую и подростковую) и призваны активизировать интерпретационные возможности адресата подобных изданий.

Вербальные и невербальные элементы комикса/графического романа/демотиватора формируют целостную структуру, компоненты которой связаны на содержательном (внутренняя структура) и композиционном (внешняя структура) уровне, поэтому креализация выступает главным инструментом коммуникации и способом репрезентации.

Креализованные тексты делятся на тексты с частичной и полной креализацией. В текстах с частичной креализацией один из языков (вербальный или невербальный) выступает в качестве главной семиотической системы, а другой является лишь дополнением. В текстах с полной креализацией, к которым в полной мере можно отнести комикс, графическую новеллу и демотиватор, вербальный и невербальный языки оказываются в состоянии взаимной зависимости и дополняют друг друга [2, с. 7], то есть образуют вербально-визуальное единство – комбинацию из двух типов знаков, которые не просто складываются, они больше, чем сумма, действуют в разносторонних отношениях и обладают синергетическим эффектом [3, с. 161]. Кроме того, по отдельности и в сочетании друг с другом они формируют узнаваемые символы, что и предоставляет адресату возможности для их верной интерпретации. Когда эти образы-символы используются снова и снова, чтобы передавать определенные идеи, они становятся языком, который в последнее время принято называть языком рекламы (или языком плаката –

одной из самых ранних жанровых разновидностей вербально-визуальной рекламы), реже – визуальным языком.

Визуальный язык определяется как система связи с использованием визуальных элементов и пока еще используется в основном в сфере компьютерных игр (реже – в рекламном бизнесе). В виртуальном пространстве визуальный язык призван не только помогать игроку мгновенно «читать» окружение и видеть свои геймплейные возможности, но и обеспечивать благоприятную среду для функционирования игровых механик. Визуальный язык – это средство коммуникации между игроком и элементами окружения, позволяющее при помощи системы визуальных подсказок (минуя пользовательский интерфейс) передать информацию о состоянии и способе взаимодействия с объектом [5].

Кроме того, в вербально-визуальном единстве демотивационных постеров можно выделить знак-стимул и знак-реакцию, в качестве которых может выступать как вербальный, так и визуальный код. Но особенностью демотиваторов можно считать выявление синергетического эффекта и в комбинации семантически свободных компонентов текста.

Еще одной отличительной чертой демотиваторов является определенная степень мобильности вербальных и визуальных компонентов текста, когда при одинаковом визуальном образе используются разные слоганы и, наоборот, при одном слогане используются разные изображения. Однако синергетический эффект этих демотиваторов, как правило, разный.

Каковы же характеристики демотиваторов как языка, без которых они не могут существовать? Очевидно, что демотиваторы имеют те же характеристики, что и язык в традиционном понимании этого слова, поскольку, во-первых, являются средством человеческого общения (коммуникативная функция); во-вторых, – средством получения новых знаний о действительности (когнитивная функция); в-третьих, реализуют функцию хранения и передачи знаний о действительности, традиций, культуры и истории (аккумулятивная функция); в-четвертых, являются выражением чувств и эмоций (эмотивная функция); и, наконец, в-пятых, реализуют функцию воздействия (волонтативная функция).

Но поскольку мы рассматриваем демотиваторы как средство общения, уместен вопрос о владении этим языком. Итак, можно ли овладеть языком демотиваторов? Оказывается, можно. На каждом сайте Demotivators.ru предлагается создать свой

демотиватор, и при желании можно воспользоваться этой услугой (ср.: самоучитель по английскому, французскому языку и т. д.). А можно создать его самостоятельно, не прибегая к сторонней помощи.

В заключение отметим, что тематика демотиваторов довольно обширная (ср.: со смыслом; с «приколом»; про жизнь; про любовь; про дружбу; про одиночество; про курение и алкоголь; про животных (грустные); про жизнь животных; про дружбу детей; про войну), что свидетельствует о том, что молодое поколение волнует практически все существующие на сегодняшний день проблемы как общества в целом, так и отдельно взятой личности.

Ситуации же, в которых демотиваторы используются в социальной сети, вполне коррелируют с речевыми ситуациями приватного межличностного общения (ср.: *инициировать дискуссию, высуждение; поднять настроение собеседнику; «подколоть» собеседника; произвести впечатление на собеседника; придать своим словам особую значимость; помириться; поделиться мыслями или переживаниями; признаться в любви*).

Кроме того, как показало наше исследование, 18 % опрошенных коллекционируют демотиваторы в своих альбомах. И если посмотреть на цели коллекционирования (ср.: *могу при случае кого-то на них отметить; могу при случае с кем-то обсудить поднятую в демотиваторе проблему; могу использовать по случаю какого-то праздника; это «классная» шутка; оригинально представлена идея; считаю это произведением искусства; в них встречаются глубокие и мудрые мысли; соответствуют моему теперешнему состоянию*), то многие из них соответствуют целям коллекционирования языковых прецедентных феноменов (афоризмов, крылатых выражений, юмористических высказываний и т. д.).

Таким образом, демотиваторы можно рассматривать как особый визуальный язык современной интернет-коммуникации, требующий от адресата высокой интерпретационной культуры.

Библиографический список

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова [Текст] / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Ключанов, И. Э. Структура и функции параграфических элементов текста [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Э. Ключанов. – Саратов, 1983. – 24 с.
3. Ухова, Л. В. Внутренняя структура рекламного текста: к вопросу об эффективности коммуникации [Текст] / Л. В. Ухова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 159–163.
4. Ухова, Л. В., Баслина, Е. Ю. Демотивационный постер как жанр сетевого юмора [Текст] / Л. В. Ухова, Е. Ю. Баслина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 135–140.
5. Ухова, Л. В. Формат не формат: современная детская книга как рекламный текст [Текст] / Л. В. Ухова // Человек в информационном пространстве: материалы всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции. Том 2. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 134–141.

Bibliograficheskij spisok

1. Bart, R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika: Per. s fr. / Sost., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova [Tekst] / R. Bart. – M. : Progress, 1989. – 616 s.
2. Kljukanov, I. Je. Struktura i funkcii paragrafemnyh jelementov teksta [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / I. Je. Kljukanov. – Saratov, 1983. – 24 s.
3. Uhova, L. V. Vnutrennjaja struktura reklamnogo teksta: k voprosu ob jeffektivnosti kommunikacii [Tekst] / L. V. Uhova // Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki. – 2011. – № 2. – S. 159–163.
4. Uhova, L. V., Baslina, E. Ju. Demotivacionnyj poster kak zhanr setevogo jumora [Tekst] / L. V. Uhova, E. Ju. Baslina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 1. – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 135–140.
5. Uhova, L. V. Format ne format: sovremennaja detskaja kniga kak reklamnyj tekst [Tekst] / L. V. Uhova // Chelovek v informacionnom prostranstve: materialy vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem mezhdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tom 2. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – S. 134–141.

Reference List

1. Bart R. Selected works: Semiotics: Poetics: translated from French / author, general edition and foreword by G. K. Kosikova. – M. : Progress, 1989. – 616 pages.
2. Klyukanov I. E. Structure and functions of paragrapheme elements of the text: author's abstract. ... Candidate of Philological Sciences. E. Klyukanov. – Saratov, 1983. – 24 pages.
3. Ukhova L. V. Internal structure of the advertizing text: to a question of communication efficiency // Bulletin of Yaroslavl state university named after P. G. Demidov. Series Humanities. – 2011. – № 2. – P. 159–163.
4. Ukhova L. V., Baslina E. Yu. Demotivational poster as genre of network humour//Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2014. – № 1. – Volume I (Humanities). – P. 135–140.
5. Ukhova L. V. Format not a format: modern children's book as advertizing text//the Person in information space: materials of the All-Russian with the international participation cross-disciplinary scientific and practical conference. Volume 2. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2017. – P. 134–141.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.09.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

Е. А. Ермолин

Каузальная атрибуция как элемент «исторического гнозиса»

(Г. С. Лебедев, С. И. Плещеев, А. Б. Куракин)

Миссия Герасима Лебедева в Индии была вызвана его знакомством с окружением великого князя Массонства Павла и была масонским проектом понимания основ индийского духа, в котором Лебедев нашел много моментов христианства. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: культура XVIII века, масонство, эзотерический гностицизм, индийская миссия Г. С. Лебедева, С. И. Плещеев, А. Б. Куракин.

CULTURAL SCIENCE

Е. А. Ermolin

Causal Attribution as an Element of «Historical Gnosis»

(G. S. Lebedev, S. I. Pleshcheev, A. B. Kurakin)

Gerasim Lebedev's mission in India was caused by his acquaintance with company of the Grand Duke of Freemasonry Pavel and was the Masonic project of understanding bases of the Indian spirit, where Lebedev found many aspects of Christianity. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: culture of the 18th century, freemasonry, esoteric Gnosticism, Indian mission of G. S. Lebedev, S. I. Pleshcheev, A. B. Kurakin.

Как известно, биография Герасима Степановича Лебедева основывается, прежде всего, на его собственных сочинениях (письмах, автобиографических, дневниковых и других записях). Дефицит внешних источников или даже полное их отсутствие порой останавливают нас перед непрозрачными, необъяснимыми фактами. К числу таких относится и ключевое событие в жизни Лебедева – отъезд его из Европы в Индию.

Прибавление смысла может дать, думается, перенос в сферу исторического гнозиса методологии каузальной атрибуции (attribution theory), разработанной в социальной психологии Гарольдом Келли, Фрицем Хайдером, Ли Россом. Каузальная атрибуция заключается в интерпретации, приписывании причин действий человека в условиях дефицита информации о действительных причинах его поведения. Характер атрибуции зависит, как принято считать, от двух показателей: соответствия поступка ролевым ожиданиям (чем больше соответствие, тем меньше дефицит информации, следовательно, степень приписывания

будет меньше) и соответствия действия культурным нормам. Жизнь человека и ее события уникальны, однако в них преломляются некие общие закономерности, определяющие возможности, исходя из норм и ролевых позиций.

Иными словами, обстоятельства биографии Лебедева в технологии каузальной атрибуции наводят на ряд предположений, позволяющих разрешить затруднения, связанные с мотивацией его действий и общим порядком событий. Перекрестие ролевого соответствия и культурных стандартов может дать дополнительные аргументы в пользу уже высказывавшихся предположений о том, что поездка Лебедева в Индию была вызвана знакомством с масонами из окружения Павла Петровича, в частности, А. Б. Куракиным и С. И. Плещеевым, которых интересовала информация о «древней мудрости Востока», и что масонство и связанный с ним эзотерический гностицизм повлияли и на самого Лебедева.

Гипотеза эта совсем не разработана. Что можно добавить в ее обоснование?

Отметим особый, ключевой в жизни Лебедева характер событий, случившихся в Париже в 1782 году. Он был впервые представлен великому князю Павлу Петровичу и эта встреча с представителем российской императорской фамилии, будущим императором, была единственной в его жизни. Причем предстал он русскому принцу не как талантливый музыкант, а с некоей особой задачей. Речь идет либо о своего рода монаршем благословении на поездку в Индию, либо даже о соответствующем повелении (как о том писал Лебедев в конце своей жизни).

Здесь сразу возникает ряд вопросов. Как вообще могла состояться эта встреча? Кто и на каком основании организовал ее? В чем могла состоять, по логике аудиенции, миссия Лебедева в Индии?

Вне масонского контекста ответы на эти вопросы дать невозможно в принципе. Сначала Лебедев в своих европейских странствиях должен был войти в связь с масонами, чтобы затем через эти контакты получить рекомендации для русских аристократов, приближенных к Павлу Петровичу, и потом, уже в атмосфере доверия, возможного только между людьми, причастными к одной организации, встретиться с будущим императором и вообще обсуждать перспективы индийской миссии. Среди конфиденентов Лебедева логично видеть ближайших спутников Павла Петровича: Сергея Ивановича Плещеева и князя Александра Борисовича Куракина.

Плещеев, в ранней молодости отправленный в Англию учиться военно-морскому делу, получил изрядное образование и, вероятно, масонское посвящение. Его называли даже первым русским мартинистом [2, с. 25]. В любом случае он был среди страстных энтузиастов движения, именно в эти годы находящегося на крутом подъеме. Плещеев был помощником Никиты Ивановича Панина в воспитании цесаревича и знакомил последнего с русской литературой. 21 сентября 1781 года он был назначен состоять при Павле Петровиче, был в его свите при путешествии по Европе и снискал большое расположение как Павла Петровича, так и Марии Федоровны, которой он преподавал географию. Для занятий с Марией Федоровной Плещеев составил учебник по географии России «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии». Леопольд Энгель полагал, что именно он увлек цесаревича Павла Петровича в масонство [9, с. 193].

По возвращении из-за границы в 1783 году он за свои средства отпечатал «Начертание путешествия их императорских высочеств, государя ве-

ликаго князя Павла Петровича и государыни великой княгини Марии Федоровны под именем графа и графини Северных с частным и общим перечнями всего путешествия, предпринятого в 1781 и оконченного в 1782 году». Но сам к тому моменту был удален из Петербурга указом Екатерины II был удален из Петербурга: ему между прочим ставилась в вину и принадлежность к масонству.

Князь Александр Борисович Куракин был воспитанником своего дяди Никиты Ивановича Панина, воспитателя Павла Петровича. Панин поощрял общение и игры великого князя со своим племянником. Куракин сделался самым близким другом будущего императора, которого величал в частных письмах Павлушкой (а Павел называл его своей «душою»). В 1766 году Куракин («мсье Борисов») был отправлен в протестантский Кильский Альбертинский университет (Christiana Albertina), где слушал лекции около года, а затем он завершил своё образование в Лейденском университете. Возможно, уже в это время он стал масоном. По возвращению в Петербург Куракин делает успешную карьеру. Он был избран петербургским предводителем дворянства и, разумеется, по долгу старинной дружбы сопровождает великого князя Павла Петровича в его путешествиях за границу, в том числе в Берлин для знакомства с невестой, Софией Вюртембергской (после венчания Марией Федоровной), которая затем на протяжении многих лет состояла с ним в переписке. После Берлина он был отправлен в Стокгольм для извещения короля Швеции Густава III о браке цесаревича. В Швеции Куракин был посвящён в высшие степени масонства с наказом возложить на себя гроссмейстерство русской провинциальной ложи, подчинив ее шведскому капитулу. Согласно одной из легенд, Екатерине I стало известно, что во время визита в Петербург шведского короля тот посетил собрание масонской ложи в доме Куракина, где посвятил в масонство и Павла Петровича. По настоянию императрицы Куракин был выслан из Петербурга в саратовскую усадьбу.

Третьим конфидентом-единомышленником Лебедева мог быть духовник великокняжеской четы священник Андрей Самборский, который если не формально, то по духу и стилю жизни был близок к масонам.

Вот тот круг, в котором сложилась идея отправки Лебедева в Индию. Когда он оказался в Лондоне, по их рекомендации ему покровительствовал русский посланник Семен Романович Ворон-

цов, благодаря которому Лебедев получил разрешение на въезд в Индию.

Проблемы и сложности возвращения Лебедева из Индии в Европу и затем в Россию оказались, кстати, связаны с тем, что его ближайшие конфиденты Плещеев, Куракин и Воронцов оказались именно в это время не у дел. Он в 1798 году обращался к вице-адмиралу Плещееву с Мыса Доброй Надежды, из Кейптауна [6, с. 197–213], не зная, что тот (как и Куракин с Воронцовым) как раз в эти месяцы попал в немилость и получил отставку.

Разумеется, индийская миссия Лебедева в таких координатах имела не художественный, не узко-политический и не экономический характер. На переломе жизни, в 33 года, Лебедев получал задание особого рода. У него должна была быть более серьезная и ответственная духовная цель, соотносимая с масонскими представлениями. Вероятно, речь шла о поиске древней мудрости, разведывании сокровенных тайн. О круг идей, которые могли существовать в масонской среде относительно Индии дает информация современного эзотерика: «Эзотерическая ключевая нота нации гласит, что Индия «скрывает свет». Ее цель – раскрыть человечеству сокрытый свет. Когда человек больше не фокусируется на материальной стороне жизни – ее формах, а начинает прозревать таящуюся внутри них жизнь, то он видит вещи такими, каковы они есть. Это дает возможность преобразовать хаотичную ситуацию в гармоничную. Это рассуждение в полной мере относится и к Индии. Только в этом случае Индия сможет проявить свои душевные свойства, то есть правильно использовать присущие ей качества лидера. Она получит помощь от Британии, а Британия – от Индии. Индия «скрывает свет», а англичане «служат» тому свету, который скрывает Индия» [7].

В этой связи понятнее становятся индийские приоритеты Лебедева. Занимаясь разными делами в Индии отчасти для души, отчасти для прикрытия, он упорно пытался проникнуть в содержание индийских тайн. С этим связан его переезд в Калькутту. Он пытался изучать санскрит, бенгалец, школьный учитель Голокнатх Дас учил его языкам, знакомя с индийской космогонией, мифологией, литературой, арифметикой и астрономией. Затем у него появились и другие учителя; он самостоятельно знакомился также с письменными источниками, в том числе и переводными.

Итогом этих трудов стала созданная позднее книга «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их

и народных обычаев...» [6]. Идея «беспристрастия» в данном контексте имеет явно масонский характер. То, в чем некоторые критики сочинений Лебедева видят изъян, для него принципиально. В масонском духе Лебедев видит во всех формах духовного поиска и веры общий исток, общий корень, возводит все религии к единому первоначально бытия. Именно поэтому Лебедев считает Индию страной, сохранившей «истинно христианские» духовные ценности и рассматривает индуизм и христианство как формы единой религии, отождествляя индуистское Тримурти с Троицей, Кришну с Иисусом Христом, прочих божеств с ангелами и т. п.

Характерны и другие поздние, российские труды Лебедева, в которых вполне отчетливо выражается его взгляд на вещи.

В 1815 году Лебедев послал записки о стихосложении индийцев Гавриилу Державину, работавшему над трактатом «Рассуждение о лирической поэзии». В качестве примера он приложил напечатанную на санскрите брошюру с транскрипцией и на русском «Шлоке Мога Мудгаро. Стихи нравоучительные» – перевод обращенного к Кришне гимна «Мохамудгара» (то есть «Разрушение иллюзий», буквально «Молот заблуждения» или «Молот, (дробящий) заблуждение»), название которого нередко дается по первой строчке: «Бхаджа-говиндам» («Славь Говинду»).

Гимн, приписываемый философу и богослову Шанкаре, представляет собой апологию бхактизма, который по своей мистической окраске не мог не быть близок Лебедеву. Для лебедевского перевода характерно отождествление религиозных идей Индии с христианскими. Индуистский гимн выглядит у него, по сути, христианским текстом масонского извода (очевидна здесь типологическая общность, например, с ярославскими масонскими стихотворениями Василия Санковского):

*Престань алкать богатств, о бренный человек!
Но душу украшай ты добрыми делами;
Учись вкушать плоды от собственных трудов:
Вот средства погасить желанья похотливы.*

*Чей сын ты, знаешь ли? и кто твоя жена?
Скажи, кто ты? За чем сюда явился?
Познал ли ты теперь превратность жизни сей?
Познай же власть, мой друг, Правителя вселенной.*

*По что во младости гордишься суетой,
Когда в минуту смерть со всем нас разлучает?*

*Не лучше ль отложить к мирским забавам
страсть,*

И шествовать стезёй, Творцом определённой?

*Что жизнь твоя? Она как капелька воды,
Которая дрожит на розовом листочке;
Подобна челноку, в иной плывуицу мир:
Пожертвуй хоть часом ты истине священной.*

*Уже ты без зубов, бледнеют и уста,
Трясётся голова, и члены все ослабли,
Валится из твоих дрожащих посох рук;
Но ты и тут ещё стяжать богатства алчешь.*

*Рождённым будучи, ты должен умереть,
Оставить бурный свет, и спать в земной утробе;
Коль зришь ты в свете сем мечту и суету,
Так в злате ли найдёшь ты щастие надёжно?*

*Ты видишь как текут ночь, вечер, утро, день,
И года времена на крыльях пролетают;
Не видишь ли как смерть разит всегда людей,
Почто ж твой алчный взор стремится лишь к бо-
гатству?*

*Под древом жизни храм тебе назначил Бог,
Постелей шар земной, растения покровом;
В наружном блеске благ нет истинных отрад;
Доставить может их одна лишь чиста совесть.*

*Коль хочешь угодить Создавшему тебя,
Не делай зла друзьям, не мсти врагам ты лютым;
В жестоки сварливы, ни в тихи мирны дни:
Вот правило тебе, вот истина священна.*

*Осмь гор и седьм морей под властью состоят
Единого Творца, создавшего вселенну;
Один лишь ими Он всесильно управляет;
Так что ж крушить тебя? Скажи о чём скорбишь?*

*Когда един есть Бог, Создатель тварей всех;
На что же умствуешь, душею ты мятешься;
Смотря на вымыслы и хитрости других,
Стараешься всегда блеснуть умом пред всеми?*

*В младенчестве игрой твой разум занят был,
В цветущи юны дни страстям ты покорялся,
Под старость жизнь твою болезни тяготят,
Когда ж на помощь ты Творца призвать подицишься?*

*Уста наставника гласят ученикам
Законы мудрости двенадцать наставлений;
Но кто вещания сии пренебрежёт,
Что делать более осталось с таковыми?*

[цит. по.: 4]

Лебедев работал также над сочинением «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания арифметики...», которое должно было показать религиозно-философскую основу индийской арифметики, её «таинственные смыслы». Как известно, он успел завершить только первый раздел, рассматривающий числовую символику в индийской мифологии и философии, воспроизведя в русском переводе значительные фрагменты «Бхагавадгиты», известной вообще в России с 1788 года [3].

Библиографический список

1. Андреева, Г. М. Социальная психология [Текст] / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 1999.
2. Барсков, Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века [Текст] / Я. Л. Барсков. – Пг., 1915.
3. Васильков, Я. В. Частичный пересказ «Бхагавадгиты» в «математической» рукописи Герасима Лебедева: предварительное сообщение [Текст] / Я. В. Васильков // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 19–21 июня 2006 г. / отв. редактор Н. Н. Казанский. – СПб. : Наука, 2006. – С. 30–37.
4. Васильков, Я. В., Гуров, Н. В. Первый русский перевод с санскрита: «Мохамудгара» Шанкары в переводе Г. С. Лебедева [Текст] / Я. В. Васильков, Н. В. Гуров // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 18–20 июня 2007 г. / отв. редактор Н. Н. Казанский. – СПб. : Нестор-История, 2007. – С. 31–46.
5. Давидсон, А. Б., Макрушин, В. А. Облик далекой страны [Текст] / А. Б. Давидсон, В. А. Макрушин. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.
6. Лебедев, Г. С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменнов, священных обрядов их и народных обычаев, Всевытейшему монарху посвящённое; собрано на Российском языке и издано жившим в Калкутте Герасимом Лебедевым [Текст] / Г. С. Лебедев. – СПб. : Типография автора, 1805.
7. Спаров, В. Полная история масонства в одной книге [Электронный ресурс] / В. Спаров. – М. : АСТ, Астрель-СПб, 2010. – Режим доступа: http://www.plam.ru/hist/polnaja_istorija_masonstva_v_odnoi_knige/p2.php
8. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12.
9. Engel, L. Geschichte des Illuminaten-Ordens [Текст] / Leopold Engel. – Berlin, 1906.

Bibliograficheskij spisok

1. Andreeva, G. M. Social'naja psihologija [Tekst] / G. M. Andreeva. – M. : Aspekt Press, 1999.
2. Barskov, Ja. L. Perepiska moskovskih masonov XVIII veka [Tekst] / Ja. L. Barskov. – Ptg., 1915.
3. Vasil'kov, Ja. V. Chastichnyj pereskaz «Bhagavadgity» v «matematicheskoy» rukopisi Gerasima Lebedeva: predvaritel'noe soobshhenie [Tekst] / Ja. V. Vasil'kov // Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija – X (chtenija pamjati I. M. Tronskogo). Materialy mezhdunarodnoj konferencii, prohodivšej 19–21 ijunja 2006 g. / otv. redaktor N. N. Kazanskij. – SPb. : Nauka, 2006. – C. 30–37.
4. Vasil'kov, Ja. V., Gurov, N. V. Pervyj russkij perevod s sanskrita: «Mohamudgara» Shankary v perevode G. S. Lebedeva [Tekst] / Ja. V. Vasil'kov, N. V. Gurov // Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija – XI (chtenija pamjati I. M. Tronskogo). Materialy mezhdunarodnoj konferencii, prohodivšej 18–20 ijunja 2007 g. / otv. redaktor N. N. Kazanskij. – SPb. : Nestor-Istoriya, 2007. – S. 31–46.
5. Davidson, A. B., Makrushin, V. A. Oblik dalekoj strany [Tekst] / A. B. Davidson, V. A. Makrushin. – M. : Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1975.
6. Lebedev, G. S. Bespristrastnoe sozercanie sistem Vostochnoj Indii bragmenov, svjashennykh obrjadov ih i narodnykh obyчаev, Vsesvjatejsheму monarhu posvjashjonnoe; sobrano na Rossijskom jazyke i izdano zhivshim v Kalkutte Gerasimom Lebedevym [Tekst] / G. S. Lebedev. – SPb. : Tipografija avtora, 1805.
7. Sparov, V. Polnaja istorija masonstva v odnoj knige [Elektronnyj resurs] / V. Sparov. – M. : AST, Astrel'-SPb, 2010. – Rezhim dostupa: http://www.plam.ru/hist/polnaja_istorija_masonstva_v_odnoi_knige/p2.php
8. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Tekst] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 12.
9. Engel, L. Geschichte des Illuminaten-Ordens [Tekst] / Leopold Engel. – Berlin, 1906.

Reference List

1. Andreeva G. M. Social psychology. – M. : Aspekt Press, 1999.
2. Barskov Ya. L. Correspondence of Moscow masons of the 18th century. – Ptg., 1915.
3. Vasilkov Ya. V. Partial retelling of «Bhagavadgita» in the «mathematical» manuscript of Gerasim Lebedev: the preliminary message // Indo-European linguistics and classical philology – X (readings in memory of I. M. Tronsky). Materials of the international conference, which took place on June 19–21, 2006 / editor-in-chief N. N. Kazansky. – SPb. : Nauka, 2006. – P. 30–37.
4. Vasilkov Ya. V., Gurov N. V. The first Russian translation from Sanskrit: «Mokhamudgara» of Shankara in translation of G. S. Lebedev // Indo-European linguistics and classical philology – XI (readings in memory of I. M. Tronsky). Materials of the international conference, which took place on June 18–20, 2007 / editor-in-chief N. N. Kazansky. – SPb. : Nestor-Istoriya, 2007. – P. 31–46.
5. Davidson A. B., Makrushin V. A. Image of the far-away country. – M. : Main editorial office of East literature of «Nauka» Publishing House, 1975.
6. Lebedev G. S. Impartial contemplation of East India systems of bragmen, their solemn rites and folk customs, to the Holiest monarch devoted; it is collected in the Russian language and published by Gerasim Lebedev living in Kalkutte. – SPb. : Author's printing house, 1805.
7. Sparov V. Complete history of freemasonry in one book [An electronic resource] / V. Sparov. – M. : ACT, Astrel-SPb, 2010. – Access mode: http://www.plam.ru/hist/polnaja_istorija_masonstva_v_odnoi_knige/p2.php
8. Yurieva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» // Culturological magazine. – 2014. – № 1. – P. 12.
9. Engel L. Geschichte des Illuminaten-Ordens [Tekst] / Leopold Engel. – Berlin, 1906.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

Н. С. Землянская

Поиск сведений о происхождении Г. С. Лебедева

В статье раскрываются этапы и результаты поиска сведений о месте происхождения первого российского индолога, основателя первого театра европейского типа Герасима Степановича Лебедева. Поскольку вопрос о месте происхождения Г. С. Лебедева остается открытым, автор статьи намечает новые пути для дальнейшего исследования данной проблемы. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: культура XVIII века, Ярославль, Герасим Лебедев, метрические и исповедальные книги.

N. S. Zemlyanskaya

Search of Data on G. S. Lebedev's Origin

In the article are revealed stages and search results of data on the place of origin of the first Russian indianist, founder of the first theater of the European type Gerasim Stepanovich Lebedev. As the question of G. S. Lebedev's place of origin is open, the author of the article maps out new ways for a further research of this problem. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: culture of the 18th century, Yaroslavl, Gerasim Lebedev, metric and confessionary books.

Сведения о раннем периоде жизни Лебедева скудные и противоречивые. Основной источник их – автобиографические данные в его книге об Индии, служебных формулярах и письмах частным лицам. Напомним, что нам известно, а что нет: дата рождения Г. С. Лебедева – только год – 1749, место рождения – нет. Мы знаем, что родителей его звали Стефан и Прасковья, но отчества их неизвестны. Братья Герасима Степановича – Афанасий и Трефил, сестра – Антонида. Однако место и время рождения родственников не установлены. О своем сословном положении Герасим Степанович написал: «из древней благородной священнической фамилии Лебедевых». Никаких документов, подтверждающих или опровергающих эти сведения, на сегодняшний день не найдено. Эта скудность сведений о своем роде, месте рождения и причинах семейных неурядиц наводит на мысль о какой-то тайне. Вследствие этого возникли две версии о месте рождения Герасима Степановича Лебедева. По первой, основной, Герасим Степанович – ярославец. Убедительным доводом этой версии, помимо всех прочих, явилась запись, со слов Герасима Степановича, в таможенной книге г. Калькутты о его ярославском происхождении. По второй версии, имеющей многих сторонников, он родом с Украины и даже выходец из крепостных гр. К. Разумовского – покровителя их семьи. Проанализировав автобиографические данные Г. Лебедева и мнения индологов, мы выдвинули промежуточную версию. По

ней Герасим Степанович Лебедев – ярославец, но предки его из южных земель. На это указывали связи Лебедевых с выходцами из Украины и их покровительство. В то же время мы расширили понятие ярославец – как уроженец Ярославского края [24, с. 127–129].

По административному делению 1727 года весь Ярославский край входил в Московскую губернию и делился на провинции, а те на уезды. Большую часть территории края занимала Ярославская провинция с городами Ярославль, Романов, Пошехонье – центрами уездов. Ростов с уездом входил в Переславскую провинцию, Углич, Мышкин – в Угличскую [23, с. 214–215].

Основываясь на этих положениях, мы начали поиск прямых и косвенных данных согласно нашей версии. Вначале мы обратились к краеведческой литературе и фондам местного архива. Результаты наших первоначальных исследований опубликованы [24, с. 129–135].

По нашей версии Герасима Лебедева надо было искать в Ростове, центре Ростовской епархии, возглавляемой на тот период известным богословом Арсением Мациевичем. В Ростов чаще всего приезжали церковно и священнослужители с Украины – колыбели православия восточных славян. Для жителей г. Ростова имя Стефан (более поздний вариант – Степан) имело особое значение. В Ростове издревле был храм Святого архидьякона Стефана. Стефаном звали старшего брата Сергия Радонежского, духовника великого

князя Симеона. Исторической личностью, связанной с Ростовом XIV века, был известный миссионер, просветитель Святой Стефан епископ Пермский, в прошлом инок древнего ростовского монастыря «Григорьевского затвора». Святых и преподобных Герасимов известно около десятка. Наиболее почитаемы, как показали исследованные источники, в ярославском крае были два Герасима. 24 и 29 января почитали Герасима Пермского, бывшего пермского епископа и миссионера XV века. 4 марта почитали преподобного Герасима вологодского, миссионера XII века [1].

Предметом исследований послужили Метрические книги и Исповедные росписи храмов. Поиск имен в Метрических книгах предельно прост, так как в них по каждому приходу храмов три раздела: Рожденные, Венчанные и Умершие. В Исповедных росписях запись прихожан каждого храма велась семьями по дворам и сословиям. Вначале шла запись дворов духовных лиц, затем чиновников, посадских, в конце дворы дворян и монастырей с их крепостными. Помимо этого, во дворах жили квартиранты. Вследствие этого поиск крайне затруднителен.

Метрических книг по г. Ростову у нас не было, поэтому мы повторно просмотрели Исповедные росписи городских храмов за 1751, 1758 годы с поиском имен: Герасим, Стефан (Степан) и производных от них отчеств Герасимов, Стефанов (Степанов), женских имен Стефанида (Степанида), Параскева (Прасковья) [16]. Главное внимание мы уделяли церковным (дьячкам, пономарям) и священным (попам, дьяконам) служителям. Священники исповедовались при других храмах, дьяконы, дьячки, пономари – при своих. Просмотр показал наличие большого количества мужских имен Стефан (поздний вариант – Степан) и отчеств, образованных от них. Имя Герасим встречается реже, в сочетании с именем Стефан (Степан) и другими именами. Священнослужителей с именем Стефан и отчеством Стефанов в храмах немного: Введения Пресвятой Богородицы священником был Стефан Петров, 44 лет, Собору Иоанна Предтечи – Петр Стефанов, 36 лет, Спаса на площади – Георгий Стефанов, 59 лет, Соборной церкви «ключарный поп» Стефан (Степан) Герасимов, к 1758 году он стал протоиереем. Ни у кого из них не было жены Прасковьи и сына Герасима. Кроме этого у митрополита Арсения Мациевича служил подьяконом Владимир Стефанов, 30 лет. Из 31 храма прихожане с выше указанными именами и отчествами встретились в 23, наибольшее количество – в 7. Это храмы: Всех Святых, Воздвиженья Честного креста, Соборной Успенья Богоматери, Козьмы и Даминиана, Спаса в Спасовой

слободе, Николая Чудотворца на Сполье, Рождества Богородицы при одноименном монастыре. Больше всего прихожанок с именем Парасковья. Эти имена встретились в 18 храмах. В двух храмах Воздвиженья Честного креста и Рождества Богородицы Прасковий по 10, в храмах Николая Чудотворца на Сполье, Козьмы и Даминиана – в каждом более 20. Прихожане с именами Стефан, Стефанида, отчествами Стефановы были в 21 приходе, но понемногу и с тенденцией к более поздним вариантам – Степан, Степанида, Степанов. Они встречались в приходах церквей: соборной – Успенья Богоматери, Рождества Богородицы при Девичьем монастыре, Николая Чудотворца в Подозерье и храмов окраин: Константина и Елены в Ямской слободе, Николая Чудотворца на Сполье, Козьмы и Даминиана, Спаса в Спасовой слободе. Против нашего ожидания в приходе храма Архидьякона Стефана не было прихожан с именем этого святого. Среди прихожан восточных Спасской и соседней Ямской слобод проживало 7 Стефанов, 6 «детей Стефановых», более 10 Прасковий, в том числе и Прасковья Стефанова.

Имя Герасим, отчество Герасимов значилось в исповедных росписях 14 храмов. Встретились и полные тезки Г. С. Лебедева. Так в Богоявленском монастыре (приход церкви Козьмы и Даминиана) жил на пропитании отставной капрал Герасим (Герасим на 1749 г.) Стефанов. В приходе церкви Спаса, что в Спасове слободе – среди крестьян Богоявленского монастыря жили Кобелевы: отец Стефан Савельев с сыном Герасимом Стефановым (позднее – Степановым). Их полные тезки, но с фамилией Скобелевы проживали в соседней Ямской слободе прихода церкви Константина и матери его Елены (возможно, ошибка Исповедной росписи). Всего же по Исповедным росписям церквей г. Ростова за 1751 год значилось около десятка прихожан с именем Герасим и столько же с отчеством Герасимовы. К сожалению ни один Герасим не подходил под возраст Герасима Лебедева на тот период, не совпадали имена родителей, братьев (Афанасия, Трефила) и сестры (Антониды), а также их сословное происхождение. Таким образом, имена Стефан и Герасим, Прасковья для Ростова были привычны, но, следов Герасима Степановича Лебедева в Ростове на 1751, 1758 годы нами не обнаружено.

Мы решили расширить поиск на Ростовский и Угличский уезды, по которым сохранились Метрические книги за 1749 год [21]. По ним в Ростовском уезде из 69 приходов в 4 (деревнях Филиппцево, Ратково, Устажской и Акулово) родились Герасимы (один в феврале и трое в марте). Их отцы крепостные крестьяне Иван Стефанов, Никита

Герасимов, Михаил Васильев, Василий Семенов. Имя Герасим и отчество Герасимов встретилось в 5 приходах. В с. Хлебницы Герасимом звали священника. Имя Стефан, Стефанида, отчество Стефанов было в 11 приходах. Поискали мы в глупинке. Метрические книги Угличского уезда Моложского стана [14]. Из 29 приходов в двух (в селах Верхнее Никульское и Космодемьянское) родившиеся мальчики получили имя Герасим. Оба – дети крепостных крестьян Герасима Иванова и Ивана Дмитриева. В д. Леванцово проживал крестьянин Герасим Герасимов. Имена Стефан, Стефанида и отчество Стефанов встретилось нам в 8 приходах. В Иерусалимской слободе это имя священника. В посаде Молога Угличского уезда в 1749 году среди рожденных не было Герасимов, но было два Стефана. Один прихожанин имел отчество Герасимов. В то же время наиболее распространено имя Степан – русское бытовое произношение.

Помня, что сам Герасим Степанович называл себя ярославцем, мы обратили особое внимание на Ярославль и Ярославскую провинцию в целом. Метрических книг по Ярославлю и уезду было достаточно много. Главное место в поиске занимал Ярославль. Учитывая возможность ошибочности даты рождения, расширили хронологические рамки поиска от 1746 до 1751 годов. Прежде всего, проверили сборники Метрических книг г. Ярославля на полноту комплектов [18]. Во всех городских сборниках отсутствовали Метрические книги по двум храмам: Успенскому собору и церкви Спас-Пробоинская. Так же отсутствовали Метрические книги по храмам Владимирской Божьей матери на убогих домах на 1747–1751 годы, Фрола и Лавра на 1748–1750 годы, Богоявления Господня на 1750–1751 годы, Иоанна Богослова на 1748 год, Благовещенья на 1751 год. На 1749 год – время рождения Герасима Лебедева, отсутствовали Метрические книги по 4 храмам: Успенскому собору и церквям Спас-Пробоинской, Фрола и Лавра, Владимирской Божьей Матери. Вероятные причины таковы: Собор кафедральный, приход небольшой, рядом стояли три приходских храма: Николы, Иоанна Златоуста и Ильинско-Тихоновский, в которых и крестили новорожденных. Спасо-Пробоинский храм на тот период относился к Афанасьевскому мужскому монастырю. По остальным храмам, метрические книги, возможно, не сохранились. Пропуск недостающих Метрических книг по вышеуказанным храмам (за исключением Успенского и Спасо-Пробоинского) мы заменили исповедными росписями за 1750, 1760-е годы [20]. Вот результаты поиска: В двух ярославских храмах были приделы в честь Свя-

тых Стефанов. В храме Сретенье Господня – придел Стефана Сурожского, в храме Спас на Городу – придел во имя архидьякона Стефана. Однако это не влияло на выбор имени.

При просмотре Метрических книг церквей г. Ярославля за 1746, 1747, 1748, 1749, 1750 годы среди рожденных детей Герасима не выявлено. (1749 год – официальная дата рождения Герасима Лебедева) [22]. Отсутствующие Метрические книги мы заменили Исповедными росписями церквей на 1750 год: К приходу церкви Владимирской Божьей матери приписано 10 дворов священников городских и сельских храмов, всего же 16 дворов. В одном из этих шестнадцати дворов жил Стефан 12 лет, сын пономаря этого храма [7]. В приходе церкви Флора и Лавра 8 дворов, не было ни Стефана, ни Герасима [6]. Приход церкви Иоанна Богослова большой, в нем 94 двора. В приходе проживали, наряду с другими, всего лишь один Стефан Васильев и один Иван Герасимов [9]. В приходе церкви Богоявления Господня было 36 дворов. Лишь одна прихожанка имела отчество Герасимова [8].

По Метрическим книгам в приходах церквей г. Ярославля на 1751 год Герасим среди рожденных детей не значился [17]. По пропущенным храмам Владимирской Божьей Матери, Богоявления, Благовещенья просмотрены Исповедные росписи начала 1760 годов. Так в приходе храма Богоявления на 1761 год нет Герасима. Среди приписанных к храму для исповеди есть священник храма села Кресты – Петр Стефанов, 48 лет [4]. По приходу Владимирской Божьей матери в 1763 году так же нет ни Стефана, ни Герасима. В большом приходе церкви Благовещенья на тот же год жили три Стефана, одна Стефанида, Ларион Стефанов, но Герасима не было [10]. Интересно, что на 1761 год в кафедральном Успенском соборе г. Ярославля служил священник Герасим Степанов 25 лет. Он был женат и имел сына Алексея двух лет. Герасиму Степановичу Лебедеву на тот год должно быть всего 12 лет.

Таким образом, на середину XVIII века имя Стефан и производные от него женское имя Стефанида и отчество Стефанов были употребляемы среди жителей г. Ярославля, чаще всего среди духовных лиц и, вероятно, приверженцев старины. Однако уже на это время оно постепенно заменяется русским вариантом произношения Степан, Степанида, Степановы. Имя Герасим (Герасим) и отчество Герасимов встречается гораздо реже и за 6 лет (с 1746 по 1751 годы) этим именем не был назван ни один мальчик. Вероятно, святой, в честь которого называли, не был популярен в крупных городах, да и в сельской местности к нему обра-

щались не часто. Можно сказать, что устоявшееся мнение о рождении Герасима Степановича Лебедева в Ярославле, пока не нашло подтверждение документами.

Просмотр Метрических книг Ярославского уезда на 1749 год тоже дал отрицательный результат [19]. Мы нашли среди рожденных детей четырех Герасимов, но все они были детьми крепостных крестьян Григория, Фирса, Карпа, Семена. Среди прихожан встречались Стефаны, Герасимы (Гарасимы), с отчествами от этих имен и Стефаниды.

По г. Романову Метрические книги отсутствовали, обратились к Исповедным росписям за 1750 год, но Герасима Лебедева мы не нашли. В городе действовало 8 храмов, данные о приходе отсутствовали по 2: Собору Воздвижение Честного Креста и ружной церкви Покрова Пресвятой Богородицы (возможно, остальные не сохранились). Поиски показали: В приходе храма Воскресения Христова жил дворовый крестьянин Герасим Андреев, «дети Герасимовы» – в приходах храмов Михаила Архангела – 3 и Преображения Господня – 2 [5].

По Романовскому уезду у нас были Метрические книги на 1749 год [15]. Ни в одном из 29 храмов уезда в 1749 году мальчик Герасим не родился.

Каковы итоги? Просмотр Метрических книг и Исповедных росписей показал следующее: женское имя Прасковья популярно как в городах, так и особенно в сельской местности. Имя Стефан более распространено в кругах духовных лиц, выходцев из юго-западных земель и приверженцев старины. Среди остального населения это имя употребительно в транскрипции Степан. Имя Герасим достаточно редкое, особенно в городах, особенно в транскрипции Гарасим.

Отрицательные результаты просмотра Метрических и Исповедных книг Ярославля, Ростова, Романова и уездов заставили нас искать косвенные доказательства пребывания Герасима Лебедева на ярославской земле. Заинтересовали нас дела по Духовной семинарии, открытой в 1747 году при Ярославском Спасском монастыре. В семинарии могли быть преподавателями выходцы из южно-русских земель, возможно и отец Герасима Лебедева. Одно из дел за 1747 год называлось: Об осмотре семинарии архимандритом Спасо-Ярославского монастыря Варфоломеем Любарским. Он был определен в семинарию как «ученый человек» от Святейшего Синода [12]. Была так же просмотрена «Ведомость о школах и учителях Спасо-Ярославской семинарии, обретающихся 1747 года февраля с 21 дня» [11]. 1770 го-

ды. Сведения об учителях носят биографический характер. Стоявшие во главе семинарии на 1770 е годы: ректор – архимандрит Ярославского Спасского монастыря Иоиль Быковский, префект, учитель богословия и философии – иеромонах Афанасий Белецкий, выходцы с Украины, в прошлом воспитанники Киевской духовной академии, известные богословы [26, с. 352]. Остальные четверо учителей – «великороссияне», священники. Сведения об учениках и их родителях даны с 1768 по 1778 годы. В семинарии учились в основном дети городских и сельских священников, дьяконов. Наше предположение подтвердилось: возглавляли семинарию известные богословы из южно-русских земель. Преподавательский состав был дан только на 1770-е годы, что выходило за временные рамки нашего исследования.

Изучение генеалогии ярославских дворян Лебедевых также не дал положительных результатов. Все три рода ярославских дворян Лебедевых попали в благородное сословие в XIX веке. Кроме того, не исключено, что отец Герасима Лебедева до вступления в сан священнослужителя имел другую фамилию [3].

Надежды на положительный результат поисков Герасима Лебедева вызвало у нас дело «О ссылке дьякона храма Иоанна Предтечи г. Санкт-Петербурга Стефана Архипова в Александрову пустынь Ярославского уезда», 1747–1751 годы [13]. Имя этого дьякона – Стефан, он был выслан из столицы в тот временной период событий, в который входил 1749 год – все вписывалось в нашу концепцию, и даже место ссылки: Александрова пустынь находилась в 60 верстах от Ярославля под Рыбной слободой [25, с. 518].

Из «Доношения» архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Варфоломея митрополиту ростовскому и ярославскому Арсению Мациевичу выясняется: сослан дьякон – «рострига» Стефан Архипов «за пьянственное житие и за противные и предерзостные в том пьянстве ево поступки». Однако история эта началась еще 21 сентября 1732 года, когда он, явившись пьяным в храм Иоанна Предтечи Петербурга, во время службы вел себя непристойно. За свои проступки Стефан Архипов по приказу Синода был лишен священнического чина и отослан в Ростовский архиерейский дом «для определения в иное служение». Вероятно, вслед за ним последовала и его семья. Лишь в 1744 году при митрополите Арсении Мациевиче он был сослан в Александрову пустынь, где содержался под караулом и подвергался побоям. Не выдержав жестокого обращения, в ноябре 1747 года он сказал за собою «Слово и дело государево» (Наличие сведений об измене

против государыни – Н. 3.). За это его жестоко наказали плетьюми и прислали снова в Ростовскую духовную консисторию, а оттуда в Ярославскую провинциальную канцелярию. Здесь его подвергли строгому допросу, во время которого он показал, что «Дело де Государево за собою сказывал он, от... напрасных побоев...» Его вновь наказали плетьюми. В этом же 1747 году Стефан Архипов сослан в Ростовский Зачатиев-Яковлевский монастырь «к трудам», а в июле 1750 года в Ярославский Спасский монастырь». В феврале 1751 года архимандрит монастыря Варфоломей отмечал в его поведении «послушание» и прощает его. Срок ссылки Стефана Архипова 17 лет. Неизвестно его происхождение, возраст, семейное положение. Ответы на эти вопросы можно было получить лишь в Клировой ведомости церкви Иоанна Предтечи Санкт-Петербурга, но она не сохранилась. Из выше изложенного дела не вытекает, что это отец Герасима Лебедева, однако наводит на мысль о подобных причинах неурядиц в их семье [2]. Удивительно и то, как превратности его судьбы по хронологии соответствуют ранним этапам жизненного пути Герасима Лебедева: в 1747 – июль 1750 годы – Стефан Архипов в Ростовском монастыре, 1749 год – время рождения Герасима Степановича. Июль 1750 – февраль 1751 года – перевод Стефана в Ярославский Спасский монастырь – возможно, с этого времени Герасим Лебедев стал жить в Ярославле. 1751 год – время освобождения Стефана Архипова. В это же время отец Герасима Лебедева уезжает в капеллу графа Разумовского, которая в начале 1750-х годов выступает в Москве. Семья остается в Ярославле. Герасим Лебедев уезжает к отцу в возрасте 14 лет, то есть в 1763 году. Если принять версию, что Стефан Архипов – отец Герасима Лебедева, то место рождения последнего – Ростов. Для проверки родства Стефана Архипова и Герасима Лебедева надо просматривать Метрические книги церквей г. Ростова на 1749 год или их Исповедные росписи 1749 – начала 1750 годов. По г. Ярославлю необходимо просмотреть Исповедные росписи церквей за 1751–1752 и 1762–1763 годы. Особое внимание надо уделять квартирантам, как по городским дворам, так и слободским, близ вышеуказанных монастырей. Этот поиск органично вписывается в нашу концепцию.

В целях сокращения времени на поиск, желательно параллельно вести исследования в архивах Москвы, Петербурга, Харькова.

В столичных архивах необходимо просмотреть фонд Полицмейстерских контор, которые выдавали документы на прибытие и отъезд, а также фонд Духовного ведомства (Клировые, Исповедные ве-

домости храмов), которые помогли бы раскрыть тайну семьи Лебедевых. Безусловно, интерес представляют архивы Капеллы графа К. Г. Разумовского, друзей и покровителей Г. Лебедева: Самборского, Смирнова, Разумовского.

Библиографический список

1. Брокгауз, Ф. А. и Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь [Текст] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Т. VIII. – СПб., 1892. – С. 447–448.
2. ГАЯО. Ф. 19, оп.112, д.66, л.801, 1737 г.
3. ГАЯО. Ф. 213, оп.1, д.1927, лл.1,11,18, 1914 г.
4. ГАЯО. Ф. 230, оп. 13, д. 3161, л.295.
5. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д. 1358, лл.1 – 56, 1750 г.
6. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д. 1397, л.99.
7. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д.1395, л.42.
8. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д.1397, лл. 124–127.
9. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д.1397, лл.116–123.
10. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д.3615, л.37; д. 3616, лл. 57–61, 1763 г.
11. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д.950, лл.29 об. – 32 об.
12. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д.957, 1747 г.
13. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д.963, лл.1,4, 7 – 8.
14. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д. д. 1174, 1175, 1749 г.
15. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, дд. 1168 и 1169.
16. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, дд. 1478, д.1479, 1751 г.
17. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, дд. 1459,1460, 1751 г.
18. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, дд. 887, 888, 1746 г., д. 979, 1747 г., дд.1115, 1116, 1748 г., дд.1177, 1178, 1749 г., д. д.1339, 1340, 1750 г., дд.1459,1460, 1751 г.
19. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, дд.1179,1180,1181,1182, 1183,1184,1185.
20. ГАЯО. Ф.230, оп.13, дд. 1395,1397, 1750 г. д. 3161, 1761 г.
21. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, д. д. 1170, 1171, 1172, 1173, 1749 г.
22. ГАЯО. Ф. 230, оп.13, дд. 887, 888, 1746 г., д. 979, 1747 г., дд.1115, 1116, 1748 г., дд.1177, 1178, 1749 г., д. д.1339, 1340, 1750 г.
23. Дитмар, А. Б. Очерки истории административного деления Ярославского края [Текст] / А. Б. Дитмар // Ярославский областной краеведческий музей. Краеведческие записки. – Вып. 2. – Ярославль. 1957. – С. 214–215.
24. Землянская, Н. К. вопросу о происхождении Г. С. Лебедева [Текст] / Н. К. Землянская // Герасим Лебедев и его время. Доклады и сообщения. Международная научная конференция 15–16 декабря 2009 г. Ярославль, 2010. – С. 127–135.
25. Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии [Текст]. – Ярославль, 1908.
26. Рутман, Т. А. Храмы и святыни Ярославля [Текст] / Т. А. Рутман. – Ярославль, 2005. – С. 352.
27. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12.

Bibliograficheskiy spisok

1. Brokgauz, F. A. i Efron, I. A. Jenciklopedicheskiy slovar' [Tekst] / F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – T. VIII. – SPb., 1892. – S. 447–448.
2. GAJaO. F. 19, op.112, d.66, l.801, 1737 g.
3. GAJaO. F. 213, op.1, d.1927, ll.1,11,18, 1914 g.
4. GAJaO. F. 230, op. 13, d. 3161, l.295.
5. GAJaO. F. 230, op.13, d. 1358, ll.1 – 56, 1750 g.
6. GAJaO. F. 230, op.13, d. 1397, l.99.
7. GAJaO. F. 230, op.13, d.1395, l.42.
8. GAJaO. F. 230, op.13, d.1397, ll. 124–127.
9. GAJaO. F. 230, op.13, d.1397, ll.116–123.
10. GAJaO. F. 230, op.13, d.3615, l.37; d. 3616, ll. 57–61, 1763 g.
11. GAJaO. F. 230, op.13, d.950, ll.29 ob. – 32 ob.
12. GAJaO. F. 230, op.13, d.957, 1747 g.
13. GAJaO. F. 230, op.13, d.963, ll.1,4, 7 – 8.
14. GAJaO. F. 230, op.13, d.d. 1174, 1175, 1749 g.
15. GAJaO. F. 230, op.13, dd. 1168 i 1169.
16. GAJaO. F. 230, op.13, dd. 1478, d.1479, 1751 g.
17. GAJaO. F. 230, op.13, dd. 1459,1460, 1751 g.
18. GAJaO. F. 230, op.13, dd. 887, 888, 1746 g., d. 979, 1747 g., dd.1115, 1116, 1748 g., dd.1177, 1178, 1749 g., d.d.1339, 1340, 1750 g., dd.1459,1460, 1751 g.
19. GAJaO. F. 230, op.13, dd.1179,1180,1181,1182, 1183,1184,1185.
20. GAJaO. F.230, op.13, dd. 1395,1397, 1750 g. d. 3161, 1761 g.
21. GAJaO. F. 230, op.13, d.d. 1170, 1171, 1172, 1173, 1749 g.
22. GAJaO. F. 230, op.13, dd. 887, 888, 1746 g., d. 979, 1747 g., dd.1115, 1116, 1748 g., dd.1177, 1178, 1749 g., d.d.1339, 1340, 1750 g.
23. Ditmar, A. B. Ocherki istorii administrativnogo delenija Jaroslavskogo kraja [Tekst] / A. B. Ditmar // Jaroslavskij oblastnoj kraevedcheskiy muzej. Kraevedcheskie zapiski. – Vyp. 2. – Jaroslavl'. 1957. – S. 214–215.
24. Zemljanskaja, N. K. voprosu o proishozhdenii G. S. Lebedeva [Tekst] / N. K. Zemljanskaja // Gerasim Lebedev i ego vremja. Doklady i soobshhenija. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija 15–16 dekabrya 2009 g. Jaroslavl', 2010. – S. 127–135.
25. Kratkie svedenija o monastyryah i cerkvjah Jaroslavskoj eparhii [Tekst]. – Jaroslavl', 1908.
26. Rutman, T. A. Hramy i svjatyni Jaroslavlja [Tekst] / T. A. Rutman. – Jaroslavl', 2005. – S. 352.
27. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Tekst] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 12.

Reference List

1. Brockhaus F. A. and Efron I. A. Encyclopedic dictionary. – V VIII. – SPb., 1892. – P. 447–448.
2. SAYaR. F. 19, list.112, 66, p.801, 1737.
3. SAYaR. F. 213, list.1, 1927, p.1, 11, 18, 1914 .
4. SAYaR. F. 230, list. 13, 3161, p. 295.
5. SAYaR. F. 230, list.13, 1358, p.1–56, 1750.
6. SAYaR. F. 230, list.13, 1397, p.99.
7. SAYaR. F. 230, list.13, 1395, p.42.
8. SAYaR. F. 230, list.13, 1397, p. 124–127.
9. SAYaR. F. 230, list.13, 1397, p.116–123.
10. SAYaR. F. 230, list.13, 3615, p.37; 3616, nn. 57–61, 1763.
11. SAYaR. F. 230, list.13, 950, p.29 about. – 32 about.
12. SAYaR. F. 230, list.13, 957, 1747.
13. SAYaR. F. 230, list.13, 963, p.1,4, 7–8.
14. SAYaR. F. 230, list.13, 1174, 1175, 1749.
15. SAYaR. F. 230, list.13, 1168 and 1169.
16. SAYaR. F. 230, list.13, 1478, 1479, 1751.
17. SAYaR. F. 230, list.13, 1459, 1460, 1751.
18. SAYaR. F. 230, list.13, dd. 887, 888, 1746, 979, 1747, 1115, 1116, 1748, 1177, 1178, 1749, of 1339, 1340, 1750, 1459, 1460, 1751.
19. SAYaR. F. 230, list.13, 1179,1180,1181,1182, 1183, 1184, 1185.
20. GAYaO. F. 230, list.13, 1395, 1397, 1750, 3161, 1761.
21. SAYaR. F. 230, list.13, 1170, 1171, 1172, 1173, 1749.
22. SAYaR. F. 230, list.13, 887, 888, 1746, 979, 1747, 1115, 1116, 1748, 1177, 1178, 1749, 1339, 1340, 1750.
23. Dietmar A. B. Essays on history of administrative division of the Yaroslavl region // the Yaroslavl regional museum of local lore. Local history notes. – Issue 2. – Yaroslavl, 1957. – P. 214–215.
24. Zemlyanskaya N. K. To a question of G. S. Lebedev's origin // Gerasim Lebedev and his time. Reports and messages. International scientific conference on December 15–16, 2009. – Yaroslavl, 2010. – P. 127–135.
25. Brief data on monasteries and churches of the Yaroslavl diocese. – Yaroslavl, 1908.
26. Rutman T. A. Temples and shrines of Yaroslavl. – Yaroslavl, 2005. – P. 352.
27. Yur'eva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» // Culturological magazine. – 2014. – № 1. – P. 12.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

В. М. Марасанова**Ярославль в системе торговых связей России и Индии в XVII веке**

В статье рассматривается развитие торговых связей между Ярославлем и Индией на протяжении XVII столетия. В это время Ярославль являлся важным центром внутренней и внешней торговли, активно участвовал в складывании всероссийского рынка и имел налаженные торговые связи с Западной Европой, Поволжьем, Центральной Азией, Сибирью, а предприимчивые ярославские купцы связывали отдаленные рынки, например такие, как Индия. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: ремесло, внешняя торговля, торговые связи, ярославские купцы, Россия, Ярославль, Индия.

V. M. Marasanova**Yaroslavl in the System of Sales Links of Russia and India in the 17th century**

In the article development of sales links between Yaroslavl and India during the XVII century is considered. At this time Yaroslavl was an important center of Russian and foreign trade, actively participated in formation of the All-Russian market and had well-established sales links with Western Europe, the Volga Region, Central Asia, Siberia, and Yaroslavl enterprising merchants connected remote markets, for example such as India. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: craft, foreign trade, sales links, Yaroslavl merchants, Russia, Yaroslavl, India.

Ярославль вошел в историю русского средневековья как крупный экономический и политический центр. Ремесло и торговля развивались здесь с древнейших времен, что подтверждается данными археологических раскопок и письменных источников – переписных и сметных книг, оброчных описей, таможенных книг, отписок воевод, челобитных торговых людей. В XVI–XVII вв. о богатстве купеческого Ярославля писали посещавшие его иностранцы (дипломаты, торговцы, военные) – Сигизмунд Герберштейн, Джером Горсей, Джильс Флетчер и др. [2; 4; 13]. Исследователи неоднократно обращали внимание на успешное развитие ремесла и торговли в городе на протяжении XVII столетия. Можно отметить специальные работы С. В. Бахрушина, Л. В. Даниловой, О. Г. Шабровой и других авторов [1; 5; 6; 12]. Однако все еще остается немало сюжетов, требующих более углубленного изучения историков. В частности, рассмотрение вопроса о торговых связях Ярославля и Индии позволяет более детально проанализировать внешнеторговые связи города в XVII столетии.

Росту значения Ярославля в транзитной внутренней и внешней торговле способствовали его выгодное географическое положение и внешнеполитические события XVI–XVII столетий. В 1553 году англичанин Ричард Ченслер, разыскивая ко-

роткий путь для торговли с Индией, установил связь России с Западной Европой через Белое море и Северную Двину. В 1584 году был основан первый российский морской порт Архангельск, и во второй половине XVII столетия в северные гавани ежегодно приходило по 20–100 кораблей из Европы. Путь к столице от Архангельска шел через Ярославль. Англичане учли выгодное расположение города и устроили в Ярославле склады для ввозимых в Россию товаров; здесь же открылась одна из первых в стране английских факторий. Вслед за англичанами в торговлю включились французы, голландцы, немцы, испанцы. В результате город стал одним из главных посредников в российской торговле с иностранцами. В 1693 г. открылось движение по первому в России почтовому тракту Москва – Архангельск, который проходил через Ярославль. После завоевания при Иване Грозном Казани (1552) и Астрахани (1556) заметно увеличилась роль Ярославля в поволжской торговле. В XVII веке он являлся последним пунктом на Волге, до которого относительно беспрепятственно доходили речные суда, а далее начиналось мелководье. Согласно путевому журналу англичанина Артура Эдвардса за 1579 год, путь из Ярославля до Астрахани на стругах занял у него чуть более месяца – с 14 сентября до 16 октября.

К середине XVII столетия Ярославль преодолел последствия Смутного времени и быстро развивался как крупный торгово-ремесленный центр. В 1614 г. в городе осталось только 900 населенных дворов, к 1630 г. их было 1005, а к середине XVII века число дворов выросло до 2 тыс. Численность дворов в Ярославле согласно подворной переписи 1678–1679 гг. составляла 2236, и в них проживало около 15 тыс. человек. Больше в то время насчитывалось только в Москве – 4845 дворов. В 1630-х гг. по своему торговому обороту город занимал третье место в государстве после Москвы и Казани. Ярославль имел торговые связи не менее чем с 44 городами и населенными пунктами страны. В 1691 г. городе насчитывалось 34 торговых ряда, 804 торговых мест и 29 иностранных торговых контор. Из челобитных русских торговых людей видно, что иностранцы строили палаты, амбары и погреба каменные и жили в Ярославле «без съезда», то есть постоянно.

В этот период привилегированное купечество составляли гости и члены привилегированных купеческих корпораций – Гостиной и Суконной сотен. Если в 1614 году за «гостями» в Ярославле числилось 4 двора, то в 1671 году – уже 15 (их на всю страну за XVII в. около 100). Многие городские купцы вошли в состав Гостиной и Суконной сотен. К примеру, ярославский купец Григорий Леонтьев Никитников имел постоянные торговые связи с Казанью, Сибирью, Средней Азией и Персией. Братья Нифонт и Аникей Скрипины везли пушнину из Сибири и сами отправляли товары в Мангазею. Они поставляли в казну «по десяти сороков соболей» в год. По всей России торговал купец Епифаний Андреевич Светешников по прозвищу Надея. Братья Михаил и Андрей Гурьевы имели рыбные промыслы в Прикаспии, в 1640 году они основали укрепленный Яицкий городок. В 1661 году городок захватили и разрушили донские казаки, и новые каменные укрепления обошлись Михаилу Гурьеву в огромную для того времени сумму – 290 тыс. руб. Однако вскоре Яицкий городок был вновь разорен Степаном Разиным, а затем взят в приказ Большого Дворца.

За границей и у иностранцев чаще всего покупали английское сукно, немецкие тафту и атлас, китайский шелк, предметы роскоши (гребни из слоновой кости, золотые и серебряные кружева, тесьму), лекарственные средства (нашатырь, купорос, серу), а также пряности, бумагу, зеркала и т. д. Наибольшим спросом пользовались металлы и металлические изделия (иглы, посуда и пр.). Источники сохранили наименования ввозимых в

Россию восточных товаров: «шелки крашенные всякие цветные, дорогие всякие атласы, кутни цветные, зендены, киндяки, сафьяны, краска крутик и мягкая, миткали, кисеи, бязи, кумачи, выбойки, бумага хлопчатая, кушаки всякие, ремень и корень чепучинное, нашивки и пояски шелковые, сабли и полосы сабельные, ножи, тулумбасы, луки ядренские и мензеецкие, наручи и доспехи всякие, ковры, попоны, шатры, палатки миткалинные и бязинные, палатки бурматные, ладон, орешки чернильные, москательные всякие товары и другие» (1634 г. Договорная запись с Голштинской компанией) [11]. Как видим, особенно интересовали ткани, одежда, ковры, краски, оружие, принадлежности для письма.

В начале царствования Михаила Федоровича иностранцам вообще была запрещена торговля с Азией через Россию и розничная торговля иностранцев в стране. Для получения разрешения на право восточной торговли через территорию России Голштинская компания обязалась ежегодно уплачивать в царскую казну по 600 тыс. больших ефимков и тогда на 10 лет получила право торговать с Персией и Индией. За голштинцами подобное разрешение получили англичане, гамбургцы, брабантцы, голландцы. Однако при царе Алексее Михайловиче с 1646 г. в ответ на просьбы русских купцов розничная торговля иностранцев вновь была ограничена и разрешалась только в районе Архангельска.

Восточные товары, как правило, поступали в Ярославль из Персии при посредничестве армянских купцов. В источниках упоминаются драгоценные камни, жемчуг и бирюза. Из Китая поступал шелк, шелковые ткани, золотые и серебряные штофы и шелковые обои. Из Китая и Бенгала также везли хлопчатобумажные ткани – белые, крашенные и набивные. Эти материи назывались у китайцев «читы» или «шиты», что было переделано в «цыцы», а позднее в «ситцы». Из Бухары везли ковры, бирюзу и другие драгоценные камни.

В XVII столетии в Ярославле торговали два индийских купца, которых звали Сокна и Лянгуш. У них жители города покупали ковры, ткани, платки, кушаки, фаты и другие экзотические товары из Индии и Персии. Индийский купец Сокна с товарищами привез в Ярославль следующие товары: «двои дороги кошанские, восемьдесят восемь киндяков фереспиревых, двести киндяков ляковровых, шестьдесят четыре борхата, одинаких, сорок восемь кушаков харчевых малых». Этот перечень содержится в «Отписке ярославского воеводы в Посольский приказ» от 9 января 1650 года,

которая хранится в фонде 56 «Сношения с Индией» в Российском государственном архиве древних актов в Москве [9, д. 1, л. 1–2]. Следует особо подчеркнуть, что это вообще первый документ и первое дело данного фонда.

Воевода Иван Григорьевич Квашнин, зафиксировавший столь ценный для истории факт, занимал пост ярославского воеводы с 1648 по 1650 гг. Данная отписка, то есть донесение, об индийских купцах позволила уточнить его срок пребывания в должности, поскольку в других источниках того же 1650 года упоминался ярославский воевода Иван Патрикеев. Посольский приказ контролировал торговлю иноземцев в Московском государстве и направлял воеводам запросы о том, имеют ли иностранные купцы жалованные грамоты на разрешение торговли «и кто, приезжая, торгует без жаловальных грамот, и сколь давно кто учал торговать, и от себя ль или от кого в приказчиках» (пример – «Грамота из Посольского приказа вологодскому и ярославскому воеводе В. Я. Унковскому с требованием присылки сведений о проживающих в Вологде и Ярославле голландских и гамбургских купцах» от января 1667 года [10, ч. 1, д. 941, л. 1–4]).

Документ (фотокопия) об индийских купцах представлялся в Ярославле на выставке «Стольный град»: Тысячелетняя история Ярославля в документальных памятниках РГАДА XI–XIX вв. Архив хранит 3,5 млн. дел с глубокой древности до конца XVIII в. Этот крупнейший в стране федеральный архив и муниципальный Музей истории города Ярославля совместно провели выставку к 1000-летию города в сентябре 2010 г. РГАДА проводит одну подобную выставку в год, поскольку каждой из них предшествует кропотливая работа по выявлению документов и подготовке их к экспонированию. В 2009 году темой выставки была Полтавская битва в связи с её 300-летним юбилеем, а в 2011 году героем выставки стал М. В. Ломоносов. В результате кропотливой работы архивисты Светлана Романовна Долгова и кандидат исторических наук Наталья Юрьевна Болотина выявили в фондах РГАДА около 350 документов и книг по истории Ярославля, и более сотни из них (30 подлинников и свыше 70 копий) были представлены любителям старины на выставке [11].

Конечно, на отмеченный выше документ о приезде индийских купцов в Ярославль ранее уже не могли не обратить внимания исследователи. Впервые о торговых связях Ярославля и Индии Николай Иванович Костомаров написал в книге «Очерк торговли Московского государства в XVI

и XVII столетии» [7, с. 52]. Затем со ссылкой на его работу об этом обязательно упоминали ярославские краеведы, начиная с Константина Дмитриевича Головщикова и его «Истории города Ярославля» [3, с. 78].

Источники зафиксировали наименования и общий объем проданных индийцами в Ярославле товаров за 1650 г.: 10 дорог каштанских; 117 – ардевилских; 13 – штанных; 1480 киндяков фереспиревых; 200 – ляковровых; 99 балартов одиноких; 140 кушаков харчевых малых; 1038 киндяков арабских; 97 киндяков арабских толстых; 15 миткалей; 13 бязей белых; 160 аршин бязей толстых оберточных; 14 полукисей; 250 кумачей красных одинаких; 2 кумача белых; 159 кумачей красных; 13 испанских; 69 выбоек шлянских; 109 – индийских; 129 фат бумажных харчевых; 11 – малых с белыми ляковрами; 72 лисицы; 9 шуб хорючьих хребтовых; 231 ансыр шелку ряского; 7 завес арабских; 103 – гилянских; полпята пуда ужевач; полчетверти пуда сарабухил; 4 пестряди синих; 2 – толстых; 10 – индийских; 31 – шлянских; 4291 $\frac{1}{2}$ юфтей сафьянов; 139 фереспирей белых; 12 кицей; 20 тофт; 72 шелковых платка; 200 дестей по восьми платков; 32 епанчи; 126 мешин (меховых шкур) [8, с. 121–207].

Новоторговый устав 1667 года до конца столетия ввел строгое территориальное ограничение торговли иностранных купцов в России. До устава таможенные сборы иностранцев составляли 7–8 % от стоимости товара, а теперь повышались до 20–21 % со стоимости товаров, которые отправлялись во внутренние районы страны. При продаже товаров в пограничных пунктах и портах брались те же пошлины, что и раньше. Розничная торговля для иностранцев вновь запрещалась. Цель – достичь активного баланса во внешней торговле.

Таким образом, в XVII столетии Ярославль являлся важным центром внутренней и внешней торговли, активно участвовал в складывании все-русского рынка и имел налаженные торговые связи с Западной Европой, Поволжьем, Центральной Азией, Сибирью, а предприимчивые ярославские купцы связывали отдаленные рынки. Индия, Персия и Китай были самыми дальними внешне-торговыми партнерами Российского государства, и надо отдать должное смелости индийских купцов, добравшихся до Ярославля. Изучение исторических источников позволило проанализировать торговые связи Ярославля и Индии.

Библиографический список

1. Бахрушин, С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. [Текст] / С. В. Бахрушин // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. – М., 1954.
2. Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии [Текст] / Сигизмунд Герберштейн : в 2 т. – М. : Памятники исторической мысли, 2008. – Т. 1.
3. Головщиков К. Д. История города Ярославля [Текст] / К. Д. Головщиков. – Ярославль, 1889.
4. Горсей, Джером. Записки о России XVI начала XVII в. [Текст] / Джером Горсей. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.
5. Данилова, Л. В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII в. (по материалам г. Ярославля) [Текст] / Л. В. Данилова // История СССР. – 1957. – № 3. – С. 87–111.
6. Данилова, Л. В. Торговые ряды Ярославля в конце XVII в. [Текст] / Л. В. Данилова // Вопросы социально-экономической истории источниковедения периода феодализма в России. – М., 1961. – С. 83–90.
7. Костомаров, Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетии [Текст] / Н. И. Костомаров. – СПб. : Издание Николая Тиблена, 1862.
8. Малиновский, А. Ф. Известие об отправлениях в Индию Российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию Индейцев, с 1469 по 1751 год. А. Ф. Малиновского [Текст] / А. Ф. Малиновский // Записки и труды Общества истории и древностей Российских. – СПб., 1837. – Т. 3. Ч. 7. – С. 121–207.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 56 «Сношения с Индией». Оп. 1.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 159 «Приказные дела новой разборки». Оп. 2.
11. «Стольный град»: Тысячелетняя история Ярославля в документальных памятниках Российского государственного архива древних актов XI–XIX веков [Текст] / отв. ред. С. Р. Долгова. – Ярославль, 2010.
12. Шаброва, О. Г. Ярославль в системе торговых отношений Русского государства в XVII веке (к проблеме формирования всероссийского рынка) [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 1998.
13. Флетчер, Джильс. О государстве Русском [Текст] / Джильс Флетчер. – М. : Захаров, 2002.
14. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12.

Bibliograficheskij spisok

1. Bahrushin, S. V. Promyshlennye predpriyatija russkih torgovyh ljudej v XVII v. [Tekst] / S. V. Bahrushin // Bahrushin S. V. Nauchnye trudy. T. 2. – M., 1954.

2. Gerbershtejn, Sigizmund. Zapiski o Moskovii [Tekst] / Sigizmund Gerbershtejn. – V 2 t. – M. : Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2008. – T. 1.
3. Golovshhikov K. D. Istorija goroda Jaroslavlja [Tekst] / K. D. Golovshhikov. – Jaroslavl', 1889.
4. Gorsej, Dzherom. Zapiski o Rossii XVI nachala XVII v. [Tekst] / Dzherom Gorsej. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1990.
5. Danilova, L. V. Melkaja promyshlennost' i promysly v russkom gorode vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII v. (po materialam g. Jaroslavlja) [Tekst] / L. V. Danilova // Istorija SSSR. – 1957. – № 3. – S. 87–111.
6. Danilova, L. V. Torgovyje rjady Jaroslavlja v konce XVII v. [Tekst] / L. V. Danilova // Voprosy social'no-ekonomicheskoy istorii istochnikovedenija perioda feodalizma v Rossii. – M., 1961. – S. 83–90.
7. Kostomarov, N. I. Oчерк torgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII stoletii [Tekst] / N. I. Kostomarov. – SPb. : Izdanie Nikolaja Tiblena, 1862.
8. Malinovskij, A. F. Izvestie ob otpravlenijah v Indiju Rossijskih poslannikov, goncov i kupchin s tovarami i o priezdah v Rossiju Indeјcev, s 1469 po 1751 god. A. F. Malinovskago [Tekst] / A. F. Malinovskij // Zapiski i trudy Obshhestva istorii i drevnostej Rossijskih. – SPb., 1837. – T. 3. Ch. 7. – S. 121–207.
9. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih ak-tov (RGADA). Fond 56 «Snoshenija s Indiej». Op. 1.
10. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). Fond 159 «Priказnye dela novoj razborki». Op. 2.
11. «Stol'nyj grad»: Tysjacheletnjaja istorija Jaroslavlja v dokumental'nyh pamjatnikah Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva drevnih aktov XI – XIX vekov [Tekst] / otv. red. S. R. Dolgova. – Jaroslavl', 2010.
12. Shabrova, O. G. Jaroslavl' v sisteme torgovyh otnoshenij Russkogo gosudarstva v XVII veke (k probleme formirovanija vserossijskogo rynka) [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Jarosl. gos. un-t. – Jaroslavl', 1998.
13. Fletcher, Dzhil's. O gosudarstve Russkom [Tekst] / Dzhil's Fletcher. – M. : Zaharov, 2002.
14. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Tekst] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 12.

Reference List

1. Bakhrushin S. V. The industrial enterprises of the Russian trade people in the 17th century // Bakhrushin S. V. Scientific works. V. 2. – M., 1954.
2. Gerberstein Sigismund. Notes about Moskovia. – In 2 v. – M. : Monuments of the historical thought, 2008. – V. 1.
3. Golovshchikov K. D. History of the city of Yaroslavl. – Yaroslavl, 1889.
4. Gorsey Jerome. Notes about Russia in the XVI – the beginning of the 17th century. – M. : Moscow University Publishing House, 1990.
5. Danilova L. V. The small industry and crafts in the

Russian city in the second half of the XVII – the beginning of the 18th century (on materials of Yaroslavl // History of the USSR. – 1957. – № 3. – P. 87–111.

6. Danilova L. V. Malls of Yaroslavl at the end of the 17th century // Questions of social and economic history of a source study of the period of feudalism in Russia. – M., 1961. – P. 83–90.

7. Kostomarov N. I. Essay on trade of Moscovite state in the XVI and XVII century. – SPb. : Nikolay Tiblen's edition, 1862.

8. Malinovsky A. F. News about departures to India the Russian missionary, messengers and merchants with goods and about arrivals Indians to Russia, from 1469 to 1751 // Notes and works of Society of history and Russian antiquities. – SPb., 1837. – V. 3. – P. 7. – P. 121–207.

9. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 56 «Intercourse with India». List. 1.

10. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 159 «Mandative affairs of new dismantling». List. 2.

11. «A capital city»: Thousand-year history of Yaroslavl in documentary monuments of the Russian state archive of ancient acts of the XI–XIX centuries / editor-in-chief S. R. Dolgov. – Yaroslavl, 2010.

12. Shabrova O. G. Yaroslavl in the system of trade relations of the Russian state in the 17th century (to a problem of formation of the All-Russian market): author's thesis. Candidate of Historical Sciences / Yaroslavl State University. – Yaroslavl, 1998.

13. Fletcher Dzhils. About the Russian state. – M. : Zakharov, 2002.

14. Yurieva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» // Culturological magazine. – 2014. – № 1. – P. 12.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

В. В. Черновская

Ярославль времени Г. С. Лебедева

В своей статье автор анализирует ярославские реалии второй половины XVIII века (экономические, торговые, культурные), которые могли стать основой для формирования интересов будущего российского ученого-индолога и создателя первого театра европейского типа в Индии. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: торговые связи с Индией, Ярославль, культура XVIII века, первый российский театр, Ф. Волков, первый театр европейского типа в Индии, Г. Лебедев.

V. V. Chernovskaya

Yaroslavl of G. S. Lebedev's Times

In the article the author analyzes Yaroslavl realities of the second half of the 18th century (economic, trade, cultural), which might become a basis for forming interests of the future Russian scientist-indianist and founder of the first theater of the European type in India. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: sales links with India, Yaroslavl, culture of the 18th century, the first Russian theater, F. Volkov, the first theater of the European type in India, G. Lebedev.

Герасим Степанович Лебедев родился и провел юные годы в Ярославле. Его отец – Стефан – был священником. По причине «насильственного утеснения», он был вынужден уехать из Ярославля на жительство в Петербург. В столице Лебедев старший служил певчим в придворной капелле, по другим сведениям, руководил хором в одной из церквей. Впрочем, он мог совмещать то и другое. Чтобы содержать семью в Ярославле, ему приходилось искать дополнительного заработка. Семья воссоединилась в Петербурге в 1764 году. Герасиму тогда было пятнадцать лет, возраст, эстафету которому передают детство и отрочество, проведенные в Ярославле. Каким был город в ту пору, и чем он наполнил его жизнь?

Это был деревянный посад, окруженный земляным валом с боевыми башнями, возведенными ещё при царе Алексее Михайловиче. Земляной вал простирался от Волги до Углической башни Спасского монастыря, обнесенного кирпичными стенами с бойницами. Утратив свое оборонительное значение, эти некогда мощные сооружения постепенно разрушались. В отдельных местах вал и рвы ссыпались; из башен некоторые повредились, другие за ветхостью разобраны. По посад, словно бусины драгоценного ожерелья, разбросаны каменные храмы. Каждый четвертый посвящен Николе-чудотворцу, покровителю купцов и путешественников. На берегу Которосли вокруг

церкви Спаса-на-Городу находилась главная торговая площадь, на сравнительно небольшом её пространстве – множество лавок [4; 11; 5].

Расположенный на пересечении Волжского водного пути и главной дороги, связывающей срединные грады с Севером, с Беломорьем, Ярославль издавна имел большой провоз товаров сушей и водой и в то же время был всероссийской ярмаркой. Русские и иноземные купцы, в том числе и индийские, привозили сюда на продажу крупные партии товаров. В архивах сохранилась отписка ярославского воеводы в Москву о прибытии в город в начале января 1650 года пяти индийских купцов из Астрахани. Тогда они продали здесь 113 тюков хлопчатобумажных тканей; 14 тюков муслинов; фат харчевых (вуалевых) и шелковых платков – 200 штук [9]. Расцвет индийской торговли приходится на 20–40-е годы XVIII века [6].

Спрос на индийские ткани и изделия ремесла и позже не иссякал на русских рынках. Но привозили их не из Астрахани, а преимущественно из Архангельска, куда они доставлялись судами английской Ост-Индской компании и других европейских стран. Затем русские торговые агенты развивали их по городам, в том числе и в Ярославль. Индийская фактория в Астрахани постепенно приходит в упадок. В первой половине XVIII века теряет свое былое торговое значение и Ярославль. Открылся Балтийский путь, и поэтому снизились

обороты торговли с иностранными купцами через Архангельск и Белое море. Из купечества в городе процветали владельцы кожевенных заводов, «где делают юфти и отпускаются за море»; некоторые имели «средственное богатство»; многие мелкие торговцы «претерпевали скудость».

По тем временам город считался большим – тысяч пятнадцать жителей, три тысячи домов, из них 43 каменных. Жили ярославцы по старинному обряду и обычаю, жизнь отмеряли по православному календарю, постились, праздновали Пасху, Троицу и Рождество, гуляли на Масляной, верили в чудеса, были охочи до публичных зрелищ. В 1750 году в городе открылся театр. Тогда это был каменный амбар, приспособленный Федором Григорьевичем Волковым (1728–1763) для регулярных представлений. Театральные спектакли в нем шли два года, зрительный зал вмещал до тысячи человек. Подобных театров в России не было.

В 1752 году, по повелению Елизаветы Петровны Ф. Волков покинул Ярославль вместе с прочими артистами, чтобы играть комедии на придворной эрмитажной сцене. Ярославцы, кому довелось побывать на представлениях в его театре (а за два года таких было немало) еще долго находились под впечатлением «дикинного лицедейства», вспоминали костюмы актеров – «все по большей части из индийской камки и златотканой персидской парчи», декорации, их тогда называли «ширмами», расписанные Ф. Волковым. Слухи, что он стал первым актером придворной сцены, осыпан монаршими милостями, возведен в дворянство будоражили город. Даже те обыватели, кто не интересовался театром, не оставались равнодушными к фортуна своего земляка. Скорее всего, Герасим Лебедев впервые услышал о Ф. Волкове и его театре в Ярославле. А их встреча могла состояться в Москве в 1763 году во время проведения маскарада в честь восшествия на престол Екатерины II.

Постановка грандиозного маскарада была доверена императрицей Ф. Волкову. К участию в нем привлекались певчие и музыканты придворной капеллы, возможно, среди них были отец и сын Лебедевы. Герасиму исполнилось четырнадцать лет, возраст достаточный, чтобы сопровождать родителя в Москву. Здесь он мог видеть, как ширмы, то есть задники декораций для театра, устроенного на Красной площади для представления комедий, расписывал на полу Ф. Волков. Впоследствии этот опыт пригодился ему в Калькутте. Вспоминая изготовление декораций для первого представления в своем театре, он напишет: «...старался я потом на отделенном для представлений полу, подобно моему земляку ярославцу

Федору Волкову в Калкуте, будто в Москве, намолевал ширмы в бенгальском вкусе».

В детстве и отроческом возрасте учиться Герасиму не пришлось. В семье он был старшим сыном и по мере того, как вырос, обязан был внести свой посильный вклад в домашний бюджет. Образование ему заменило воспитание.

«...Происхождение мое от рода духовного и купно благородного позволяло мне иметь приличное воспитание», – сообщит он о годах, проведенных в Ярославле [7, с. 27]. Нетрудно догадаться, что он имел в виду нравственные качества, привитые ему родителями с детства: трудолюбие, честность, правдивость, усердие в запоминании молитв, акафистов и отрывков из Священного писания. Остальное довершили сказания и легенды, в которых благочестивые сюжеты и мораль переплетались с рассказами о чудесах Индии и других восточных стран.

Город культивировал интерес к таким «скаскам». На его главной торговой площади шла всевозможная купля-продажа товаров, в том числе и индийских. Для детей и подростков ярмарочные дни были праздником. Здесь размещались дощатые балаганы с комедиантами, шутами и фокусниками. Если не было денежки на платные развлечения, можно было поглазеть, как лавочники, зазывая покупателей, ворошат индийские кисеи и периливчатые, шитые золотыми и серебряными узорами муслины. Или наблюдать с высокого берега Которосли движение гребных и парусных судов. Под обрывистым откосом у Стрелки видны были судостроительные верфи. Отсюда спускались на воду многочисленные суда, которые потом отправлялись вниз по Волге, а затем возвращались, словно из далекой страны, в тихие воды Которосли.

Должно быть, уже в полуотроческие годы волшебные образы Индии, «где перь (перец) родится, драгого каменя и всякого обилия много» манили Герасима в дальние вояжи. В Петербурге это влечение к странствиям не ослабевает. «Воспламеняемый ревностью к обозрению света», – скажет Лебедев о себе в юности. В двадцать лет, более сдержанно, что объясняется разницей возрастов, он говорит о своей «охоте странствования» [7, с. 27].

В столице Г. Лебедев получил некоторое образование и, как он скажет впоследствии, возможность «научиться случайно музыкальному искусству». Этот случай решил его судьбу. Редкий талант молодого музыканта заметил граф А. К. Разумовский. В 1777 году, назначенный послом в Неаполь, он пригласил 28-летнего Г. Лебедева сопровождать его в поездке за границу

в качестве музыканта посольского оркестра. С этого времени, в продолжение восьми лет его «университетами» станут странствия по Европе. Он изучал языки, много времени уделял самообразованию. И в этом Лебедев был столь же упорен и целеустремлен, как в совершенствовании своего музыкального таланта, особенно в игре на виолончели. Благодаря своему таланту, он получил доступ в высшие круги европейского общества. Круг общения с образованными, широко мыслящими людьми – дополнительный источник знаний, под влиянием которых формируются его представления об Индии. Немалую роль в этом сыграли просветительские идеи «вольных каменщиков». Для тридцатилетнего Лебедева Индия – сокровищница сокровенных премудростей, источник полезных знаний для просвещенного ума и шире – «всеобщего мира и блага» [3].

По многим причинам его путешествие в Индию могло не состояться, но, как он скажет, «...очевидный всевышнего правителя судеб промысел невозможное сделали возможным». Предопределение, исходящее от воли Бога, предполагает некую миссию с наперед начертанной целью. Г. Лебедев поставит таковой – «снискание общепользованных сведений в пользу Отечества» и «сокровеннейших знаний» в священных книгах индусов. Для этого он должен овладеть «гиндустанскими языками» и санскритом, духовным языком «их священства». Что он и сделает с той же присущей ему целеустремленностью и упорством, собирая одновременно материалы для своего будущего «путеводства». Так он назовет свою книгу, которую озаглавит: «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев» (1805). Его труд стал первым описанием Индии на русском языке. Завершает его глава об индийской торговле. «Рачительное вхождение в этот предмет» подвигло Лебедева к реализации проекта, суть которого он изложил в письмах к русскому послу в Англии графу С. Р. Воронцову [8] и Я. С. Смирнову [1], священнику русской дипломатической миссии. Оба послания отправлены 23 июля 1797 года, в самый разгар его травли Компанией.

В одних словах он обращается к ним с просьбой «исходатайствовать пашпорты (экспортные лицензии) ради двух трехмачтовых или двухмачтовых кораблей», чтобы снарядить их индийскими товарами для вывоза в Россию.

Ещё Лебедев просит их организовать среди соотечественников, живущих в Лондоне, подписку «только ради 20 тысяч рублей», на которые он обязуется закупить по невероятно дешевой цене гладкие и шитые муслины, бумажные чулки «лут-

чего качества», носовые и карманные платки и «в удобный случай купить корабли». «Хоша я догола почти разорен, – признается он в письме к С. Р. Воронцову, – но знаком со многими купцами гиндостанских городов... и если при пересылке подписчики не вверятся мне, то прикажите, чтоб за товары плачено было мною».

Предлагая этот план, чтобы поправить свое положение «в лутчее состояние», Г. Лебедев не забывал о благе для Отечества. «Рассуждая, что не требуется денег на покупку кораблей и на товары, что не токмо внесется умножение в казну, но ободрится торг и мореплавание, кроме полезных известий..., торопит он своих адресатов «сего ради, как можно скорее переслать ему пашпорты».

«Выходить пашпорты» на экспорт товаров из Индии на кораблях под флагом России не составляло великого труда для его влиятельных лондонских корреспондентов. Но то, что доведенный до бедности соотечественник брался закупить товары на собственные деньги, казалось им, мягко говоря, его фантазией. По той же причине риски, связанные с вложением средств подписчиков на фрахт и снаряжение кораблей, брать на себя они, естественно не захотели. Ответа, из Лондона Г. Лебедев так и не дождался.

Между тем он предлагал отнюдь не безнадежное предприятие. Главной статьей индийского экспорта в то время были ткани, а наиболее значимой страной на европейских линиях их экспорта являлась Россия. С 1760 года Англия, а за ней другие европейские страны поднимали таможенные тарифы на импорт индийского текстиля. В результате его доля в общем объеме экспорта в метрополию и Европу стремительно падала, что в свою очередь сказывалось на доходах индийских купцов, поставлявших ткани на экспорт в Калькутту [12]. Логично предположить, что многие из них проявляли живой интерес к прямым торговым контактам с Россией. Кредит на закупку товаров и фрахт кораблей в индийском деловом сообществе не был проблемой. Прожив как никто долго из русских в Калькутте, Г. Лебедев хорошо знал, что под поручительство саукаров (купцов), банкиры (шрофы) «за полчаса и в немногих словах» предоставляли крупные ссуды на закупку, доставку, погрузку товаров и фрахт кораблей. Проблемой были экспортные лицензии. По понятным причинам получить их в Калькутте Лебедев не мог. Мы не знаем имен многих индийских купцов, о знакомстве с которыми он сообщал в письме к С. Р. Воронцову. Но можно предположить, что их число было достаточным, чтобы авансировать его предприятие. Иными словами, задуманный им коммерческий проект, получи он поддержку в

Лондоне, мог положить начало русско-индийской торговле.

В последней главе «Беспристрастного созерцания» Г. Лебедев вновь возвращается к этой теме. Её рефрен – экономические потери, которые несет Россия из-за отсутствия прямых торговых контактов с Индией. Англичане и другие европейцы везут в Калькутту «по большей части из России получаемые товары», а на российский рынок выходят с индийскими. «Из чего нетрудно усмотреть можете, любезные соотчичи, сколько мы лишаемся выгод через сии столь многими оборотами доставляемые иностранцами нужные нам потребности» [7, с. 100].

«...Через целые двенадцать лет жертвовал я там (Индии) моим иждивением и жизнью для вхождения в распознавание излагаемых в книге предметов», – напишет Г. Лебедев в Посвящении к «Беспристрастному созерцанию» [7]. Ниже он излагает причины, побудившие его «от глубины души с чистым усердием» идти на такую жертву: «...не тщетно ласкаясь надеждой, что она (книга) обратит внимание не одних соотчичей моих, но и разностранцев и послужить может для ревностных испытателей некоторым путеводством».

Образно говоря, путешествие Г. Лебедева в Индию – это возрасты его жизни. У подростка и юноши, едва научившегося читать, её сказочные образы воспламенили ревность к обозрению света. Тридцатилетний Лебедев придает воску влечений юности к странствиям намеченную цель. Он уезжает в Индию искать знаний, чтобы вернуться на родину первым русским «индианистом». Знатока Индии, равного ему в России тогда не было. «Беспристрастное созерцание» – главный труд его жизни. Его изданием 56-летний Лебедев окончательно завершает путешествие в страну своих отроческих грез. Другие сочинения, которые он планировал и частично подготовил к печати на русском языке, остались неопубликованными по причине его болезни и последовавшей за ней смерти (1817).

Вспыхнувший было интерес к «Беспристрастному созерцанию» скоро угас. В то время индология как наука еще не имела прочного статуса, учеников после себя Г. Лебедев не оставил. За следующие двести лет она превратилась в библиографическую редкость, а имя Герасима Лебедева забылось. За исключением узкого круга специалистов, оно и в наши дни неведомо большинству россиян. Быть может, в его родном городе и должна была появиться инициативная группа, усилиями которой в 1999 году была проведена первая общероссийская конференция, посвященная 250-летию со дня его рождения.

С тех пор началась системная работа в рамках принятого на ней проекта «Герасим Лебедев и его время». На базе Музея истории Ярославля проходили выставки по истории и культуре Индии, выступления артистов Культурного центра им. Дж. Неру при Посольстве Республики Индия в Российской Федерации. В 2008 году в Музее открылся постоянный экспозиционный комплекс, посвященный Г. С. Лебедеву. Об этом событии писали российские средства массовой информации, сообщили несколько информационных агентств Индии и других стран. В 2009 году в Ярославле состоялась международная конференция. Впервые на ней собрались вместе ученые Индии и России, чтобы отдать долг его памяти и деяниям. В канун конференции в Ярославле вышло второе издание «Беспристрастного созерцания». Все ее участники и многочисленные гости могли получить в подарок книгу, первое издание которой состоялось два столетия назад. К настоящему времени подготовлен перевод «Беспристрастного созерцания» на бенгальский язык. Издавать книгу будет университет Калькутты. Бенгальцы чтят память Г. С. Лебедева как основателя первого театра европейского типа, ученого, просветителя. О нем пишут книги, статьи, о его жизни и деятельности ставят спектакли. Доктор Хайат Мамут – первый биограф Г. С. Лебедева, кто дал наиболее полное описание его жизни. В 2007 году вышла в свет его монография о нем на бенгальском языке.

В 2011 году в продолжение Ярославской конференции (2009) в Калькутте состоялся международный семинар, посвященный Герасиму Лебедеву. Тогда, на семинаре маститый ученый из Бангладеш передал мне свою книгу о Г. С. Лебедеве с авторской надписью: «Жителям Ярославля». Читатель держит в руках её перевод на русский язык. Издана она тоже в Ярославле. Вряд ли бы осуществился этот проект без участия и финансовой поддержки ярославского мецената Константина Викторовича Сонины. Но случай распорядился так, что он и директор Музея истории города Владимир Георгиевич Извеков стали единомышленниками в оценке личности и наследия Г. С. Лебедева. При финансовой поддержке К. В. Сонины состоялся и первый проект: повторное издание «Беспристрастного созерцания» [8].

Книга доктора Х. Мамута на русском языке – хороший старт для того, чтобы имя нашего земляка, первого русского индолога – Герасима Степановича Лебедева вернулось в общественную память России. Оригинал на бенгальском языке можно увидеть в Музее истории города. Еще при жизни Г. С. Лебедев как-то сказал, что потомки будут его поминать за труды и жертвы, на которые

он шел ради славы и пользу Отечества. Его предвидение сбывается. Пусть и через два столетия.

Библиографический список

1. Антонова, К. А. К истории русско-индийских культурных связей [Текст] / К. А. Антонова // Исторический архив. – М., 1965. – № 1. – С. 178–179.
2. Ваняшова, М. Г. Мельпомены ярославские сыны [Текст] / М. Г. Ваняшова. – Ярославль, 2000.
3. Гуров, Н. Новое о Г. С. Лебедеве. Почему Гerasим Лебедев поехал в Индию [Текст] / Н. Гуров // Герасим Лебедев и его время. Доклады и сообщения международной научной конференции. – Ярославль, 2010. – С. 124–126.
4. Добровольская, Э. Ярославль [Текст] / Э. Добровольская. – М., 1968.
5. Ермолин, Е. А., Севастьянова, А. А. Воспламененные к Отечеству любовью [Текст] / Е. А. Ермолин, А. А. Севастьянова. – Ярославль, 1990.
6. Котин, И. Ю. Индийцы на Волге [Текст] / И. Ю. Котин // Герасим Лебедев и его время. Доклады и сообщения международной научной конференции. – Ярославль, 2010. – С. 137–142.
7. Лебедев, Г. С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев [Текст] / Г. С. Лебедев. – 2-е издание. – Ярославль, 2009. – С. 27.
8. Мамут, Х. Герасим Степанович Лебедев [Текст] / Х. Мамут. – Ярославль, 2012.
9. РГАДА. Ф.50.Оп.1. Д.1.С.1–1об.
10. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12.
11. Ярославль (путеводитель) [Текст] / автор-составитель Козлов П. И. – Ярославль, 1971.
12. Tripathi, D. Oxford History of Indian Business [Текст] / D. Tripathi. – New Delhi, 2004. – p. 45–46.

Bibliograficheskij spisok

1. Antonova, K. A. K istorii russko-indijskih kul'turnyh svyazej [Tekst] / K. A. Antonova // Istoricheskij arhiv. – M., 1965. – № 1. – S. 178–179.
2. Vanjashova, M. G. Mel'pomeny jaroslavskie sy-ny [Tekst] / M. G. Vanjashova. – Jaroslavl', 2000.
3. Gurov, N. Novoe o G. S. Lebedeve. Pochemu Gerasim Lebedev poehal v Indiju [Tekst] / N. Gurov // Gerasim Lebedev i ego vremja. Doklady i soobshhenija mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Jaroslavl', 2010. – S. 124–126.
4. Dobrovol'skaja, Je. Jaroslavl' [Tekst] / Je. Dobrovol'skaja. – M., 1968.
5. Ermolin, E. A., Sevast'janova, A. A. Vosplamenennye k Otechestvu ljubov'ju [Tekst] / E. A. Ermolin, A. A. Sevast'janova. – Jaroslavl', 1990.

6. Kotin, I. Ju. Indijcy na Volge [Tekst] / I. Ju. Kotin // Gerasim Lebedev i ego vremja. Doklady i so-obshhenija mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Jaroslavl', 2010. – S. 137–142.
7. Lebedev, G. S. Bespristrastnoe sozercanie sistem Vostochnoj Indii Bragmenov, svjashhennyh obrjadov ih i narodnyh obychaev [Tekst] / G. S. Lebedev. – 2-e izdanie. – Jaroslavl', 2009. – S. 27.
8. Mamut, H. Gerasim Stepanovich Lebedev [Tekst] / H. Mamut. – Jaroslavl', 2012.
9. RGADA. F.50.Op.1. D.1.S.1–1ob.
10. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Tekst] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 12.
11. Jaroslavl' (putevoditel') [Tekst] / avtor-sostavitel' Kozlov P. I. – Jaroslavl', 1971.
12. Tripathi, D. Oxford History of Indian Business [Tekst] / D. Tripathi. – New Delhi, 2004. – p. 45–46.

Reference List

1. Antonova K. A. To history of the Russian-Indian cultural ties // Historical archive. – M., 1965. – № 1. – P. 178–179.
2. Vanyashova M. G. Jaroslavl sons of Melpomene. – Jaroslavl, 2000.
3. Gurov N. New about G. S. Lebedev. Why Gerasim Lebedev went to India // Gerasim Lebedev and his time. Reports and messages of the international scientific conference. – Jaroslavl, 2010. – P. 124–126.
4. Dobrovolskaya E. Jaroslavl. – M., 1968.
5. Ermolin E. A., Sevastyanova A. A. Flamed with love to the Fatherland. – Jaroslavl, 1990.
6. Kotin I. Yu. Indians on Volga // Gerasim Lebedev and his time. Reports and messages of the international scientific conference. – Jaroslavl, 2010. – P. 137–142.
7. Lebedev G. S. Impartial contemplation of East India systems of Bragmenov, their solemn rites and folk customs. – 2nd edition. – Jaroslavl, 2009. – P. 27.
8. Mamut Kh. Gerasim Stepanovich Lebedev. – Jaroslavl, 2012.
9. RGADA. F. 50. List. 1. – P. 1–1.
10. Yurieva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» // Culturological magazine. – 2014. – № 1. – P. 12.
11. Jaroslavl (guide) / author Kozlov P. I. – Jaroslavl, 1971.
12. Tripathi D. Oxford History of Indian Business. – New Delhi, 2004. – p. 45–46.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

Т. В. Юрьева**Сакральный облик Ярославля второй половины XVIII века**

В статье рассматриваются архитектурно-художественные особенности храмовых комплексов Ярославля времени Герасима Лебедева. Автор интерпретирует городскую храмовую среду как один из векторов влияния на восприятие мира этого выдающегося ярославца, что, несомненно, связано с его последующей деятельностью в сфере развития театрального искусства. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: культура XVIII века, барокко, церковное искусство, стенописи, иконостас, Ярославль, Герасим Лебедев.

T. V. Yurieva**Sacral Image of Yaroslavl in the Second Half of the 18th Century**

In the article are considered architectural and art features of Yaroslavl temple complexes of Gerasim Lebedev's times. The author interprets urban temple environment as one of vectors of influence on perception of the world of this outstanding resident of Yaroslavl, and that, undoubtedly, is connected with his follow-up activity in the sphere of theater development. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: culture of the 18th century, baroque, church art, murals, iconostasis, Yaroslavl, Gerasim Lebedev.

Город Герасима Лебедева – это Ярославль второй половины XVIII века. К этому времени он уже пережил взлет своей церковной архитектуры, его сакральный облик уже сложился. Но нам теперь важно представить себе этот Ярославль, поскольку, несмотря на обмирщение всей русской жизни, будучи рожденным в церковной среде, Герасим Лебедев не мог не впитать в себя все лучшее, что есть в русской религиозной культуре. Важно осознать тот факт, что именно внутри церкви, в ее обрядовой практике возникает в XVIII веке потребность в театрализации, которая выразилась в драматических произведениях Дмитрия Ростовского, постановках прихожанина первого посадского ярославского храма Федора Волкова, и привела, вероятно, к театру и Герасима Лебедева, основателя первого театра европейского образца в Индии.

Эпоха XVIII века в России ознаменовала переход от Средневековья к Новому времени, но светская культура, особенно в провинции, часто возникала не разрывая, а переосмысляя старые традиции, придавая им новую форму.

Несомненно, что развитие театра в России связано с периодом главенства в искусстве стиля барокко. Пышная барочная эфемерность, напряженность, динамичность образов, аффектация, стремление к величию и пышности, к совмещению реальности и иллюзии, к слиянию искусств – все эти

черты развивавшегося в XVIII веке стиля барокко не могли найти в провинции воплощения нигде, кроме церковного искусства. Более того – это было скорее искусство интерьера, чем экстерьера, а также искусство малых архитектурных форм. Таковыми являются внутренние церковные пространства, наполненные живой, динамичной и красочной фресковой живописью, уже, несомненно, барочными конструкциями резных иконостасов.

При общегосударственном запрете на каменное строительство в провинции, что касалось, прежде всего, храмов и монастырей, художественные силы в Ярославле нашли выход в церковной живописи. На протяжении всего XVIII века идет работа по созданию живописных храмовых комплексов, трудятся знаменитые иконописные артели.

Так, XVIII век в истории храмового искусства Ярославля открывается стенописями церкви Благовещения, выполненными артелью мастеров во главе с Федором Игнатьевым и Федором Федоровым 1708–1709 гг. [2, с. 182–185]. В 1731 году Федор Федоров, Семен Иванов, Иван Никитин, Алексей Сергеев, Алексей Иванов расписывают храм Михаила Архангела [2, с. 78–83]. Артель знаменщика Алексея Соплякова расписывает храм Иоанна Златоуста в Коровниках (1733) [2, с. 438–447], церкви Крестовоздвижения (1735) [2, с. 186–191], Вознесения (1736) [2, с. 238–243],

Спасо-Пробоинскую (1741) [2, с. 97–102], Варвары-великомученицы (1742) [2, с. 136–143]. Следующее поколение иконописцев – Афанасий Андреев, сын Шустов, Михаил Алексеев, сын Соплякова «со товарищи» расписывают в 1760–1761 гг. храм Петра Митрополита [4]. В этих работах прослеживается интенсивный поиск живописного языка, который соединяет иконописную традицию с веяниями Нового времени.

Барокко в провинции более наивное, вмещающая в себя образы скорее не официальной, а народной культуры, отражает именно ту жизнь, которая происходит по соседству, за церковными стенами. Иногда кажется, что театр как действие начинается именно с евангельской истории, разворачивающейся в динамической симфонии иконных образов, которые начинают дышать жизнью, наполняются экспрессией и движением. Так божественная литургия, осуществляющая главное таинство в заикононостасном пространстве храма, в его Святая Святых, мистического таинства превращается в мистерию чуда, приоткрывающую свою тайну через резной иконостас.

В целом, основные тенденции в развитии иконостаса XVIII века следующие:

- Резьба иконостаса становится более объемной и пластически выразительной.
- Иконостасы сокращаются в размерах, становятся более обозримыми, по-новому вписываются в архитектуру храма.
- Иконостасная композиция получает более свободное решение в размещении обязательных рядов икон.
- Архитектурно организуется заикононостасное пространство храма, где доминирует напестольная сень, которая становится неотъемлемой частью самого иконостаса, входит в его композицию.
- Особый акцент делается на Царские врата, которые начинают доминировать в композиции и несут главный смысл иконостаса.
- Наблюдается барочная изломанность форм (силуэта, фронтонов и рам).
- Исторический контекст, в котором формируется иконостас XVIII века, определяют идеи триумфа русской государственности [5, с. 194].

Именно это провинциальное соединение всех начал жизни, духовных и светских, присутствует в жизни простого человека издревле и сопротивляется столичному разделению культуры на элитарную и народную, профессиональную и любительскую.

В провинциальных иконостасах елизаветинского времени стилистика барокко соединяется с присущей предыдущей эпохе темой многоярусно-

сти. Несмотря на то, что центральная часть сильно повышается и отмечается большим резным киотом, остальные иконы по-прежнему выстраиваются в метрические ряды.

К сожалению, век барокко на сегодняшний день представлен в Ярославле всего одним, но знаменитым иконостасом 1751 года из церкви Николы Надеина. Знаменит этот иконостас тем, что его создание приписывается лицу известному во всей России, создателю первого русского театра Федору Волкову. Этот иконостас заменил первоначальный, тябловый, существовавший от времени создания храма. Его тябла, расписанные орнаментом, можно видеть и сейчас за третьим ярусом существующего иконостаса.

Учитывая личность создателя и обстоятельства возникновения в храме Николы Надеина иконостаса XVIII века, можно утверждать, что в нем, в его конструкции, программном решении и декоре отразились как отношения между столичным и провинциальным искусством, так и стремления ярославской провинциальной культуры подражать столичным образцам.

Об этом иконостасе упоминает ростовский архиепископ Самуил Миславский, который утверждал, что «иконы и иконостас сделаны собственным трудом купца Федора Григорьевича Волкова, зовомого в Ярославле Полушкиным» [1, с. 68].

Еще один источник, указывающий на авторство Ф. Волкова, – биография актера, составленная писателем Н. И. Новиковым в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772 г.) по воспоминаниям друга и сподвижника Федора Волкова, актера Ивана Дмитриевского: «Сей муж великого и проницательного разума <...> театральное искусство знал он в высшей степени, при сем был изрядный стихотворец, хороший живописец, довольно искусный музыкант на многих инструментах, посредственный скульптор.... Живописи он обучился сам собою еще в ребячестве, непрестанно рисуя и срисовывая всякие виды. Таким образом, упражнялся он и в резном искусстве, чему остались свидетельством и поныне в приходской церкви резные царские двери, на которых «Тайная вечеря» весьма изрядно выработана» [1, с. 69].

Исследователи этого иконостаса Е. А. Анкудинова и Т. А. Рутман считают, что авторство Федора Волкова и его товарищей в создании этого иконостаса можно считать доказанным, так как при реставрации в 1985 году на одной из икон была найдена подпись актера волковской труппы: «Писал Дамиан Галик».

Члены семьи Федора Волкова были прихожанами Николо-Надеинской церкви, и иконостас был, видимо, вкладом семейства в приходскую церковь и строился по духовному завещанию отца Волкова – Ф. В. Полушкина. Об этом свидетельствует надпись на фризе антаблемента иконостаса: «Сей поклон мой во веки веков здесь вселяхся яко изволихи».

Исследователи отмечают, что, создавая этот иконостас, Федор Волков во многом обращается к зарудновскому иконостасу Петропавловского собора. Тем не менее, в отличие от столичного иконостаса, здесь прослеживается еще тяготение к ярославским традициям. Несмотря на сложное архитектурное оформление, большое количество объемной горельефной резьбы, массу резных деталей в стиле рокайль иконостас представляет собой трехъярусную структуру, обладающую достаточно четкими метрическими членениями, разорванную, правда, в середине Царскими вратами, распространившимися на всю высоту иконостаса и венчающиеся резной имитацией раздвинутой завесы, которая открывает алтарное пространство храма, внутри которого можно видеть напестольную сень XVII века, прекрасную по исполнению, но никак не сочетающуюся с барочными иконостасными формами. Конструкция иконостаса четко делится по горизонтали на две основные части. Нижняя – массивная, с заворотами на боковые стены, которая, несмотря на свой «новомодный» декор, недалеко ушла от своих ярославских предшественников. И верхняя – состоящая из трех киотов с иконами, которые восходят к идеям И. Зарудного, но являются достаточно слабым ему подражанием.

Наиболее удачными в иконостасе, несомненно, являются врата. «Они скомпонованы в сложную архитектурную композицию, в центре которой с чашей в руке перед столом стоит Христос, с двух сторон от него расположены апостолы. Всю композицию обрамляют резные фигуры ангелов, а два летящих ангела поддерживают над центральной группой балдахин в виде поднятого занавеса» [1, С. 71]. Сюжет врат Н. И. Новиков называл «Тайной вечерей», но исследователи иконостаса (Е. А. Анкудинова, Т. А. Рутман, Е. А. Федорычева) склоняются к тому, что это «Евхаристия» [6, с. 112].

Фигуры всех участников сцены отличаются необыкновенной живостью. «Создается впечатление, что они подсмотрены в реальной жизни купеческого Ярославля, и не исключено, что были резаны с натуры, в качестве которой могли высту-

пать и знакомые Волкову купцы, и его сподвижники по театральной труппе» [1, с. 71]. Мы, в свою очередь, хотим отметить, что стиль резьбы, раскраска лиц фигур (чего, кстати, не делал И. Зарудный) роднят ее с народной деревянной скульптурой, для которой характерен наивный примитивизм и использование цвета.

Эклектично решено иконное наполнение иконостаса. В нижний, местный ряд иконостаса были помещены иконы XVI – начала XVIII века из первоначального иконостаса. Иконы второго и третьего яруса были написаны для нового иконостаса, и исследователи выделяют две руки их создателей: упомянутого уже Дамиана Галика и самого Федора Волкова. Необходимо отметить, что оба ряда содержат иконы на праздничные сюжеты. Таким образом, самой верхней, большой и центральной иконой становится икона на сюжет «Вознесение». Деисусный ряд практически отсутствует. В какой-то мере его дублирует ряд святых апостолов, фланкирующих распятие. Фигуры апостолов, поставленные по верхнему краю антаблемента иконостаса вырезаны из доски по контуру и раскрашены. Причем, там, где на антаблементах находятся киоты с иконами, фигуры поставлены на них сверху, поэтому не образуют единой линии ряда, а составляют вместе с киотами ступенчатую композицию, которая венчается таким же вырезанным и раскрашенным распятием. Таким образом, иконостасная программа расходится с классической или канонической в том смысле, в котором мы это понимаем.

Несмотря на своего рода исключительный факт, произошедший в ярославской истории, связанный с появлением волковского иконостаса, приходится констатировать свойственный ему отпечаток провинциальности. Тем не менее, такая более близкая к народному восприятию трактовка храмового пространства в новом стиле барокко несомненно впечатляла прихожан, создавая иллюзорный мир рая как некое разворачивающееся пред алтарем действо.

К сожалению, кроме храма Николы Надеина, ни в одном храме города не сохранились, на сегодняшний день, полные иконостасы эпохи барокко. Хотя, так же, как и в Надеинском храме, они могли появиться во многих храмах Ярославля в результате поздних переделок. В каждом случае, это может быть своя, отелная история, связанная с приходом, его вкладчиками. Так, в храме Рождества Христова (XVII в.) был переделан только нижний ярус иконостаса, в результате чего появи-

лись более поздние рельефные врата со сценой сошествия святого духа на апостолов.

Иконостас в стиле барокко существовал и в церкви Петра и Павла, которая была построена при мануфактуре И. М. Затрапезнова. Эта церковь повторила посвящение и формы петербургского собора, и можно было бы предполагать, что в интерьере храма также существовали цитаты из знаменитого образца. Как можно судить по фотофиксации начала XX века, иконостас церкви Петра и Павла, хоть и принадлежал общему с иконостасом Зарудного времени, но, тем не менее, имеет совершенно отличную от него структуру и принципы построения.

Дата создания иконостаса не установлена, но известно, что летняя церковь Петра и Павла была освящена в 1744 году. Так же, как и в иконостасе, спроектированном Ф. Волковым, организующим началом его структуры, остается та же метрическая система, с увеличенной серединой и регулярными рядами икон справа и слева, которая была выработана в ярославском иконостасе XVII века. «Иконостас ярославского Петропавловского храма не достигает той смелости решений, которые были присущи столичному иконостасу. Собственно, барочность его конструкции отражается в декоративном решении его деталей: это разорванная линия антаблемента, криволинейность завершений иконных рам, картуши с иконами в верхнем ярусе, волюты, которые соединяют верхнюю и нижнюю части, на которые членится иконостас» [6, с. 115]. Соответственно сложившейся в XVIII веке традиции, центральную часть иконостаса занимают резные скульптурные Царские врата, главным изображением которых является сюжет тайной вечери с парящими над Христом и апостолами архангелами. Вся эта композиция венчается балдахином с завесами и кистями, в свободном пространстве под которым спускается на Христа Святой Дух в виде голубя. Выше, над балдахином, помещается скульптурное распятие, которому нет места над всем иконостасом, поскольку вся конструкция упирается в плоский лепной потолок. Завершается центральная композиция большой иконой «Сошествие святого духа на апостолов» и находящейся в самой высокой точке иконой с образом Саваофа, осеняющего всех и вся своим благословением.

Декоративные элементы с головками ангелов, символическими гирляндами цветов и фруктов, вычурные капители заполняют все свободные от икон плоскости тела иконостаса. Над боковыми вратами также выполнены декоративные балда-

хины, подобные центральному, венчающиеся короной – символом императорской власти.

Иконографическая программа иконостаса также претерпела изменения. Система иконографических образов складывается из местного ряда, двух рядов праздников и образов святых в картушах, размещенных по верхнему краю антаблемента иконостаса. И если в иконостасе столичного Петропавловского храма деисусный чин, не смотря на отсутствие его в линейном варианте конструкции, все-таки вычитывался, то из ярославского иконостаса деисус исчез вовсе. Что, вероятно, свидетельствует об увлечении строителями иконостаса его формой в ущерб содержанию, что, собственно, является одной из характеристик искусства барокко.

Таким образом, несмотря на то, что мы не имеем достаточного количества сохранившихся памятников, даже того что есть достаточно, чтобы представить себе ту атмосферу русского православного храма середины XVIII века, которая несомненно повлияла на формирование личности нашего знаменитого ярославца, Герасима Степановича Лебедева.

Библиографический список

1. Анкудинова, Е. А., Рутман, Т. А. Легенда становится былью [Текст] // Экспонаты музея рассказывают. – Ярославль, 1989. – С. 66–74.
2. Рутман, Т. А. Храмы и святыни Ярославля [Текст] / Т. А. Рутман. – Ярославль, 2008.
3. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 12.
4. Юрьева, Т. В. Почти утраченный памятник [Текст] / Т. В. Юрьева // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 1. – № 3. – С. 185–188.
5. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез [Текст]: дис.... д-ра культурологии: 24.00.01 / Т. В. Юрьева. – Саранск, 2006.
6. Юрьева, Т. В. Ярославский иконостас [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль: Мастерская рекламы, 2007.

Bibliograficheskij spisok

1. Ankudinova, E. A., Rutman, T. A. Legenda stanovitsja byl'ju [Tekst] // Jekspnaty muzeja rasskazyvajut. – Jaroslavl', 1989. – S. 66–74.
2. Rutman, T. A. Hramy i svjatyni Jaroslavlja [Tekst] / T. A. Rutman. – Jaroslavl', 2008.
3. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Tekst] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 12.

4. Jur'eva, T. V. Pochti utrachennyj pamjatnik [Tekst] / T. V. Jur'eva // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2010. – T. 1. – № 3. – S. 185–188.

5. Jur'eva, T. V. Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez [Tekst]: dis.... d-ra kul'turologii: 24.00.01 / T. V. Jur'eva. – Saransk, 2006.

6. Jur'eva, T. V. Jaroslavskij ikonostas [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl': Masterskaja reklamy, 2007.

Reference List

1. Ankudinova E. A., Rutman T. A. Legend becomes a true story // Exhibits of the museum tell. – Jaroslavl, 1989. – P. 66–74.

2. Rutman T. A. Temples and shrines of Jaroslavl. – Jaroslavl, 2008.

3. Yur'eva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» // Culturological magazine. – 2014. – № 1. – P. 12.

4. Yur'eva T. V. Half-lost monument // Jaroslavl pedagogical bulletin. – 2010. – V. 1. – № 3. – P. 185–188.

5. Yur'eva T. V. Orthodox iconostasis as cultural synthesis: thesis.... Doctor of Culturology: 24.00.01 / T. V. Yur'eva. – Saransk, 2006.

6. Yur'eva T. V. Jaroslavl iconostasis. – Jaroslavl': Masterskaja Reklamy, 2007.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

Е. Ю. Макарова

Из истории ярославской иконописи XVIII века

На основе материала, предоставленного коллекцией икон древнерусского отдела Ярославского художественного музея, а также ярославской фресковой живописи автор статьи делает аналитический очерк истории ярославской иконописи XVIII века и создает собирательный образ ярославского иконописца, который представляет собой образованного, грамотного, хорошо знающего художественное наследие родного города, использующего местные образцы для собственного образования и творчества, имеющего хорошую профессиональную подготовку мастера, остающегося востребованным именно в традиционном иконописании. Заказчика икон также предстает как не менее образованный человек, твердо стоящий на ногах, имеющий собственный вкус и имеющий возможность его воплощать в конкретных заказах. Автор приходит к выводу, что взаимодействие этих двух ярославцев позволило ярославской иконописной традиции разнопланово и плодотворно развиваться, создавая произведения, достойные блистательных предшественников и отвечающим самым искушенным требованиям своей эпохи. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 года на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: ярославская иконопись, древнерусская художественная традиция, русское искусство XVIII в., художественная жизнь Ярославля Нового времени.

E. Yu. Makarova

From History of Yaroslavl Iconography of the 18th Century

On the basis of the material, provided by the collection of icons of the Old Russian Department of the Yaroslavl Art Museum and also Yaroslavl fresco painting, the author of the article conducts an analytical review of history of Yaroslavl iconography of the 18th century and creates a generalized character of a Yaroslavl icon painter, who is educated, competent, well knowing art heritage of the hometown, using local samples for own education and creativity, having good vocational training of the master, remaining to be demanded in traditional painting of icons. The customer of icons is also not less educated, who has his feet on the ground, has own taste and has an opportunity to embody it in certain orders. The author comes to the conclusion that interaction of these two residents of Yaroslavl allowed the Yaroslavl icon-painting tradition to develop in versatile and fruitful ways, creating works, worthy brilliant predecessors and corresponding to the most experienced requirements of the era. Basic ideas of the article were published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27–28, 2013 at the Faculty of the Russian philology and culture in YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: Yaroslavl iconography, Old Russian art tradition, Russian art of the 18th century, art life of Yaroslavl in Modern times.

В настоящее время история ярославской иконописи XVIII в. изучена недостаточно. Традиционно принято считать, что кардинальные перемены мировоззрения и эстетики, новые ценности отодвинули на второй план древнерусскую традицию. Тем не менее, школа ярославской иконописи проявила удивительную жизнеспособность, богатый творческий потенциал и продолжала плодотворно развиваться. Это демонстрируют результаты работы над каталогом икон XVIII в. из коллекции Ярославского художественного музея, где было опубликовано более 100 икон этого времени. Анализ стилистики, иконографии, истории бытования этих произведений позволил реконструировать некоторые черты художественной жизни Ярославля Нового времени.

Самым известным и ярким явлением в искусстве Ярославля XVIII в. являются монументаль-

ные росписи, выполненные артелью знаменщика Алексея Соплякова в 1730–40 гг. За десять лет мастера расписали в Ярославле пять храмов: Иоанна Златоуста в Коровниках (1733) [11, с. 439], Крестовоздвижения (1735) [11, с. 187], Вознесения (1736) [11, с. 239], Спасо-Пробоинскую (1741) [11, с. 100], Варвары-великомученицы (1742–43) [11, с. 138]. Устойчивый состав артели и наследственный характер профессии способствовали поддержанию высокого художественного качества работ, преемственности живописной традиции и сохранению иконописной школы. Это подтверждают вводимые в научный оборот памятники иконописи XVIII в. Во второй половине XVIII в. продолжают монументальные росписи представители следующего поколения: сын Алексея Соплякова – Михаил Сопляков и другие члены артели под руководством Афанасия [15, с. 186].

Анализируя стилистические особенности произведений, можно говорить о бытовании разнообразных художественных вкусов, среди которых выделяются несколько основных направлений: это и ориентация на западноевропейскую живопись с привлечением многочисленных гравированных образцов, и следование традициям школы Оружейной палаты, и развитие местной традиции иконописи XVII в., являющееся, безусловно, доминирующим в эту эпоху.

Это объясняется тем, что в начале XVIII в. работали мастера, сформировавшиеся в предыдущем столетии. Они используют иконографию и художественные приемы этого времени, хотя и привлекают отдельные декоративные элементы, обновляющие стилистику образов [2]. С этой точки зрения интересны художественные переработки известных в Ярославле произведений: икон мастерской Гурия Никитина из праздничного чина придела Варлаама Хутынского церкви Ильи Пророка 1680-х гг. [16, Кат. 98], реплики на иконы Семена Спиридонова Холмогорца. Это говорит о хорошем знании художественного наследия города, привлечения к работе в качестве образцов лучших произведений предыдущей эпохи, что развивало местную художественную традицию и высокое качество работ иконописцев.

Поэтому выглядит закономерно, что целый ряд икон XVIII столетия повторяют фрески галерей церкви Иоанна Предтечи в Толчкове (1700–1703 гг.). Влияние предтеченских росписей на развитие ярославского искусства XVIII в. – отдельная тема для исследования. Один из известных примеров – это икона «Мученица Фомаида, со сценами жития» последней четверти XVIII в. [17, Кат. 84], не имеющая известных аналогов в русской иконописи.

Образцом для иконы из собрания ЯХМ «Богоматерь на престоле с «радостями» Богоматери» второй половины XVIII в. [17, Кат. 71] стала еще одна фреска южной галереи церкви Иоанна Предтечи в Толчкове. В иконе иллюстрируется сюжет из сборника Иоанникия Галатовского «Небо Новое» о Фоме Кантуарийском, по просьбе Богоматери прославившем ее небесные радости. Этот литературный источник известен в ярославских фресках с 1680-х гг. [5], но использование других фресок в качестве образца для икон пока не выявлено.

Впервые в ярославском искусстве на южной галерее церкви Иоанна Предтечи появился сюжет «Плоды страданий Христовых». Икона-кружало второй половины XVIII в. [17, Кат. 89] повторяет эту композицию, но художник дополнил основной

сюжет четырьмя клеймами-притчами о скоротечности человеческой жизни и изображением двух лестниц, одна из которых ведет в рай, другая – в ад; их ступени обозначены как людские добродетели и грехи. Вероятно, в этой работе он опирался на неизвестный пока литературный источник, но понимание общего замысла, органичное и убедительное объединение разновременных частей позволяют говорить о работе профессионального, образованного мастера. Высокий уровень и сюжетное разнообразие росписей церкви Иоанна Предтечи в Толчкове общеизвестно, но важно отметить, что все известные сейчас иконы, восходящие к толчковским фрескам, были созданы во второй половине столетия, не менее чем через полвека, что говорит об их известности и значимости для мастеров XVIII в.

Чрезвычайно интересным явлением представляется тот факт, что при заказе икон в XVIII в. ярославцы предпочитали в качестве образца любимые в Ярославле изводы: в 1786 г. благочестивая Дарья Оралова заказывает иконописцу Степану Завязошникову икону «Рождество Христово» [17, Кат. 86]. Мастер воспроизводит известный образец XVII в., приписываемый Иосифу Владимирову, с подробной иконографией праздника.

При этом ярославская художественная традиция не останавливается на самовоспроизведении. В ярославском искусстве создаются новые иконографии на основе новых литературных источников. Такова икона преподобных Павла Фивейского и Иоанна Кушника с житийными сценами [17, Кат. 7], где редкие сюжеты иллюстрируют тексты только что вышедших в печати «Жития святых» Димитрия Ростовского. К этому же источнику восходят упомянутые выше фреска и икона мученицы Фомаиды, причем подробная надпись в нижней части иконы дословно совпадает с текстом Димитрия Ростовского. Также практически буквально совпадают с димитриевскими текстами надписи на ярославской иконе «Великомученица Варвара с житием в 14 клеймах» [17, Кат. 85]. Повторим, что все упомянутые примеры являются иконографическими редкостями, следовательно, скорее всего, мастера не имели живописного образца, а опирались именно на минейный текст. А тот факт, что значительный энциклопедический труд, не утративший актуальность до наших дней, принадлежащий одному из самых прославленных литераторов эпохи, был столь востребован в Ярославле и использовался как сразу по выходу из печати, так и в течение всего столетия, говорит о

высоком уровне образования и кругозоре ярославских иконописцев.

Параллельно продолжали развиваться традиционные направления в иконописи — почитание чудотворных икон предполагало создание новых списков, которые были очень востребованы. В коллекции ЯХМ представлена икона «Богоматерь Владимирская» середины XVIII в. [17, Кат. 41], повторяющая древнейшую святыню Успенского собора Московского Кремля. В XVIII в. появляется значительное число списков с чудотворной иконы Толгской Богоматери, снабженные поясняющим текстом на нижнем поле о времени и обстоятельствах явления древнего образа на Толге. В 1757 году и 1788 глду были созданы списки «мера в меру» с чудотворного образа Спаса Нерукотворного из Спасо-Пробоинской церкви, так же с историей иконы [17, Кат. 64, 88]. На иконе 1788 г. есть имена заказчиков иконы, вероятно, представителей купечества: Феодосия Чайдукова, Даниила Синельникова, Гавриила Верещагина и Гавриила Тимоховича. Дата, приведенная от сотворения мира, а также аббревиатура перед именами благодетелей могут свидетельствовать о возможной их принадлежности к старообрядцам [2].

В качестве отдельного направления в ярославской иконописи можно рассматривать развитие традиций Оружейной палаты, которые стали востребованы местными мастерами в начале XVIII в. В это время в Ярославле работал жалованный мастер Оружейной палаты Тихон Иванов Филатьев (1675–1731). Он участвовал в росписи церкви Николы в Меленках (1705–1707 гг.) и по заказу руководителя Приказа Адмиралтейских дел в Москве Григория Андреевича Племянникова [4, с. 53] создавал иконы для местного ряда иконостаса церкви Воскресения в родовом поместье Племянниковых селе Красном. В коллекции ЯХМ есть икона «Спас на престоле», приписываемая Тихону Филатьеву [17, Кат. 13]. Целый ряд икон создан талантливыми последователями столичных мастеров, что прослеживается и в иконографии, и в характере живописи. Например, иконография образа «Спас Вседержитель» [17, Кат. 49] восходит к европейским изображениям Христа, где изысканно усложнены деталями облачения и держава-зерцало в левой руке Спасителя, увенчанная равноконечным крестом.

В иконописи Ярославля с середины XVIII в. стали проявляться черты светских стилей живописи, в частности, барокко. Такова икона «Спас Великий Архиерей» Афанасия и Ивана Шустовых 1747 г. из местного ряда Троицкой церкви Власьев-

ского прихода [17, Кат. 47]. Братья Шустовы принадлежали к известной ярославской династии иконописцев, работавшей на протяжении почти полутора столетий (!), начиная с середины XVII в. [9]. Свободное владение приемами светской живописи, ориентация на столичные образцы, сочетающиеся с техникой традиционного иконописания показывает высочайший профессионализм и способность решать любые художественные задачи.

Некоторая эстетическая рафинированность дворянских вкусов проявилась в иконе «Собор архангела Михаила» второй половины XVIII в. [17, Кат. 95], с четкой ориентацией на западноевропейскую живопись и ясно выраженными барочными чертами. Этот памятник может быть рассмотрен как абсолютный пример в своем стилистическом направлении.

Отличительной особенностью ярославской иконописной традиции является ее взаимодействие с другими художественными центрами. В XVIII в. это направление не только развивается, но и расширяется. Традиционно, как и в предыдущем столетии, в Ярославле работали костромские мастера. В начале столетия они выполняли иконы для кафедрального Успенского собора. Особенно интересна икона «Богоматерь Умиление» [17, Кат. 18; 7, с. 233–235], иконография которой восходит к образу середины XVI в. «Mariahilf» Лукаса Кранаха Старшего, находившемуся в церкви Неусыпной помощи Богородицы в г. Пассау в Баварии [7, с. 233–235; 13].

Близость Ростова и архиерейских мастерских отразилась в бытовании в Ярославле образов, связанных с Ростовским архиерейским домом. Это особенно ярко проявилось в связи с канонизацией митрополита Димитрия Ростовского в 1757 г., когда появились многочисленные образы нового святого. Образы митрополита Димитрия Ростовского, в основном, создавались иконописцами Спасо-Иаковлевского монастыря, где находились мощи святителя, образцами для них служили прижизненные портреты [3]. В коллекции ЯХМ тринадцать икон Димитрия Ростовского [10]. Каждая из них имеет иконографические особенности, и все вместе они представляют широкий спектр тем, прославляющих ростовского святителя.

В этот период возникали новые связи. Возможно в Петербурге был создан список с иконы «Богоматерь Курская Коренная» середины XVIII в. [17, Кат. 48]. Икона происходит из Нерехты и, по предположению О. Б. Кузнецовой, могла быть написана в столице по заказу нерехтского купца Михаила Яковлевича Грязновского,

получившего должность при дворе Елизаветы Петровны. О столичном происхождении образа свидетельствуют высокое мастерство, особое изящество живописи, свободное применение мастером стилистических приемов барокко, в частности обрамление средника в виде лепной левкасной рамки – прием, который был воспринят ярославскими мастерами во второй половине XVIII в.

Особую группу составляют паломнические реликвии, воспроизводящие образы и внешний вид главных русских обителей и святых. Такова икона Нила Столобенского, которая отражает окончательное сложившуюся иконографию преподобного: основатель пустыни изображен в молении образу Богоявления, а монастырь представлен расположенным на острове узнаваемой формы, с южной стороны. Подобные иконы создавались оставковскими иконописцами по заказу монастыря и для храмов других городов. Как видим, один из образов бытовал в Ярославле.

Таким образом, круг связей ярославских мастеров был довольно широк: это и столицы Москва и Петербург, архиерейский дом в Ростове Великом, иконописная школа Костромы, новые монастырские и провинциальные иконописные центры. Известно, что, в свою очередь, ярославская артель расписывала храмы в разных городах и обителях России: в вологодской Устюжне (1756–57), в Успенском соборе Тулы (1765–66), в Казанской церкви Рыбинска (1767–68), в Никольской церкви в Нерехте (1768–69), в Сарове (1770-е гг.). Таким образом, обогащение и развитие ярославской иконописной традиции происходило в процессе взаимодействия с другими художественными центрами.

Своеобразным итогом развития ярославского искусства XVIII в. можно считать работы ярославских иконописцев в Успенском соборе. В 1777 г. Ярославль стал губернским городом и центром епархии в 1786 г., появилась необходимость художественного оформления нового статуса города. Это проявилось в прославлении древних почитаемых и чудотворных ярославских икон, для которых были созданы величественные двухметровые иконы-рамы с большим количеством клейм [1; 8]. В 1790-х гг. была создана рама к иконе Толгской Богородицы с 44 клеймами «Сказания об иконе Толгской Богородицы», где большие чудеса представлены в невероятно изобретательных композиционных решениях. В 1796 году ярославскими мастерами Климентом Мокроусовым [12, с. 96] (ок. 1765–1800) и Федором Крашенинниковым [12, с. 84] (ок. 1769–1812) была написана рама для

иконы «Спас Вседержитель» (списка с семейной реликвии ярославского княжеского дома XIII в.). В клеймах представлены История образа Спаса Нерукотворного и сюжеты Страстей Христовых. Третья рама была написана в 1803 г. Иваном Смирновым (ок. 1762–1804) [12, с. 125–126.] и обрамляла список с другой семейной иконы ярославских князей – иконы «Богородица Ярославская» [6, с. 73–75; 17, Кат. 102]. На раме изображены в рост святые ярославские князья Василий и Константин, словно поддерживающих родовую святыню; в клеймах-картушах представлены сцены чудес Богородицы и Ее икон. Особенно интересной выглядит деталь: над образом Богородицы Ярославской представлен земной шар с двумя реками – Волгой и Которослью, увенчанный ярославским Успенским собором. Так представлен апофеоз прославления родного города ярославским посадским мастером – наследником древней художественной традиции и культуры.

Таким образом, собирательный образ ярославского иконописца представляет образованного, грамотного, хорошо знающего художественного наследие родного города, использующего местные образцы для собственного образования и творчества, имеющего хорошую профессиональную подготовку мастера, остающегося востребованным именно в традиционном иконописании. Если попытаться охарактеризовать идеальный тип ярославца, заказчика и главного «зрителя» икон, то это не менее образованный человек, твердо стоящий на ногах, имеющий собственный вкус и имеющий возможность его воплощать в конкретных заказах. И взаимодействие этих двух ярославцев позволило ярославской иконописной традиции разнопланово и плодотворно развиваться, создавая произведения, достойные блистательных предшественников и отвечающим самым искушенным требованиям своей эпохи.

Библиографический список

1. Горшкова, В. В. Иконы Успенского собора [Текст] / В. В. Горшкова // Успенский собор в Ярославле. – Ярославль, 2007. – С. 195–222.
2. Горшкова, В. В. Иконопись Ярославля XVIII–начала XX века [Текст] / В. В. Горшкова // Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Том III. Иконы XVIII – начала XX века. Ч. 1. – Ярославль, 2013. – С. 8–68.
3. Зеленина, Я. Э. От портрета к иконе. Очерки русской иконографии XVIII – начала XX века [Текст] / Я. Э. Зеленина. – М., 2009.
4. Зубатенко, А. В. Род дворян Племянниковых и Ярославский Спасо-Преображенский монастырь [Текст] / А. В. Зубатенко // XVI Научные чтения памя-

ти И. П. Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. – Ярославль, 2012.

5. Казакевич, Т. Е. Западноевропейские новеллы «Неба нового» И. Галятковского в стенописи церкви Рождества Христова в Ярославле [Текст] / Т. Е. Казакевич // II Научные чтения памяти И. П. Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. – Ярославль, 1998. – С. 45–64.

6. Кузнецова, О. Б. «Рама с клеймами богородичных явлений и чудес Ярославской иконы Богоматери» 1803 г. Ивана Смирнова в собрании Ярославского художественного музея [Текст] / О. Б. Кузнецова // «От мудрости и святости былого...» VII Тихомировские чтения. Тезисы докладов. – Ярославль, 1999. – С. 73–75.

7. Кузнецова, О. Б. Икона «Богоматерь Умиление» XVIII века из собрания ЯХМ. К вопросу иконографии [Текст] / О. Б. Кузнецова // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России 27–29 августа 2000 года. Ярославль-Рыбинск. – Ярославль, 2001. – С. 233–235.

8. Кузнецова, О. Б. Настолпные иконы Ярославского Успенского собора XVIII–XIX вв. К проблеме атрибуции [Текст] / О. Б. Кузнецова // Филевские чтения. – М., 1994. – С. 40–50.

9. Кузнецова, О. Б. О династии ярославских иконописцев Шустовых и стенописях Успенского собора Тихвинского монастыря конца XVIII – начала XIX века [Текст] / О. Б. Кузнецова // Искусство христианского мира. Вып. 9. – М., 2005. – С. 427–435.

10. Макарова, Е. Ю. Иконы святителя Димитрия Ростовского в собрании ЯХМ [Текст] / Е. Ю. Макарова // XIV Научные чтения памяти И. П. Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. – Ярославль, 2010. – С. 168–175.

11. Рутман, Т. А. Храмы и святыни Ярославля [Текст] / Т. А. Рутман. – Ярославль, 2008. – С. 439.

12. Шемякин, А. И. Словарь мастеров художественных ремесел Ярославля XVIII–XIX веков [Текст] / А. И. Шемякин. – Ярославль, 2012.

13. Шулика, В. В. Икона Пресвятой Богородицы Mariahilf – Пасовская-Цареградская [Текст] / В. В. Шулика // Волинська ікона: дослідження та реставрація. Матеріали XVIII міжнародної наукової конференції м. Луцьк, 27–28. 10. 2011 р. – Луцьк, 2011. – С. 109–118.

14. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал, 2014. – № 1. – С. 12.

15. Юрьева, Т. В. Почти утраченный памятник [Текст] / Т. В. Юрьева // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 1. – № 3. – С. 185–188.

16. Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Том II. Иконы XVII – начала XVIII веков [Текст] : Ч. 2. – Ярославль, 2012.

17. Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Том III. Иконы XVIII – начала XX века [Текст] : Ч. 1. – Ярославль, 2013.

Bibliograficheskij spisok

1. Gorshkova, V. V. Ikony Uspenskogo sobora [Tekst] / V. V. Gorshkova // Uspenskij sobor v Jaroslavle. – Jaroslavl', 2007. – S. 195–222.

2. Gorshkova, V. V. Ikonopis' Jaroslavlja XVIII-nachala XX veka [Tekst] / V. V. Gorshkova // Jaroslavskij hudozhestvennyj muzej. Katalog sobranija ikon. Tom III. Ikony XVIII – nachala XX veka. Ch. 1. – Jaroslavl', 2013. – S. 8–68.

3. Zelenina, Ja. Je. Ot portreta k ikone. Oчерki russkoj ikonografii XVIII – nachala XX veka [Tekst] / Ja. Je. Zelenina. – M., 2009.

4. Zubatenko, A. V. Rod dvorjan Plemjannikovych i Jaroslavskij Spaso-Preobrazhenskij monastyr' [Tekst] / A. V. Zubatenko // XVI Nauchnye chtenija pamjati I. P. Bolotcevoj (1944–1995) : Sb. statej. – Jaroslavl', 2012.

5. Kazakevich, T. E. Zapadnoevropejskie novelly «Neba novogo» I. Galjatovskogo v stenopisi cerkvi Rozhdestva Hristova v Jaroslavle [Tekst] / T. E. Kazakevich // II Nauchnye chtenija pamjati I. P. Bolotcevoj (1944–1995): Sb. statej. – Jaroslavl', 1998. – S. 45–64.

6. Kuznecova, O. B. «Rama s klejmami bogorodichnyh javlenij i chudes Jaroslavskoj ikony Bogomateri» 1803 g. Ivana Smirnova v sobranii Jaroslavskogo hudozhestvennogo muzeja [Tekst] / O. B. Kuznecova // «Ot mudrosti i svjatosti bylogo...» VII Tihomirovskie chtenija. Tezisy dokladov. – Jaroslavl', 1999. – S. 73–75.

7. Kuznecova, O. B. Ikona «Bogomater' Umilenie» XVIII veka iz sobranija JaHM. K voprosu ikonografii [Tekst] / O. B. Kuznecova // 200 let pervomu izdaniju «Slova o polku Igoreve». Materialy jubilejnyh chtenij po istorii i kul'ture Drevnej i Novoj Ros-sii 27–29 avgusta 2000 goda. Jaroslavl'-Rybinsk. – Jaroslavl', 2001. – S. 233–235.

8. Kuznecova, O. B. Nastolpnye ikony Jaroslavskogo Uspenskogo sobora XVIII–XIX vv. K probleme atribucii [Tekst] / O. B. Kuznecova // Filevskie chtenija. – M., 1994. – S. 40–50.

9. Kuznecova, O. B. O dinastii jaroslavskih ikonopiscev Shustovyh i stenopisjah Uspenskogo sobora Tihvinskogo monastyrja konca XVIII – nachala XIX veka [Tekst] / O. B. Kuznecova // Iskusstvo hristianskogo mira. Vyp. 9. – M., 2005. – S. 427–435.

10. Makarova, E. Ju. Ikony svjatitelja Dimitrija Ros-tovskogo v sobranii JaHM [Tekst] / E. Ju. Makarova // XIV Nauchnye chtenija pamjati I. P. Bolotcevoj (1944–1995) : Sb. statej. – Jaroslavl', 2010. – S. 168–175.

11. Rutman, T. A. Hramy i svjatyni Jaroslavlja [Tekst] / T. A. Rutman. – Jaroslavl', 2008. – S. 439.

12. Shemjakin, A. I. Slovar' masterov hudozhestvennyh remesel Jaroslavlja XVIII–XIX vekov [Tekst] / A. I. Shemjakin. – Jaroslavl', 2012.

13. Shulika, V. V. Ikona Presvjatoj Bogorodicy Mariahilf – Pasovskaja-Caregradskaja [Tekst] / V. V. Shulika // Volins'kaikona: doslidzhennja ta restavracija. Materiali XVIII mizhnarodnoï naukovoï konferencii m. Luc'k, 27–28. 10. 2011 r. – Luc'k, 2011. – S. 109–118.

14. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Tekst] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal, 2014. – № 1. – S. 12.

15. Jur'eva, T. V. Pochti utrachennyj pamjatnik [Tekst] / T. V. Jur'eva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2010. – T. 1. – № 3. – S. 185–188.

16. Jaroslavskij hudozhestvennyj muzej. Katalog sobranija ikon. Tom II. Ikony XVII – nachala XVIII ve-kov [Tekst] : Ch. 2. – Jaroslavl', 2012.

17. Jaroslavskij hudozhestvennyj muzej. Katalog sobranija ikon. Tom III. Ikony XVIII – nachala XX veka [Tekst] : Ch. 1. – Jaroslavl', 2013.

Reference List

1. Gorshkova V. V. Icons of the Cathedral of the Assumption // the Cathedral of the Assumption in Yaroslavl. – Yaroslavl, 2007. – P. 195–222.

2. Gorshkova V. V. Icon-painting of Yaroslavl in the XVIII – the beginning of the 20th century // the Yaroslavl Art Museum. Catalogue of icon collection. Volume III. Icons of the XVIII – the beginning of the 20th century. P.1. – Yaroslavl, 2013. – P. 8–68.

3. Zelenina Ya. E. From a portrait to an icon. Essays on the Russian iconography of the XVIII – the beginning of the 20th century. – M., 2009.

4. Zubatenko A. V. Family of the noblemen Plemyanikovs and Yaroslavl Spasso-Preobrazhensky Monastery // XVI Scientific readings in memory of I. P. Bolottseva (1944–1995): Collection of articles. – Yaroslavl, 2012.

5. Kazakevich T. E. The Western European short stories of «The new sky» by I. Galyatovsky in mural of Church of the Nativity in Yaroslavl//the II Scientific readings in memory of I. P. Bolottseva (1944–1995): Collection of articles. – Yaroslavl, 1998. – P. 45–64.

6. Kuznetsova O. B. «A frame with brands of the deiparous phenomena and miracles of the Yaroslavl icon of the Mother of God» 1803 Mr. Ivan Smirnov in collection of Yaroslavl Art Museum // «From wisdom and sanctity of the past ...» The VII Tikhomirov readings. Theses of reports. – Yaroslavl, 1999. – P. 73–75.

7. Kuznetsova O. B. Icon «The Mother of God of «Tender Feeling»» of the 18th century from collection of YaAM. To a question of iconography // 200 years to the first edition of «Tale of Igor's Campaign». Materials of anniversary readings on history and culture of Ancient and New Russia from August 27–29, 2000. Yaroslavl-Rybinsk. – Yaroslavl, 2001. – P. 233–235.

8. Kuznetsova O. B. Column icons of Yaroslavl Cathedral of the Assumption of the 18–19th centuries. To the problem of attribution. Filevskiy reading. – M., 1994. – P. 40–50.

9. Kuznetsova O. B. About dynasty of Yaroslavl icon painters the Shustovs and murals of the Cathedral of the Assumption in the Tikhvin Monastery at the end of the XVIII – the beginning of the 19th century // Art of the Christian world. Issue 9. – M., 2005. – P. 427–435.

10. Makarova E. Yu. Icons of St. Dmitry of Rostov in collection of YaAM // the XIV Scientific readings in memory of I. P. Bolottseva (1944–1995): Collection of articles. – Yaroslavl, 2010. – P. 168–175.

11. Rutman T. A. Temples and shrines of Yaroslavl. – Yaroslavl, 2008. – P. 439.

12. Shemyakin A. I. Dictionary of art crafts masters of Yaroslavl in the 18–19th centuries. – Yaroslavl, 2012.

13. Shulika V. V. The icon of Blessed Virgin Mary Mariahilf – Pasovskaya-Tsaregradskaya // Volin icon: Materials of the XVIII international conference in Lutsk, 27–28. 10. 2011 – Lutsk, 2011. – P. 109–118.

14. Yurieva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» / Culturological magazine, 2014. – № 1. – P. 12.

15. Yurieva T. V. Half- lost monument // Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2010. – V. 1. – № 3. – P. 185–188.

16. Yaroslavl Art Museum. Catalogue of icon collection. Volume II. Icons of the XVII – the beginning of the 18th centuries: P. 2. – Yaroslavl, 2012.

17. Yaroslavl Art Museum. Catalogue of icon collection. Volume III. Icons of the XVIII – the beginning of the 20th century: P.1. – Yaroslavl, 2013.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

Т. И. Ерохина, Е. Д. Логинова

Пограничность персонажей аниме Хаяо Миязаки: трансформация идентичности

Выполнено по гранту РГНФ 15-03-00655

«Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры»

В статье анализируются особенности пограничной трансформации персонажей в фильмах Хаяо Миязаки; делаются выводы о том, что магия служит основным мотивом, влияющим на внешнюю трансформацию героев аниме, и о том, что в произведениях мастера происходит трансформация на более глубоком уровне – в характерах самих персонажей.

Ключевые слова: аниме, трансформация как пограничное явление, духовное изменение персонажа, магическое преобразование, трансформация характера героя.

T. I. Erokhina, E. D. Loginova

Frontier of Hayao Miyazaki's Anime Characters: Transformation of Identity

In the article features of frontier transformation of characters in Hayao Miyazaki's movies are analyzed; conclusions are drawn that the magic is the main motive influencing external transformation of anime characters and that in the master's works there is a transformation at a deeper level – in personages' characters.

Keywords: anime, transformation as a frontier phenomenon, spiritual change of the character, magic transformation, transformation of the personage's character.

Трансформация в широком смысле означает модификацию или изменение формы или структуры чего-либо. Понятно, что это очень объемное концептуальное представление, и не удивительно, что этот термин широко применяется в различных областях научного знания. Для данной работы мы выбрали более точное определение трансформации как постепенного преобразования за счет внедрения инородных элементов.

Существует два типа трансформаций: внешний и внутренний. Первый тип трансформации направлен на преобразование внешней формы, тогда как второй тип направлен на изменение характера персонажа, его привычек и убеждений во времени. Таким образом, трансформация является непрерывным процессом изменений, переходом от одного состояния к другому. На основании вышесказанного мы склонны считать трансформацию пограничным явлением.

Говоря о японской анимации, невозможно обойти вниманием признанного мастера своего дела – Хаяо Миязаки. Этот аниматор получил признание не только в Японии, но и за ее пределами. В его работах можно увидеть оба вида трансформации. Внешняя трансформация очевидна на визуальном уровне, в то время как трансформация самого себя распознается и понимается в духовном изменении персонажа.

Трансформация в анимации Хаяо Миязаки крепко связана с магией. Известно, что магия является неотъемлемым элементом сказки или мифа. Она сопровождает трансформацию на протяжении всего повествования. Это может быть волшебное место, враг, помощник или объект, которые помогают герою.

Изучением сказок занимались такие исследователи, как А. Н. Афанасьев, А. А. Аарне и В. Пропп. Однако для данного исследования их классификации оказалось недостаточно, поэтому мы обратились к категории D magic «Мотива-индекса народной литературы» Стита Томпсона – учёного, который являлся продолжателем классификации А. А. Арне.

«Способность трансформироваться и освобождаться от чар – это только одна из волшебных сил, существующих в популярных традициях и народных сказках. Мир магии настолько хорошо зарекомендовал себя на фоне таких рассказов, что часто магические способности всех видов принимаются без комментариев, и почти всегда они являются лишь вспомогательными мотивами, совершенно случайными для основного действия сказки» [6, с. 260] (перевод осуществлен авторами). Поэтому в своей работе Томпсон выделил большое количество индексов магической трансформации; некоторые из них можно встретить в аниме Хаяо Миязаки: изменение образа (D40),

трансформация человека в животное (D130), трансформация человека в птицу (D150), трансформация человека в объект (D270), трансформация рыбы в человека (D370), преобразование размера объекта (D480), трансформация через силу слова (D520), преобразование различными способами (D560), периодическое преобразование (D620), добровольная трансформация (D640), трансформация посредством волшебной еды (D1030), магический объект влияет на временное изменение лица (D1360), потеря волшебной силы (D1740), средства производства волшебной энергии (D1760), волшебная сила (D1830), волшебное омоложение (D1880), волшебное старение (D1890), волшебная немота (D2020).

В фильмах Хаяо Миязаки главным является не преобразование формы, а трансформация характера героя. Чаще всего в работах этого мастера можно увидеть, как под влиянием внешних трансформирующихся факторов, будь то непосредственно преобразование внешнего облика самого героя или предметов и действующих лиц вокруг него, изменяется характер персонажа, оказавшегося вне зоны своего комфорта.

Для анализа мы выбрали следующие фильмы режиссера Хаяо Миязаки: «Сэн и таинственное исчезновение Тихиро» («Унесенные призраками»), (2001), «Ходячий замок Хаула» (2004), «Рыбка Поньо на утесе» (2008).

Главная героиня аниме «Сэн и таинственное исчезновение Тихиро» – десятилетняя девочка, которая вместе со своими родителями оказалась в мире духов. Стоит заметить, что сама главная героиня не испытывает на себе внешнюю трансформацию как таковую. Единственная сцена ее внешнего изменения – это превращение Тихиро в призрака, которое устранилось при помощи еды данного мира (D1030). Однако трансформация окружающих «людей» оказывает сильное воздействие на ее внутренние преобразования.

Первый пример визуальной трансформации, который нам предстает в этом аниме, – превращение родителей Тихиро в свиней после вкушения пищи, предназначенной для жителей этого мира – духов (D130). Данная трансформация не влияет на внутреннее преобразование характера родителей, так как в конце фильма они ничего не помнят. Однако превращение родителей в животных повлияло на последующее становление их дочери. Тихиро – избалованная и трусливая девочка. Для того чтобы спасти родителей, ей приходится преодолевать свой страх.

Главной задачей Тихиро было устроиться на работу в бани для духов под руководством ведьмы Юбабы. В сцене, где Тихиро все-таки отстояла свое право на работу, Юбаба забирает часть имени девочки (D560). Потеряв свое имя, Тихиро должна была стать служанкой в банях, забыв о своей первоначальной цели. В таком случае она не спасла бы своих родителей, которых впоследствии подали на стол гостям, и навсегда осталась бы в мире духов. Однако у Тихиро появился магический помощник Хаку, который являлся духом реки и мог превращаться в морского дракона, – дух изменения, а поэтому дух самой жизни (D1830). Под чутким руководством помощника Тихиро научилась выживать в мире духов.

Хаку, как и Тихиро, был работником бань и главным помощником ведьмы Юбабы. Он прибыл в мир духов, чтобы обучиться магии, однако Юбаба забрала его имя, поэтому Хаку забыл, кем является на самом деле. Когда дракону угрожала опасность, Тихиро, не раздумывая, кинулась спасать его, несмотря на угрозу наказания. Благодаря ей Кавакугава вернул свое имя и впредь был свободен от чар Юбабы.

В аниме есть еще один персонаж, который испытывает на себе внешнюю трансформацию, – ребенок Юбабы, представляющий собой огромного младенца. Он привык получать все и сразу, купался в чрезмерной заботе матери. Он превращается в маленького, пухлого грызуна, который пустился в путь вместе с Тихиро (D130). В дороге он смог лучше узнать девочку, поэтому, вернувшись в бани к матери, потребовал, чтобы она отпустила Тихиро с родителями в мир людей.

Таким образом, главным элементом аниме «Сэн и таинственное исчезновение Тихиро» является личностная трансформация главной героини картины. Из избалованного ребенка она превратилась в уверенную в себе, храбрую девушку, которая больше не пряталась за спинами родителей. Изменение ее самооценки и мировоззрения – одно из самых больших преобразований, которые проходит каждый человек в своей жизни.

Аниме «Ходячий замок Хаула» – экранизация сказки английской писательницы Дианы Уинн Джонс, в которой магия является частью мира героев. Главными персонажами истории являются Софи и Хаул, которые страдают от проклятья, либо навязанного себе, либо навязанного героем-антагонистом.

Героиня этой истории Софи Хаттер являлась старшей из трех сестер и была уверена, что, как старшая сестра, она обязана следить за семейным

бизнесом и сестрами, которых нужно выдать замуж. Нужно заметить, что, несмотря на то, что Софи была молодой девушкой, она носила простенькое платье, шляпку без украшений и строгую косу, поэтому большой симпатии у противоположного пола не вызвала. Даже приставшие к ней в одном из эпизодов солдаты называли ее «мышкой».

В один из вечеров Софи нагубила Ведьме пустоши, за что была превращена в старуху, такую, какой Софи ощущала себя внутри (D520). При этом Софи никому не могла рассказать о том, что она проклята (D2020). Чтобы снять проклятье, Софи отправляется на поиски волшебника Хаула.

Хаул предстает перед нами в образе прекрасного принца, спасшего «мышку» от солдат, однако позже мы понимаем, что Хаул – склонный к нарциссизму, эгоистичный и трусливый человек.

Несмотря на то, что Софи превратилась в старуху, в доме Хаула она проявляет нескрываемое любопытство, которое чаще присуще детям, на что ученик Хаула Маркл заметил: «...она везде свой нос сунет». Прибравшись в доме волшебника, Софи переставила средства по уходу за внешностью в ванной Хаула, что привело к изменению цвета волос последнего (D560). Увидев это, Хаул решил умереть, призвав тени: «Зачем жить, если ты некрасивый». Ответ Хаула поразил и разозлил Софи, которая и раньше не считала себя красавицей, а сейчас и вовсе пребывала в теле старухи. Постепенно Софи меняет внешний облик, то возвращаясь в молодое тело, то снова становясь старухой (D620). Когда она чувствует себя уверенной, любимой или наделенной полномочиями, Софи возвращается к молодой себе. Когда она теряет свою храбрость или уверенность, чувствует себя неполноценной, она снова становится пожилой женщиной. Это происходит на протяжении всего повествования в разных ситуациях, представляющих собой внутренние эмоциональные препятствия, которые должны быть преодолены во время поиска ею жизненного пути.

Хаул как герой-волшебник трансформируется в различные формы. Примерами его магических превращений могут служить эпизоды, где Хаул становится антропоморфной черной хищной птицей больших размеров, которая была необходима ему для осуществления военных действий. Эта трансформация является примером мотива превращения человека в птицу (D 150). Хаул также применяет человеческие маскировки. Например, когда он пришел забрать Софи из королевского дворца, то явился в образе короля (D40, D640).

Таким образом, можно сделать вывод, что, пока Софи была молодой, она растрчивала свою жизнь. Она мыслила как пожилой человек и не задумывалась о том, чтобы что-то изменить. Как только Софи превратилась в старушку, она начала жалеть, что, возможно, так и умрет, не испытав радостей молодости. Эта трансформация помогла ей поверить в себя, найти свой жизненный путь и помочь другим персонажам. Незначительная трансформация Хаула помогла ему признаться в своих слабостях, а теплые чувства к Софи сделали его сильнее и увереннее в себе. Он переходит из состояния одиночества, трусости и эгоистичности в состояние зрелого, ответственного и любящего человека. Он перестаёт убегать от проблем, потому что у него появляется кто-то, кого нужно защищать: «Мне было достаточно бежать. Теперь у меня есть кое-что, что я хочу защитить. Это ты».

В аниме есть еще персонажи, которые проявляют магическую трансформацию: Ведьма пустоши, Маркл – ученик Хаула, Репка и Кальцифер.

Ведьма пустоши – это могущественная колдунья, которая поддерживала свою молодость благодаря собственным магическим силам (D1880). В начале аниме она была высокомерной и требовательной дамой, которая превратила Софи в старуху. Однако ведьма стала неудобна королевской волшебнице, поэтому у нее были изъяты магические способности (D1740). После этого Ведьма пустоши приобрела свой истинный облик. Как только произошла визуальная трансформация старой женщины, она стала, казалось бы, мягкой и доброй личностью, которой отчасти все еще присущи сильные привязанности к власти и контролю над другими.

Маркл – сиротский мальчик, ученик Хаула. Он следит за порядком в замке и учится быть волшебником. Он использует магический объект для достижения визуальной трансформации. Когда клиент приходит к двери или если Маркл выходит на улицу, он надевает плащ, который превращает его в бородатого мужчину (D1360).

Репка – персонаж, который встречается Софи на пути к замку Хаула. Репка – пугало, которое являлось принцем соседнего государства после того, как спасло жизнь героев и получило благодарственный поцелуй от Софии (D270, D560).

Кальцифер – демон, который звездой упал на землю. Он заключил договор с Хаулом и взамен на волшебные силы забрал сердце колдуна. В аниме Кальцифер представляет собой огонь, который поддерживает силы Хаула и управляет ходячим замком. Демон далеко не бесчувственное су-

щество. Когда он стал свободным, то не стал искать новую жертву, а вернулся к Хаулу, выполняя прежнюю работу без какой-либо жертвы (D1760).

Как показывают вышеприведенные примеры, в этом фильме герои и героини демонстрируют визуальные трансформации, которые происходят с помощью магических средств, а также более глубокие и тонкие внутренние преобразования, которые вдохновляли их упорствовать в опасных обстоятельствах и проявлять свою целостность.

«Рыбка Поньо на утесе» является синестезией сказки Г. Х. Андерсена «Русалочка» и мифа о Великом потопе. Однако нас интересует именно ее сказочная часть, на примере которой мы и будем рассматривать трансформацию персонажей. Поньо – маленькая рыбка с человеческим лицом, которая хочет стать обыкновенной девочкой. Одним из мотивов этой истории является трансформация от животной ипостаси к человеческой форме (D370).

Первая трансформация Поньо происходит, когда она встречает человеческого мальчика по имени Соуске. Поньо застряла в банке, выкинутой в море, Соуске увидел беспомощную рыбку и решил ей помочь. Мальчик разбил банку и порезался об ее край. Слизав кровь, Поньо превратилась в человека (D1760).

С этого момента и на протяжении всей дальнейшей истории мы видим трансформацию Поньо в двух различных ипостасях: в виде рыбы в человеческой форме, но с куриными ногами и в полностью человеческой форме (D620).

Матерью Понью является богиня воды Маамаре, поэтому рыбка обладает волшебной силой, которой она не лишается даже в человеческой форме (D1830). Таким образом, она легко может использовать магию для достижения необходимых целей в какой-то определенный момент: включить генератор, сделать игрушечную лодку Соуске в полный размер, чтобы они могли найти маму мальчика, зажечь свечу и другие чудеса. Эти эпизоды иллюстрируют способность Поньо трансформировать объекты мира с помощью магии (D480).

В последнем эпизоде мы видим, что благодаря волшебному поцелую и использованию магии Поньо смогла окончательно лишиться своей рыбьей формы и стать человеком. Однако при этом ей пришлось отказаться от магии и своей прежней жизни под водой. В отличие от сказки Г. Х. Андерсена «Русалочка» радикальная трансформация Поньо в аниме Хаяо Миязаки привела к счастливому концу (D370, D560, D640, D1740).

Проведя анализ выбранных фильмов, можно сделать вывод, что в фильмах Хаяо Миязаки магия служит основным мотивом, влияющим на внешнюю трансформацию героев аниме. Кроме того, в его анимационных работах можно почувствовать другую трансформацию, которая происходит на более глубоком уровне – в характерах самих персонажей.

Говоря о своих работах, Миязаки ссылается на то, что молодые люди жаждут иллюзорного мира, ностальгируют по зрелому человеку и уверены в необходимости фантазий о поистине уникальных воображаемых мирах и персонажах. В своих фильмах Миязаки наполняет истории потрясающим множеством сверхъестественных элементов, которые процветают на экране благодаря взаимодействию магии и трансформации. Он создает повествование таким образом, что история имеет в своей основе и определенный мирской реализм. Баланс этих двух элементов – сверхъестественного и реального мира – поддерживают магические преобразования в его рассказах, которые способствуют личностному росту героев. На пресс-конференции по случаю своего ухода с поста аниматора студии Джибли Хаяо Миязаки отметил, что главным образом он хотел бы донести до детей идею, что жизнь стоит того, чтобы жить. На своих персонажах он показывает следующее: какая бы трансформация, внешняя или внутренняя, ни влияла бы на существование человека, жизнь является главным достоинством. «Это основа всего моего творчества, под неё подстраивалось всё», – утверждает японский аниматор.

Библиографический список

1. Зеленский, В. В. Словарь аналитической психологии [Электронный ресурс] / В. В. Зеленский. – Режим доступа: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/61117/chitat_knigu.shtml (дата обращения 24.10.2017)
2. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки [Электронный ресурс] / В. Я. Пропп. – Режим доступа: https://royallib.com/read/propp_vladimir/morfologiya_quotvolshhebnoyquot_skazki.html#0 (дата обращения 24.10.2017)
3. Пустошин, Е. Трансформации сознания в интегральной психологии. Часть 2: Структуры и состояния [Электронный ресурс] / Е. Пустошин // Журнал «Эрос и Космос». – Режим доступа: <http://eroskosmos.org/transformations-of-consciousness-part-2/> (дата обращения 24.10.2017)
4. Вэйн Дайер Как поверить в себя [Электронный ресурс] / Дайер Вэйн. – Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-ueyn-dayer/96167-kak-poverit-v->

sebya-ueyn-dayer/read/page-1.html (дата обращения 24.10.2017)

5. Folgert Karsdorp, Marten van der Meulen, Theo Meder & Antal van den Bosch MOMFER [Текст]: A Search Engine of Thompson's Motif-Index of Folk Literature. – 17 S.

6. Thompson Stith Motif-Index of Folk Literature [Текст] / Stith Thompson // 498. – 864 S.

7. Thompson Stith The Folktale [Текст] / Stith Thompson // University of Callifornia Press. – 519 S.

Bibliograficheskij spisok

1. Zelenskij, V. V. Slovar' analiticheskoy psihologii [Jelektronnyj resurs] / V. V. Zelenskij. – Rezhim dostupa: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/61117/chitat_knigu.shtml (data obrashhenija 24.10.2017)

2. Propp, V. Ja. Morfologija volshebnoy skazki [Jelektronnyj resurs] / V. Ja. Propp. – Rezhim dostupa: https://royallib.com/read/propp_vladimir/morfologiya_quot_otvolshebnoyquot_skazki.html#0 (data obrashhenija 24.10.2017)

3. Pustoshin, E. Transformacii soznaniya v integral'noj psihologii. Chast' 2: Struktury i sostojaniya [Jelektronnyj resurs] / E. Pustoshin // Zhurnal «Jeros i Kosmos». – Rezhim dostupa: <http://eroskosmos.org/transformations-of-consciousness-part-2/> (data obrashhenija 24.10.2017)

4. Vjejn Dajer Kak poverit' v sebja [Jelektronnyj resurs] / Dajer Vjejn. – Rezhim dostupa: <http://iknigi.net/avtor-ueyn-dayer/96167-kak-poverit-v-sebya-ueyn-dayer/read/page-1.html> (data obrashhenija 24.10.2017)

5. Folgert Karsdorp, Marten van der Meulen, Theo Meder & Antal van den Bosch MOMFER [Текст]: A Search Engine of Thompson's Motif-Index of Folk Literature. – 17 S.

6. Thompson Stith Motif-Index of Folk Literature [Текст] / Stith Thompson // 498. – 864 S.

7. Thompson Stith The Folktale [Текст] / Stith Thompson // University of Callifornia Press. – 519 S.

Reference List

1. Zelensky V. V. Dictionary of analytical psychology [An electronic resource] / V. V. Zelensky. – Access mode: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/61117/chitat_knigu.shtml (reference date 24.10.2017)

2. Propp V. Ya. Morphology of the magic fairy tale [An electronic resource] / V. Ya. Propp. – Access mode: https://royallib.com/read/propp_vladimir/morfologiya_quot_otvolshebnoyquot_skazki.html#0 (reference date 24.10.2017)

3. Pustoshin E. Transformations of consciousness in integrated psychology. Part 2: Structures and states [An electronic resource] / E. Pustoshin // Eros I Kosmos Magazine. – Access mode: <http://eroskosmos.org/transformations-of-consciousness-part-2/> (reference date 24.10.2017)

4. Veyn Dier How to believe in itself [An electronic resource] / Dier of Veyn. – Access mode: <http://iknigi.net/avtor-ueyn-dayer/96167-kak-poverit-v-sebya-ueyn-dayer/read/page-1.html> (reference date 24.10.2017)

5. Folgert Karsdorp, Marten van der Meulen, Theo Meder & Antal van den Bosch MOMFER: A Search Engine of Thompson's Motif-Index of Folk Literature. – 17 P.

6. Thompson Stith Motif-Index of Folk Literature. 498. – 864 p.

7. Thompson Stith The Folktale // University of Callifornia Press. – 519 P.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.10.2017

Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ваняшова Маргарита Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общих гуманитарных наук и театроведения ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43.

E-mail: vanyashova@yandex.ru

Галанова Валерия Александровна – аспирант кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: galanova712@yandex.ru

Ермолин Евгений Анатольевич – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: ox-eye2@yandex.ru

Ерохина Татьяна Иосифовна – доктор культуры, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43; заведующая кафедрой культуры ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: tatyanaer@yandex.ru

Землянская Наталья Сергеевна – историк-краевед, зам. председателя топонимической комиссии при мэрии г. Ярославля. 150000, г. Ярославль, Волжская набережная, 17.

E-mail: yar-mig@yandex.ru

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: Claus758@yandex.ru

Иванова Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

E-mail: olliva95@yandex.ru.

Колышева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики обучения филологических дисциплин ГАОУ ВО МГПУ: Институт гуманитарных наук. 129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4к4.

E-mail: elenakolysheva@yandex.ru

Котин Игорь Юрьевич – старший научный сотрудник МАЭ РАН, доктор исторических наук ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

E-mail: igorkotin@mail.ru

Кулаковский Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: kulmn@mail.ru

Логинова Екатерина Дмитриевна – магистрант 2 курса факультета русской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: tatyanaer@yandex.ru

Лукьянчикова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: lunavl@yandex.ru

Макарова Екатерина Юрьевна – старший научный сотрудник Ярославского художественного музея. 150000, г. Ярославль, Волжская набережная, 23.

E-mail: odri_77@mail.ru

Марасанова Виктория Михайловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова». 150003, г. Ярославль, Советская ул., 14.

E-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Мельник Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1.

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Пептиев Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: keu08@yandex.ru

Сенгунта Смит – кандидат филологических наук, зав. сектором комплектования, обработки и научного изучения фондов центра восточной литературы, РГБ (Москва). 119019, г. Москва, ул. Воздвиженка, 3/5.

E-mail: post@rsl.ru

Скибинская Ольга Николаевна – кандидат культурологии; руководитель Ярославского центра регионального литературоведения факультета русской филологии и культуры; доцент кафедры книжного дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: book-os@rambler.ru

Суханова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент. 150049, г. Ярославль, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 73, кв. 18.

E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Ухова Лариса Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: larissauchowa@mail.ru

Филипповский Герман Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Черновская Валентина Вениаминовна – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Международного института экономики и права (Ярославский филиал). 150043, г. Ярославль, ул. Белинского, д. 1; профессор ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова». 150003, г. Ярославль, Советская ул., 14

E-mail: yarsl@mier.ru

Юрьева Татьяна Владимировна – доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: icona-yar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vanyashova Margarita Georgievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of FSBEI HE «Yaroslavl State Theatrical Institute». 150000, Yaroslavl, Deputatskaya Street, 15/43.

E-mail: vanyashova@yandex.ru

Galanova Valeriya Aleksandrovna – a post-graduate student of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: galanova712@yandex.ru

Ermolin Evgeny Anatolievich – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Art Criticism, Professor, Head of the Journalism and Publishing Business Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: ox-eye2@yandex.ru

Erokhina Tatiyana Iosifovna – Doctor of Culture, Professor, Vice-Rector for Education of FSBEI HE «Yaroslavl State Theatrical Institute». 150000, Deputatskaya Street, 15/43; Head of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: tatyner@yandex.ru

Zemlyanskaya Nataliya Sergeevna – a local historian, Vice-Chancellor of the Toponymic Committee at the Yaroslavl Mayor's office. 150000, Volzhskaya Embankment, 17.

E-mail: yar-mig@yandex.ru

Ivanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory and Ways of Training Philological Disciplines Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: Claus758@yandex.ru

Ivanova Olga Evgenievna – Candidate of Philological Sciences, a leading researcher of FSBIS «The Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences». 119091, Moscow, Volkhonka Street, 18/2.

E-mail: olliva95@yandex.ru

Kolysheva Elena Yurievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Ways of Training Philological Disciplines Department of the Institute of the Humanities of Moscow City Pedagogical University. 129226, Moscow, the 2nd Agricultural Pass, 4k4.

E-mail: elenakolysheva@yandex.ru

Kotin Igor Yurievich – a senior researcher of MAE RAS, Doctor of Historical Sciences of FSBEI HE «Saint-Petersburg State University». 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7/9.

E-mail: igorkotin@mail.ru

Kulakovskiy Mikhail Nikolaevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: kulmn@mail.ru

Loginova Ekaterina Dmitrievna – a 2-year graduate student of the Faculty of Russian Philology and Culture of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: tatyner@yandex.ru

Lukyanchikova Nataliya Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: lunavl@yandex.ru

Makarova Ekaterina Yurievna – a senior researcher of the Yaroslavl Art Museum. 150000, Yaroslavl, Volzhskaya Embankment, 23.

E-mail: odri_77@mail.ru

Marasanova Viktoriya Mikhailovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Advertising and Public Relations Department of FSBEI HE «Yaroslavl State University named after P. G. Demidov». 150000, Yaroslavl, Sovetskaya Street, 14.

E-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Melnik Vladimir Ivanovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Linguistics and Literary Studies Department of FSBEI HE «Moscow State University of Design and Technologies». 1117997, Moscow, Sadovnicheskaya Street, 33, Building 1.

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Peftiev Vladimir Iliich – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Economic Theory and Management Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: keu08@yandex.ru

Sengupta Smita – Candidate of Philological Sciences, Head of the Sector of Compilation, Working and Studying Funds of East Literature Center, RSL (Moscow). 119019, Moscow, Vozdvizhenka, 3/5.

E-mail: post@rsl.ru

Skibinskaya Olga Nikolaevna – Candidate of Culturology, Head of Yaroslavl Center of Regional Literary Criticism of the Faculty of Russian Philology and Culture; Associate Professor of the Journalism and Publishing Business Department, of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: book-os@rambler.ru

Sukhanova Irina Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. 150049, Yaroslavl, Saltykov-Shchedrin, House 73, Aptm. 18.

E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Ukhova Larisa Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertising Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: larissauchowa@mail.ru

Filippovsky German Yurievich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Chernovskaya Valentina Veniaminovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Historical Faculty of the International Institute of Economics and Law (Yaroslavl Office). 150043, Yaroslavl, Belinsky Street, 1; Professor of FSBEI HE «Yaroslavl State University named after P. G. Demidov». 150000, Yaroslavl, Sovetskaya Street, 14.

E-mail: yarosl@miep.ru

Yurieva Tatiyana Vladimirovna – Doctor of Culturology, Professor of the Journalism and Publishing Business Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: icona-yar@mail.ru

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре.

2. Требования к оформлению:

- 1 страница текста формата А4 должна содержать не более 1 900 знаков с учетом пробелов;
- поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0 см;
- гарнитура Times New Roman; кегль 14; междустрочный интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc.

4. Требования к рукописи:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

- Ф. И. О. автора;
- почтовый адрес с индексом;
- контактный телефон;
- e-mail;
- ученая степень и звание;
- должность;
- место работы (указать юридический адрес и индекс).

4.4. Название статьи, аннотация, ключевые слова на русском и английском языках.

4.5. Аннотация статьи – не менее 150 слов.

4.6. Ключевые слова – 12 единиц.

4.7. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники и примечания указываются в тексте статьи в квадратных скобках (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27–48]). Библиографический список и примечания оформляются по ГОСТу 7.1–2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (пример оформления см. на сайте <http://vv.yspu.org/>).

6. Таблицы, схемы, диаграммы должны быть черно-белыми, без цветной заливки, допускается штриховка.

Оформление таблиц и рисунков:

- каждый рисунок должен быть пронумерован и подписан. Подписи не должны быть частью рисунков;
- рисунки обязательно должны быть сгруппированы (то есть не должны «разваливаться» при перемещении и форматировании);
- следует избегать использования рисунков и таблиц, размер которых требует альбомной ориентации страницы;
- надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть четкими и легко читаемыми;
- в тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на таблицы, рисунки, графики.

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Рисунки, таблицы, схемы должны иметь порядковый номер название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

7. К рукописи, предназначенной для публикации, необходимо приложить следующие материалы:

- Заполненное и подписанное Лицензионное соглашение в двух экземплярах.
- Почтовый конверт с марками для возвращения одного экземпляра лицензионного соглашения автору статьи.

8. Объем статьи не должен превышать 10 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

9. Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

10. Присланная статья проходит рецензирование, получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии «Верхневолжского филологического вестника», после чего передается редактору для включения в номер, содержание которого утверждается на редколлегии.

Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN» AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

- 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;
- margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;
- font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

- surname, first name, patronymic name (if applicable);

- address with postcode;

- contact phone number;

- e-mail;

- scientific degree and status;

- job title;

- place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 150 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1–2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

- each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

- pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

- pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

- captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

- the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

- 2 copies of completed and signed author's contract.

- An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Verhnevolzhski Philological Bulletin» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 18 п. л., 14,76 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 300. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 28.12.2017

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32–98–69